

ISSN 1993–4750

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

17 (756)
2016

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY
EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
"MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY"

The year of foundation – 1940

**VESTNIK
OF MOSCOW STATE
LINGUISTIC UNIVERSITY**

Issue 17 (756)

Moscow
FSBEI HE MSLU
2016

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Год основания издания – 1940

**ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Выпуск 17 (756)

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2016

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
кандидат исторических наук **И. В. Манохин**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК МГЛУ»

А. А. Гаджиев, д-р филол. наук, проф. (Азербайджан)	Лю Лиминь, Ph. D., проф. (КНР)
Н. П. Баранова, канд. пед. наук, доц. (Беларусь)	Д. С. Маркес, Ph. D., проф. (Испания)
З. К. Бурнацева, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)	Т. В. Медведева, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Г. Б. Воронина, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)	Л. В. Моисеенко, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Г. Р. Гаспарян, д-р филол. наук, проф. (Армения)	А. И. Мусаев, д-р филол. наук, проф. (Кыргызстан)
К. В. Голубина, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)	Л. А. Ноздрина, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
И. А. Гусейнова, д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)	Р. К. Потапова, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Н. А. Дудик, канд. филол. наук (МГЛУ)	Ю. Е. Прохоров, д-р пед. наук, д-р филол. наук, проф. (Россия)
Г. Ершов, Ph. D., проф. (Германия)	О. А. Радченко, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
М. С. Имомзода, д-р филол. наук, проф. (Таджикистан)	М. Н. Русецкая, д-р пед. наук, проф. (Россия)
К. М. Ирисханова, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)	Т. С. Сорокина, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
О. К. Ирисханова, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)	А. Н. Тарасова, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
А. Я. Касюк, д-р истор. наук, проф. (МГЛУ)	И. И. Убин, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
И. А. Краева, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)	Х. Ли-Янке, проф. (Швейцария)
Г. Ф. Красноженова, д-р социол. наук, проф. (МГЛУ)	А. Д. Ченки, Ph.D., проф. (Нидерланды)
С. С. Кунанбаева, д-р филол. наук, проф. (Казахстан)	Н. А. Шулепов, д-р юрид. наук, проф. (МГЛУ)
Ф. Г. Лодейро, Ph. D., проф. (Испания)	М. Форстнер, Ph. D., проф. (Германия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

доктор филологических наук, профессор Г. Г. Бондарчук;
доктор педагогических наук, профессор Н. Ф. Коряковцева;
доктор филологических наук, профессор А. П. Бондарев;
доктор философских наук, профессор И. К. Харичкин

Вестник входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2016

Издание зарегистрировано 10 октября 2014 г. ЭЛ № ФС77-59634 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР)

Доменное имя сайта: VESTNIK-MSLU.RU

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания. Ссылка на издание при перепечатке обязательна

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Авдони́на М. Ю., Жабо Н. И., Черны́шева И. Б., Кривоше́ева Е. Н.</i>	
Экологические термины во французском политическом дискурсе ...	9
<i>Голикова М. С.</i>	
Позднеантичная трансформация в процессе коммуникации события «верность»	18
<i>Евтушенко О. В., Ба Юйсинь</i>	
Типология речемыслительных операций, лежащих в основе словотворчества	26
<i>Климинская С. Л.</i>	
Когнитивное событие в контексте устойчивого развития	39
<i>Табакова В. С.</i>	
Межкультурные аспекты дискурса единоборств	48

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Горожанов А. И.</i>	
LMS MOODLE как инструмент разработки курсов иностраных языков – узлов обучающей виртуальной среды	55
<i>Талалай И. В.</i>	
Методические аспекты изучения предвосхищающего внимания	65

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Бондарев А. П.</i>	
Апофатика героя и алеаторика фабулы	78

Перова Е. Ю.

Значение языка для возрождения национального самосознания	103
--	-----

ПОЛИТОЛОГИЯ

Абгарян Р. Э.

Основные этапы динамики политических конфликтов и методы их разрешения	114
---	-----

Вавилов А. И.

Мигрантский «потоп» в Европе	120
------------------------------------	-----

Манохин И. В., Емельянов А. И.

Роль latinoамериканской цивилизационной идентичности в формировании современной мировой политики	136
---	-----

Манохин И. В., Михалёв Ю. А.

Терроризм как глобальная угроза человечеству	146
--	-----

Никодимов И. Ю.

Формирование антикоррупционного мировоззрения у молодого поколения как основополагающий аспект комплексной безопасности государства	152
---	-----

Саблуков А. В., Манохин И. В.

Место и роль этнокультурного развития молодежи в воспитательном процессе и его основные направления	157
--	-----

Синчук Ю. В., Родионов А. А.

Присоединение Крыма – а какова цена?	169
--	-----

CONTENTS

LINGUISTICS

<i>Avdonina M. Yu., Zhabo N. I., Chernysheva I. B., Krivosheeva E. N.</i>	
Ecological Terms in French Political Discourse	9
<i>Golikova M. S.</i>	
The Late Antiquity Transformation of Communication Process in Fidelity Event	18
<i>Evtushenko O. V., Ba Yuxin</i>	
The Typology of Verbal and Cognitive Schemes Underlying the Creation of Words	26
<i>Kliminskaya S. L.</i>	
The Cognitive Event in the Context of Sustainable Development	39
<i>Tabakova V. S.</i>	
Intercultural Aspects of Combat Discourse	48

PEDAGOGICAL SCIENCES

<i>Gorozhanov A. I.</i>	
LMS Moodle as a Tool for Developing Foreign Language Courses – Virtual Learning Environment Nodes	55
<i>Talalay I. V.</i>	
Methodical Aspects of Anticipatory Attention Investigation	65

LITERARY STUDIES

<i>Bondarev A. P.</i> Apophatic Character and Aleatory Plot	78
<i>Perova E. U.</i> Language for The Revival of National Consciousness	103

POLITICAL SCIENCES

<i>Abgaryan R. E.</i> The Main Stages of the Political Conflicts Dynamics and their Resolution	114
<i>Vavilov A. I.</i> Migrants' Deluge in Europe	120
<i>Manokhin I. V., Emelianov A. I.</i> Latin-American Civilization Identity Role in the Modern World Politics Process	136
<i>Mikhalev Y. A.</i> Terrorism as a Global Threat to Humanity	146
<i>Nikodimov I. U.</i> Young Generation Anti-Corruption Mindset Formation as Key Aspect of Comprehensive State Security	152
<i>Sablukov A. V., Manokhin I. V.</i> Place, Role and Main Directions of Ethno-Cultural Development of Youth in Educational Process	157
<i>Sinchuk Y. V., Rodionov A. A.</i> Joining Crimea – Is It Worth Doing That?	169

УДК 811.133.1

**М. Ю. Авдонина, Н. И. Жабо,
И. Б. Чернышева, Е. Н. Кривошеева**

Авдонина М. Ю., доцент, кандидат психологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации факультета заочного обучения МГЛУ; e-mail: mavdonina@yandex.ru

Жабо Н. И., кандидат филологических наук кафедры иностранных языков Аграрно-технологического института (Российский университет дружбы народов), ст. преподаватель; e-mail: lys11@yandex.ru

Чернышева И. Б., доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры французского языка (Высшие курсы иностранных языков Министерства иностранных дел Российской Федерации); e-mail: cher_ir@mail.ru

Кривошеева Е. Н., ст. преподаватель кафедры иностранных языков Аграрно-технологического института (Российский университет дружбы народов); e-mail: krivosheeva.elena.1969@mail.ru

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ¹

Цель исследования – в выявлении новых видов актуализации экологических терминов во французских текстах общественно-политического содержания, в том числе в чатах и на форумах Интернета. Установлено, что в политическом дискурсе экологические ценности используются в качестве политических аргументов, а термины (*plante verte mondialiste, homme du terroir, pollution politique, recyclage des politiciens, écosystème politique, politicien durable* и т. д.) приобретают эмоциональные, оценочные, людические, ироничные смыслы.

Ключевые слова: семантические изменения; коннотативные значения; экологические термины; социокультурная компетенция.

¹ Статья публикуется в рамках реализации проекта РНФ № 14-48-00067 «Взаимодействие вербальных и невербальных средств конструирования событий в разных языках».

Avdonina M. Yu.

PhD, Candidate of Psychology, Associate Professor of the Department of Linguistics and Intercultural Communication of the Faculty by Correspondence, MSU; e-mail: mavdonina@yandex.ru

Zhabo N. I.

PhD, Candidate of Philology, Senior Lecturer, Head of German and French Section of the Department of Foreign Languages of the Agrarian Technological Institute; the Peoples' Friendship University of Russia; e-mail: lys11@yandex.ru

Chernysheva I. B.

PhD (Philology), Associate Professor of French Federal State Educational Institution of Additional Professional Education Institute for Advanced Studies «Higher Courses of Foreign Languages of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation»; e-mail: cher_ir@mail.ru

Krivosheeva E. N.

Senior Teacher of the Department of Foreign Languages of the Agrarian Technological Institute; the Peoples' Friendship University of Russia; e-mail: krivosheeva.elena.1969@mail.ru

ECOLOGICAL TERMS IN FRENCH POLITICAL DISCOURSE

The purpose of the study is to identify new ways of actualization of environmental terms in French texts of the socio-political content, including Internet chats and forums. It has been revealed that in the political discourse environmental values are used as political arguments, eco-terms (*plante verte mondialiste; homme du terroir, la pollution politique; recyclage des politiciens; écosystème politique, politicien durable*, etc.) got emotive, evaluative, ludic, ironic meanings.

Key words: semantic changes; connotative meanings; environmental terms; socio-cultural competence.

Исследование посвящено анализу социально-коммуникативной роли экологических терминов (далее – экотерминов) и семантических изменений экотерминов французского языка при переходе в другой функциональный стиль (от научного дискурса к политическому языку) и при употреблении в другом социально-коммуникативном контексте.

Целью исследования является выявление новых способов актуализации экологических терминов во французском языке начала XXI века в связи с культурно-исторической эволюцией общества.

Объектом анализа послужили тексты общественно-политического содержания, в том числе тексты форумов и чатов Интернета.

Предмет исследования – изменение семантики экологических терминов (слов и словосочетаний), обслуживающих общение в контексте политического дискурса.

Материал исследования – специальная лексика экологии французского языка. Экотермины французского языка представляют собой сложность не только в силу своих структурно-типологических особенностей, но и из-за обусловленности своей семантики контекстом, категорией адресата, его компетентностью, ситуацией общения, интенцией автора и т. д. [1; 3]. В связи с актуализацией и популяризацией экологической тематики и благодаря тому, что значительная часть французов вовлечена в движение за экологическую чистоту страны и мира, сформировался устойчивый набор лексических средств, которые, являясь частью научного языка, в последние десятилетия вошли в политический дискурс [4]. Экотермины и научные концепции экологии вводятся в экономические, политические, рекламные тексты, в документы государственных и административных органов. В высказываниях политических деятелей и журналистов узкоспециализированные термины получают надлежащую адаптацию к уровню восприятия реципиентов и интерпретацию (заметим, что новые термины и новые значения преимущественно заимствуются из английского языка). Таким образом узкоспециальные языковые единицы входят в группу частотной лексики, их употребляют в обиходе, в частности, в ток-шоу, в современном фольклоре, песнях, неформальном письменном общении пользователей Интернета (в переписке в блогах), в устных обсуждениях в частной беседе. Особенно быстро новое слово или новое значение ассимилируется, если его вводит авторитетное лицо. Своеобразным способом функционально-семантической трансформации является описание политических событий и известных политиков в терминах экологии.

Первая позиция – сами действия по улучшению окружающей среды как аргумент борьбы за власть – позволяет использовать экотермины в их собственно-научном значении. Например:

L'homme, lui-même cycliste invétéré, souhaite *tripler les déplacements en vélo* dans la ville, étendre les horaires et le réseau des trams et *lutter contre* “toutes les formes de *pollution*” (*atmosphériques, sonores, électromagnétiques...*) Autres *mesures emblématiques* du *verdissement* souhaité par l'élu... (Le Point.fr 31.03.2014) [20].

Репрезентируя информативно-познавательную доминанту текста статьи, пути решения урбанизационных экологических проблем определяются как значимые в политическом смысле (*mesures emblématiques*). Слово *verdissement* имеет смысл планируемых экологических мероприятий.

Сравнение программ политических партий Франции перед выборами 2017 года показало использование ими одних и тех же ценностей и действий в защиту окружающей среды как основного аргумента на выборах.

Вторая позиция – переносное значение экотермина. Если в научных текстах терминология выполняет номинативную, мыслеформирующую, референтную и когнитивную функции, прагматический аспект высказывания открыто вербализован, то в политическом дискурсе на первый план выступают эмоционально-экспрессивная, побудительная, идеологическая, аксиологическая функции. В частности, партия Национальный фронт, далекая от тем экологии, осознав необходимость включения таких проблем в предвыборную программу, добавляет в образы экологии двойную «начинку». Например:

Après le collectif «Racine», qui rassemblait les enseignants, [...] le dernier né «Nouvelle Ecologie» se donne pour objectif de défendre le programme d'une «*écologie patriote*» [7].

В данном примере на основе нового сочетания лексических единиц, имеющих общие семы в самом обобщенном смысле (дом – родина), заявляется одно из выбранных партией направлений деятельности. Далее в статье экотермины сначала используются в своем первом значении: *transition énergétique, panneaux solaires, voitures à hydrogène*. И тут же интерпретируется их политическое образное значение: *l'imaginaire habituel des écolos; redorer l'image de l'écologie; le symbole du collectif, un arbre; la plaquette distribuée aux journalistes est verte*. Цитируются лозунги, готовящие избирателей к выбору в 2017 году: «Quand on est mondialiste on ne peut pas être sérieusement écologiste»; «Le Front national est le seul mouvement authentiquement écologiste de France». Противопоставляются *écologisme cosmopolite* и *national-ecologisme*, усиливается патриотическая составляющая.

С одной стороны, экология трактуется в самом широком смысле, используются единицы-обобщения: *pour la défense de la vie, de la nature et de l'animal*, с другой – неологизм *protectionnisme intelligent* сочетает

«защиту отечественного производителя» с идеей инновационных технологий (выражающуюся обычно в таких терминах-словосочетаниях, как: *un système de transport intelligent; une ville intelligente, un téléphone intelligent; un réfrigérateur intelligent* и т. п.). Заметим, что в контексте перечисления пунктов политической программы (*produisons et achetons français*) в семантике неологизма *relocalisation* заключен призыв к действиям политического и административного характера по возврату к производству всего необходимого на местах.

Экотермины в качестве вторичной номинации добавляют в политическую дискуссию больше красок, делают ее более актуальной, эмоционально насыщенной. Например:

Jean Marie Le Pen avait lui aussi *une vision très particulière* de l'écologie: «*Les esprits sont pollués* par la came, le rock, le rap, le tag, par les *déchets idéologiques*: égalitarisme, matérialisme, scientisme, progressisme, relativisme moral, etc. Un monde *écologiquement pur* n'est pas seulement débarrassé de la *toxicité de l'agression chimique* mais aussi de l'irradiation des idées mortelles pour les sociétés» [5].

В данном примере журналист критически относится (avait ... *une vision très particulière*) к употреблению экотерминов в образном оценочном значении (букв.: *загрязненные умы, идеологические отбросы, экологически чистый мир, ядовитость агрессии, облучение смертельными идеями*). Однако эти энергичные образы оказывают повышенное экспрессивное воздействие на адресата-избирателя.

Термин *écosystème* [10] в сочетании с разнообразными существительными и прилагательными, обозначающими части общества, часто используется в расширительном смысле (*l'écosystème des médias, ~ de la presse numérique, ~ de la construction, ~ entrepreneurial, ~ d'affaires, ~ des administrations publiques*), трактуется вольно, контекстуально синонимичен следующим словам: *un panorama du nouveau paysage de la presse en France; une photographie, un instantané de ce qu'est la presse aujourd'hui*; имеет свойства изображения: *un nouvel écosystème, dont il s'emploie à dessiner les contours*; синонимичен словам мир, все-ленная (*l'invention d'un nouveau monde, un nouvel écosystème*) [6].

В процессе расширения сферы функционирования экотерминов, например при обсуждении мировых проблем в ситуации многоязычия, формируются новые сочетания с экотерминами. При этом развивается процесс ресемантизации [3; 4]. Метафора может быть

развитой, например: *écosystème politique tranquille comme fleuve* [6]; однако чаще автор не развивает эту метафору и переходит к описанию составляющих системы: *RH est l'agence de marketing éditorial et digital dédiée à 100 % à l'écosystème RH: DRH, managers, prestataires RH, organismes de formation* [6].

Не менее часто эта метафора сопровождается единицами, несущими отрицательную моральную оценку, например в статье о политической системе под названием *L'écosystème de la corruption* [11]: *Aussi choquant soit-il, son témoignage est avant tout le reflet d'un écosystème politique malsain*. Здесь блогер подчеркивает и раскрывает коннотации этого термина. Пишущие в блогах пользователи Интернета солидарны с журналистами в том, что в политической системе много «грязи»: *La saleté dans l'écosystème politique, se confirme-t-elle?* 24.02.2016 [12].

Набор экологических терминов используется для описания состояния общества, например мира журналистики [6]: *une phase de mutation; l'évolution (des compétences des journaliste); L'univers [...] s'est adapté; cohabiter au sein de...; des journalistes collecteurs, chasseurs ou pêcheurs de l'information*. В тексте есть и узнаваемые устойчивые сочетания с значением «предупредить катастрофу, быть бдительными», свойственные текстам по экологии: *Il faut ici être extrêmement vigilant; les effets sont encore difficiles à appréhender; des questions d'expérimentation et d'évaluation; les signaux d'alerte*. Нередко в основе таких семантических преобразований лежит метонимический или метафорический перенос.

Еще один экотермин становится ведущим в предвыборной кампании: *terroir*. Значения этого термина: «почва; земля; местный колорит; областничество; провинциализм; магия земли; сочетание земли и местных продуктов и традиций; край» [19], но в функции характеристики политического деятеля (*homme du terroir*) новое сочетание, еще не включенное в словари, обязательно особенно положительно. Например: *Homme de cœur et de conviction. Homme du terroir (au sens noble)* [13].

Одними из наиболее частотных экотерминов в сфере политики являются *recycler* [9], *recyclage* (переработка отходов и использование вторсырья).

Заметим, что все обнаруженные случаи – это высказывание личного мнения избирателей и журналистов. Например:

Macky recycle le politicien le plus ténébreux du Sénégal [16].

При обсуждении состава депутатов и нового кабинета министров применены приемы доведения до абсурда и деперсонификации выражают разочарование («ничего не меняется»), например:

Des ex élus recyclés de la précédente mandature. Dont je ne suis pas du tout mais pas du tout content. Alors ils seront de toutes façons élus [14].

Насмешка с приемом двойной ложной похвалы (*beau, écolo*) при назначении С. Рояль министром (*Ségolène Royal: **Le recyclage d'ex, un beau geste écolo de la part de François Hollande*** [18]) актуализирует следующие семы: а) вновь приходит к власти лидер социалистической партии, проигравший на выборах Саркози; б) президент бросил свою гражданскую жену, но теперь она понадобилась; в) пост министра экологии подразумевает утилизацию отходов.

Оценочность при персонификации приобретает и эпитет *durable*, вобравший в себя комплексную семантику устойчивого выражения *développement durable* [3], особенно в словосочетании *politicien durable* [15], например:

Nous tous à vélo ou bien tassés dans des bus et eux en voiture avec chauffeur si possible! Politiciens «durables» quoi! [15].

Лингвисты и социологи обсуждают бессмысленность словосочетания *inégalités écologiques* [8].

Экотермины выполняют людическую функцию, например: *des communautés autogérées d'un écolo-survivalisme ethnique*; выражают иронию, например: *comme le nuage de tchernobyl la crise épargne Limoges*; сарказм, например: *Quand on aura eu notre Tchernobyl made in France, on sera ...* [15].

В приведенных выше и подобных примерах экотермины реализуют основные функции текста, усиливая их, придавая им повышенное экспрессивное воздействие на адресата. В целом, экотермины употребляются с целью реализации функции персуазивного вербального воздействия. Таким образом, для правильной интерпретации изучаемых единиц в контексте политического дискурса необходимо проводить специальную работу по формированию социокультурной компетенции, так как в политическом дискурсе они весьма неоднозначны; актуализация той или иной семы бывает полностью обусловлена контекстом и не отражается в словарях.

В процессе расширения сферы функционирования экотерминов расширяется их семантическая совместимость, приобретаются

устойчивые значения, связанные с обсуждением внутривнутриполитической жизни Франции.

Практическое применение результатов исследования для формирования социокультурной компетенции заключается в разработке серии упражнений аспектного и речевого характера на практических занятиях по иностранному языку и практическому переводу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Авдони́на М.Ю. и др.* Терминосистемы экологического дискурса в английском, французском и русском языках / М.Ю.Авдони́на, Н.И.Жабо, Н.Г.Валеева, С.Ю.Терехова. – М. : РУДН, 2016. – 202 с.
2. *Авдони́на М.Ю., Жабо Н.И., Терехова С.И.* Юморизация терминов экологии в публицистическом тексте и проблемы перевода // Профессионально ориентированный перевод: реальность и перспективы: сб. науч. тр. 10-й Междунар. науч.-метод. интернет-конф., Москва, 22–23 апреля 2015 г. / под ред. Н.Н.Гавриленко. – М. : РУДН, 2015. – С. 13–25.
3. *Жабо Н.И.* Системы экологических терминов русского и французского языков: типология, семантика и функции. – М. : РУДН, 2015. – 242 с.
4. *Чернышева И.Б.* Единое информационное пространство как фактор ресемантизации терминов политического дискурса // Университетское переводоведение: материалы VIII Юбилейной междунар. науч. конф. по переводоведению «Федоровские чтения», посв. 100-летию со дня рождения А.В.Федорова. 19–21 октября 2006 г. – Вып. 8. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2007. – С. 40–52.
5. *Anatomie du Front national* // Mediapart, 25.01.2016. – URL: <https://blogs.mediapart.fr/espaces-marx/blog/250116/anatomie-du-front-national-entretien-avec-rene-monzat>
6. *Bailly S.* Rapport : l'écosystème des médias // Médiacademie. Debat, études, 14.04.2015 – URL: <http://www.mediacademie.org/1837/rapport-lecosysteme-des-medias#.V38p1UaLQkU>; в) Bruno G. Pour un nouvel écosystème de la presse : les bonnes feuilles du rapport de Jean-Marie Charon // Observatoire des Médias, 08.04.2015 – URL: <http://www.observatoiredesmedias.com/2015/04/08/pour-un-nouvel-ecosysteme-de-la-presse-les-bonnes-feuilles-du-rapport-de-jean-marie-charon/>; с) <http://www.parlonsrh.com/>
7. *Bastie E.* Le Front national se met au vert // Le Figaro, 11.12.2014 – URL: <http://www.lefigaro.fr/politique/2014/12/10/01002-20141210ARTFIG00374-le-front-national-se-met-au-vert.php>
8. *Bellan G., Bellan-Santini D., Dauvin J.-Cl.* À propos de quelques utilisations des termes « Inégalités écologiques » : simples impropriétés de langage ou accaparement abusif ? // Développement durable et territoires. Dossier 9, 2007 – URL: <http://developpementdurable.revues.org/3426>

9. Comment Sarkozy recycle “la Chartreuse de Parme” pour se moquer de Hollande / *Nouvel Observateur*. Le plus. 26.06.2014. – URL: <http://leplus.nouvelobs.com/contribution/1218431-comment-sarkozy-recycle-la-chartreuse-de-parme-pour-se-moquer-de-hollande.html>
10. *Gunnell Y.* Notion à la une : écosystème. – URL: <http://geoconfluences.ens-lyon.fr/informations-scientifiques/a-la-une/notion-a-la-une/notion-a-la-une-ecosysteme>
11. *Legault J.* L'écosystème de la corruption, 16.05.2014 // *Le Journal de Montréal*. – URL: <http://www.journaldemontreal.com/2014/05/16/lecosysteme-de-la-corruption>
12. L'histoire donne-t-elle raison à Jules diop ? *Le Dakarois*, 07.07.2016. – URL: <http://ledakarois.net/l-histoire-donne-t-elle-raison-a-jules-diop-est-il-devenu-libre-la-saleta-dans-l-ecosysteme-politique-se-confirme-elle-ecoutez.html> ; <http://lesurvivaliste.blogspot.ru/2012/09/limage-du-survivaliste.html>
13. *Lévy E.* L'homme qui ne faisait pas rêver. Si ce n'est les médias... // *Causeur* 06.06.2016. – URL: <http://www.causeur.fr/juppe-presidentielle-2017-primaire-lr-umps-38544.html#>
14. http://www.liberation.fr/france/2014/04/01/aujourd-hui-encore-je-n-ai-pas-vote-cela-va-faire-douze-ans_992106
15. *Mabut J.-F.* Marguerite Contat: Les tâches du président durable du Conseil d'Etat genevois // *Tribune de Genève*, 17.09.2013. – URL: <http://www.tdg.ch/vivre/marguerite-contat-tches-president-durable-conseil-etat-genevois/story/24606458> ; <http://www.lessentiel.lu/ro/community/storydiscussion/showthread.tpl?storyid=22015563&type=1&l=1&cmd=open>
16. Macky recycle le politicien le plus ténébreux du Sénégal... // *Xibaaru*, 25.03.2016. – URL: <http://xibaaru.com/exclusivites/macky-recycle-le-politicien-le-plus-tenebreux-du-senegal-le-porte-malheur-ousmane-ngom/>
17. Présidentielle 2017 : cinq choses à savoir sur l'étonnant Jean Lassalle // *Metronews*, 17.03.2016. – URL: <http://www.metronews.fr/info/video-presidentielle-2017-cinq-choses-a-savoir-sur-l-etonnant-jean-lassalle/mpcq!qPwJia1BkTGUM/>
18. Ségolène Royal : le retour au gouvernement de “l'ex” fait sensation – URL:
19. Terroir. – URL: <http://www.multitrans.ru/c/m.exe?CL=1&s=terroir&l=4>
20. *Wiels J.* Municipales : Grenoble, nouveau laboratoire pour l'écologie politique. – URL: http://www.lepoint.fr/municipales-2014/municipales-grenoble-nouveau-laboratoire-pour-l-ecologie-politique-31-03-2014-1807550_1966.php

УДК 008:80

М. С. Голикова

ст. преподаватель кафедры классической филологии МГЛУ;

e-mail: golikoff@list.ru

ПОЗДНЕАНТИЧНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ В ПРОЦЕССЕ КОММУНИКАЦИИ СОБЫТИЯ «ВЕРНОСТЬ»¹

В статье рассматривается группа событий в культурном контексте Древнего Рима, объединенная общим значением «верность» (*fides*). Множественные конфликты интерпретации таких событий, зафиксированные в Поздней Античности анализируются через призму прототипической ситуации. Автор приходит к выводу, что трансформация векторных отношений внутри коммуникации между субъектом и объектом в рамках ситуации «верность» приводит к изменению восприятия всего события в целом.

Ключевые слова: *fides*; верность; преданность; Поздняя Античность; лингвокультурология.

Golikova M. S.

Senior Lecturer, Department of the Classical Philology, MSLU;

e-mail: golikoff@list.ru

THE LATE ANTIQUITY TRANSFORMATION OF COMMUNICATION PROCESS IN FIDELITY EVENT

The article studies a series of events in the cultural context of ancient Rome which are associated with 'fides' concept. Multiple conflicts in interpretation of the events had already been discovered in late antiquity and are analyzed in the light of prototype theory in this paper. It is concluded that transformation of mutual relations between 'subject' and 'object' in the framework of the 'fides' context results in modification of the event perception in general.

Key words: *fides*; loyalty; fidelity; Late Antiquity; linguoculture.

Особенность взаимодействия коммуникативных и когнитивных единиц в рамках события можно проследить на примере древнеримской верности в Поздней Античности.

Верность – ядерным номинантом которой в латинском языке является слово «*fides*», – это базовый принцип и основа культуры

¹ Статья публикуется в рамках реализации проекта РНФ № 14-48-00067 «Взаимодействие вербальных и невербальных средств конструирования событий в разных языках».

Древнего Рима. Немецкий исследователь Античности В. Пешел пишет: «базовый принцип и основа культуры древнего Рима»: «Fides – понятие, находящиеся в центре политического, социального и правового устройства Рима. С верностью сопрягались другие главнейшие добродетели, так как она является ключевым понятием для римской системы морали» [11, с. 3]. Слово «fides» – часть сложной концептуальной системы, которая связывала чужих, не имеющих кровного родства людей (как в рамках государства, так и межгосударственных отношений), узами взаимных обязательств, давала стабильность и уверенность в том, что обещания будут выполнены [8].

Существует ряд вопросов и проблем в научном представлении о слове «fides», особенно в период Поздней Античности. Анализ словарей и лексических баз, частотность употребления, показывает, что именно на период I–IV вв. приходится пик использования лексики верности [12]. Однако к IV в. н. э. древнеримское понятие «fides» за небольшой период времени совершенно меняет смысл [13, с. 78]. Адекватный перевод текстов этого периода осложнен широкой сферой значений *fides*: верность, вера, гарантия, добросовестность, доверие, доказательство, защита, помощь, покровительство, честность. Ряд событий («вхождение под защиту», «принятие клиента», «выполнение обязательств верности») рассматриваются в Поздней Античности как актуализация римской *fides* – неоднозначно и противоречиво, продуцируя множественные конфликты интерпретации.

Исследование верности в ракурсе события, дает новые возможности для раскрытия значения и характера происходящих с ней процессов в этот «темный» период.

В отличие от современных представлений, когда верность имеет пассивное значение качественной характеристики [5, с. 74], в древнеримской традиции ее можно рассматривать как сложное событие, которое реализуется как в языковых, так и в когнитивных структурах. Анализ семантического поля *fides* показывает, что все семы ассоциируются с определенным функциональным значением в механизме действия-коммуникации, которое можно рассмотреть как «ситуацию-событие». Хотя событие имеет уникальную природу единичного факта, все же в него онтологически входит значение процесса: «Не могут существовать события, которые проходили бы без какой бы то ни было процессуальной подготовки» [2, с. 113]. Эта процессуальная часть, протокол развития, имеют определяющее значение для событий

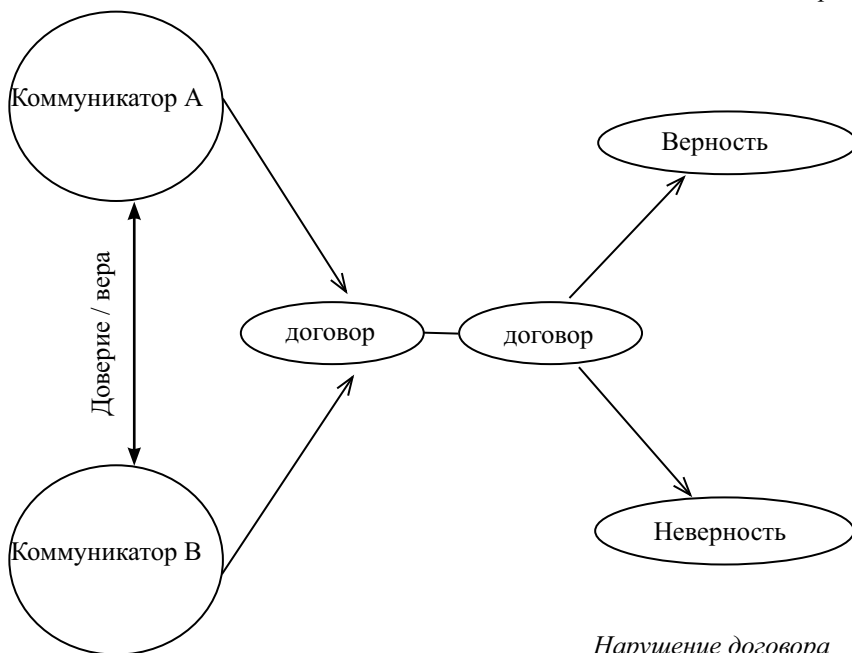
с выраженным коммуникативным характером. Событие, строящиеся на базе коммуникативного акта, имеет тему, за которой «всегда стоит ситуация (со своим набором участников, их действий, мотивов и целей), т. е. коммуникативная тема – это своего рода «имя» ситуации-события» [4, с. 32]. Поскольку понятия «коммуникативное событие» и «коммуникативная ситуация» тесно взаимосвязаны, в литературе встречается термин «ситуация-событие» [3, с. 134].

Основываясь на лексико-семантическом анализе *fides* и значениях, зафиксированных в тезаурусах и словарях [6, с. 661–692; 10, с. 697–698], выделяются ядерные семы верности, которые образуют структуру, развивающуюся в ракурсе коммуникации между двумя агентами – *субъектом и объектом*. Эта субъектно-объектная связь имеет ряд параметров и характеристик, которые Дж. Лакофф и М. Джонсон определяют как соответствующих ситуации: наличие агенса – субъекта, цели коммуникации, влияния субъекта на объект, план и программа реализации поставленных задач для достижения цели, участие в ситуации органов восприятия, когнитивная фиксация субъектом трансформаций ситуации, связь агенса и объекта – это отношения источника и цели приложения энергии [9 с. 70].

В ракурсе древнеримской ситуации, в которой развивается верность, микроконцепты – субъект и объект, характеризуются логически, через операции, совершаемые с сущностью, также номинируемой лексемой *fides*, которой можно обладать, вручать, обращаться к ней как к некой гарантии или доказательству, отдавать и принимать: *fides habere, in fide esse, committere fidem*. Между двумя участниками ситуации происходит передача доверия, на основе которого запускаются другие процессы, также включенные в концепт-понятие «*fides*». Агент, который первично обладает этой сущностью-доверием и является субъектом верности.

Коммуникация между субъектом и объектом протекает в три этапа. Первый – это возникновение в семантическом поле ситуации *доверия* и обмен им; второй этап – заключение *договора*; завершающий третий – выполнение обязательств, реализующихся в процессе *испытания* (см. схему 1). Верность является как насущным элементом каждой стадии, имплицитно участвуя в нем, так и общим связующим смыслом-целью ситуации, конкретизированным в итоговом результате коммуникации.

Схема 1

Модель прототипической ситуации «верность»*Субъектно-объектная коммуникация**Соблюдение договора**Нарушение договора*

Этап первичной коммуникации	Этап «договор»	Этап «испытание»	Результат
Обмен доверием между участниками	Наложение взаимных обязательств, обмен услугами	Прохождение через жизненную ситуацию, связанную с исполнением принятых по договору обязательств	Достижение цели

Особый интерес в ракурсе ситуации представляет этап первичной коммуникации в рамках субъектно-объектных отношений с точки зрения диахронии.

Самые древние формы употребления *fides*, выделенные Э. Френкелем, – *fides est mihi apud aliquem* и *fidem habere* [7, с. 187–199]. Эти

выражения в отрыве от контекста, с позиций грамматики классического латинского языка, должны переводиться так: *я имею верность к кому-то*. Однако в приложении такого значения к архаическим текстам проявляются логические противоречия общему контексту, смысл высказывания меняется, показывая, что в данных грамматических структурах скрыты иные значения.

Для анализа архаических семантических корней верности обратимся к Э. Бенвенисту, который затрагивал *fides* в ракурсе реконструкции праиндоевропейского языка. «Буквальный перевод выражения *fides est mihi apud aliquem* – *у меня есть кредит доверия*, что в действительности равнозначно следующему: «Я вызываю доверие у него» или «Он доверяет мне». Таким образом, латинское понятие *fides* устанавливает между партнерами отношение, обратное тому, которое устанавливается для нас посредством понятия (фр.) *confiance* – *доверие*. В выражении «у меня есть доверие к кому-либо» доверие представляется как нечто мое, что я передаю в руки другого и чем этот другой может распоряжаться. В латинской фразе *mihi est fides apud aliquem* – *имеется в виду именно кто-то другой, кто доверяет мне, и этим доверием я располагаю* [1, с. 93]. Важно подчеркнуть, что сторона, располагающая доверием, именно использует его, но не обладает им, и, соответственно, занимает второстепенную позицию по отношению к хозяину-доминанту.

Изначально две стороны коммуникативной ситуации имеют потенцию доверия, но агенс, номинируемый как *обладатель fides*, является первопричиной, благодаря которой реализуется доверие и осуществляется взаимообмен. Для устранения современных аллюзий можно вести термины клиент и патрон. Отношения *fides* – неравноправные отношения. Иными словами, не младший оказывает верность старшему, но доминирующую роль получает именно патрон, который имеет некую сущность доверия, гарантию того, что ему можно доверять, и клиент, доверяется ему, входя в некое защитное поле. Таким образом, выражение *fidem habere* на самом деле имеет значение «иметь у кого-то доверие».

Итак, следует выделить первичное (онтологическая характеристика), которое и определяет доминантную позицию одного из коммуникаторов в рамках ситуации *верность* и вторичное *доверие* (обладание через принятие). Соответственно смысловое значение субъекта и объекта напрямую зависит от векторной направленности

передачи доверия: тот, кто обладает верностью, тот и является субъектом отношений.

Fides в архаическом древнеримском аспекте представляется как обладание предметом / сущностью, которая обеспечивает «притягательность» агенса-обладателя, для других коммуникаторов (клиентов) в роли объекта для размещения их доверия. *Fides* – это «кредит доверия», который предоставляется в распоряжение *другому* и является для других людей гарантией того, что обладателю *fides* можно доверять. Целью договора в ситуации *верность* являются: покровительство, защита более сильного – для клиента и послушание и поддержка окружения – для патрона.

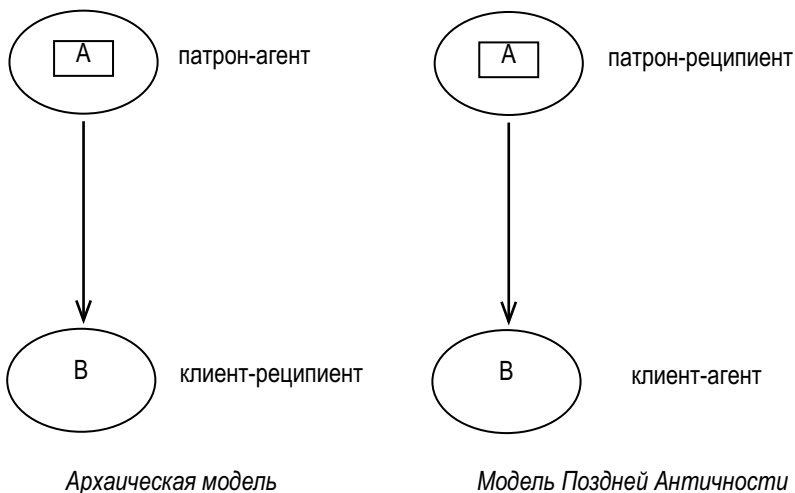
В текстах эпохи принципата появляется новое значение. Верность рассматривается как субъективный фактор, смысловое значение концентрируется на клиенте, который теперь является обладателем верности и играет главную роль в субъектно-объектных отношениях.

Косвенно на факт изменения векторных отношений и усиление значения объекта указывает ряд факторов. Расширяется лексическое поле *fides*, появляются лексемы, которые относятся именно к клиенту: *fidELITas* (верность), *fidELis* (верный, надежный, прочный, твердый). Архаические формы, которые ранее обозначали действия второстепенного члена коммуникации и носили негативную отрицательную аксиологическую окраску, теперь меняют ее на позитивную, например: *confidentia* (ранее – *дерзость, самонадеянность, наглость*; теперь – *отвага, уверенность в себе*). Появляется новое выражение *fidem facere*, имеющее значение субъективной уверенности и активного действия.

Э. Френкель выделял как позднее значение слова «*fides*»: «Действие или возможность доверия, надежды» [6, с. 686]. Начиная с эпохи принципата, на уровне концептуальной структуры и лексикосемантического поля *fides* становится субъективным концептом, в котором смысловое значение переносится на сферу действия «клиента». В период Поздней Античности клиент начинает сам располагать своей верностью, не просит патрона пробудить в нем верность, не нуждается в том, чтобы его впустили в сферу *fides* или опоре на некую гарантию в объекте своей верности, но сам передает свою *fides* кому-то (см. схему 2).

В период Поздней Античности значение покровительства встречается в текстах все реже, развитие получает интерпретация верности как действия и характеристики качества процесса, актуализируются семантические признаки «постоянство» и «стойкость».

Диахроническое сравнение моделей векторной характеристики
субъектно-объектных отношений в рамках прототипической
ситуации «верность»

Таким образом, в ракурсе ситуации *верность* принципиальное значение получает *векторная направленность* субъектно-объектных отношений. В зависимости от того, какой коммуникатор ситуации становится превалирующим в ментальной структуре ситуации, меняется ее когниция и аксиологическая оценка. Конфликты интерпретаций событий Поздней Античности, темой коммуникации которых была *fides* в разных своих проявлениях – *accipere in fidem* (принятие под покровительство / защиту), *deditio in fidem* (капитуляция на милость победителя), *foedus* (заключение союза / договора), *sacramentum* (присяга / клятва) можно объяснить смешением разных моделей ситуации верности.

Зафиксированные изменения можно рассматривать как катализатор дальнейших трансформаций как конкретно на последующих этапах развития ситуации (определении договора и его условий, границ испытания), так и в целом общей характеристики события верности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. – М.: 1995. – 456 с.
2. Давыдова Е. А. Событие: история и понятие в философии и языке // Вестник Оренбург. гос. ун-та. – 2010. – № 11 (117). – С. 112–116.
3. Дубровская О. Н. Об интерпретации понятий «событие» и «речевое событие» в лингвистике // Вестник АГТУ. – 2005. – № 5 (28). – С. 129–137.
4. Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Речь москвичей. Коммуникативно-культурологический аспект. – М.: Русские словари, 1999. – 396 с.
5. Толковый словарь русского языка / под ред. С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведова. – М.: А темп, 2006. – 944 с.
6. Fraenkel E. Fides. // Thesaurus Linguae Latinae VI (1). – Leipzig : Teubner, 1912–1926. – S. 661–691.
7. Fraenkel E. Zur Geschichte des Wortes fides // Rheinisches Museum für Philologie. – Sauerländer : Frankfurt / M. – 1916. – Bd. 71 – P. 187–199.
8. Freyburger G. Fides: étude sémantique et religieuse depuis les origines jusqu’à l’époque augustéenne. – P.: Les Belles Lettres, 1986. – 361 p.
9. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. – Chicago : The University of Chicago Press, 1980. – 242 p.
10. Oxford Latin Dictionary / P.G.W. Glare. – Oxford : Clarendon Press, 1984. – 2126 p.
11. Pöschl V. Politische Wertbegriffe in Rom // Antike und Abendland. – 1980. – № 26. – S. 1–17.
12. The Perseus Project. Perseus Word Study Tool / ed. Crane G. R. – URL: <http://www.perseus.tufts.edu>
13. Weijers O. Some notes on “fides” and related words in medieval Latin // Archivum latinitatis medii aevi Bruxelles: Union Académique Internationale. – 1977. – № 40 – P. 77–102.

УДК 81'373

Евтушенко О. В., Ба Юйсинь

Евтушенко О. В., доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и теории словесности МГЛУ; e-mail: ovae@list.ru

Ба Юйсинь, аспирант кафедры русского языка и теории словесности МГЛУ; e-mail: byxlisa@126.com

ТИПОЛОГИЯ РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ, ЛЕЖАЩИХ В ОСНОВЕ СЛОВОТВОРЧЕСТВА¹

В статье представлена типология операций, доступных субъекту в процессе перекодирования знаний о ситуации в слово. Двенадцать типов речемыслительных операций, их варианты и вариации были выведены авторами на основании обобщения результатов эксперимента, в ходе которого информанты по дефиниции узнавали неологизм или создавали свое новообразование взамен неузнанного. Раскрываются условия применения операций каждого типа, оцениваются перспективы узуализации слов в зависимости от примененных для их создания операций.

Ключевые слова: словотворчество; дефиниция; сценарий; категоризация; субкатегоризация; идеализированные когнитивные модели.

Evtushenko O. V.

Advanced Doctor (Philology), Assistant Professor, Professor at the Department of the Russian Language and Theory of Literature, MSLU; e-mail: ovae@list.ru

Ba Yuxin

Postgraduate Student, the Department of the Russian Language and Theory of Literature, MSLU; e-mail: byxlisa@126.com

THE TYPOLOGY OF VERBAL AND COGNITIVE SCHEMES UNDERLYING THE CREATION OF WORDS

The article presents a typology of operations available to the subject during the process of transcoding knowledge of the situation into words. Twelve types of intellect operations, their variants and variations were singled out by the authors after generalisation of the results of the experiment in which the informants recognized a neologism or created their tumor instead of unrecognized by definition.

¹ Статья публикуется в рамках реализации проекта РНФ № 14-48-00067 «Взаимодействие вербальных и невербальных средств конструирования событий в разных языках».

The conditions of application of operations of each type are described, the prospects of entering new words into the language used to create transactions were also estimated.

Key words: word creation; definition; scenario; categorization; subcategorization; idealized cognitive models.

Введение

Начало третьего тысячелетия ознаменовалось для неологии постановкой вопроса о когнитивных механизмах словопорождения в процессе коммуникации [2]. Предстояло понять, как язык членит и структурирует результаты отражения действительности сознанием субъекта, в какой мере нейминг обуславливается коммуникативной ситуацией, какая доля информации теряется или искажается в процессе языкового кодирования. В ходе исследований возник дополнительный ряд вопросов. Следовало установить, какие варианты есть у субъекта в момент кодирования результатов отражения мира, можно ли среди них выбрать оптимальный и как определить оптимальный вариант, что считать стандартным способом кодирования. Наконец, какое из конкурирующих наименований узуализируется и почему. В поисках ответа на часть из поставленных вопросов Л. И. Плотникова [5] пришла к созданию интегративной речемыслительной модели словопроизводства. На основании ряда экспериментов ученый делает вывод, что в поисках средства означивания субъект обращается сначала к онтологической модели, с помощью которой выбирается часть речи, затем к когнитивной, потом к номинативной модели, позволяющей выбрать номинацию из круга синонимов, исконных и заимствованных слов, и, наконец, к словообразовательной модели, необходимость в которой возникает в случае неудачи на предыдущем этапе. К сожалению, структура и функционирование когнитивной модели в данной работе и позже ни одним из исследователей не были прояснены. Ликвидации этого пробела в знаниях и посвящена наша статья.

Постановка социолингвистического эксперимента

В основе нашего исследования лежит социолингвистический эксперимент по методике, опробованной Л. И. Плотниковой [5]. Информантам было предложено по дефинициям узнать 5 недавно появившихся в русском языке слов, или, в случае затруднения, создать свою номинацию. Дефиниции соответствовали словам *автовизитка*,

бизнес-отношения, *деофшоризация*, *ипотечник*, *киберунижение* и были построены так, чтобы вместе с определяемым словом составлять сложное или простое полипропозитивное предложение, в основе которого лежит сценарий, или скрипт: *автовизитка* – «бумажка с номером телефона, которую кладут под лобовое стекло автомобиля на случай экстренной связи»; *бизнес-отношения* – «постоянные связи с партнерами по бизнесу»; *деофшоризация* – «создание барьеров для вывода капиталов в офшоры»; *ипотечник* – «человек, взявший ипотечный кредит»; *киберунижение* – «оскорбление или травля, которым пользователь Интернета подвергается со стороны других пользователей». Количество создаваемых слов не ограничивалось. В опросе приняли участие 115 человек.

Анализ полученных данных позволил выявить операции, которые мысленно производит субъект в поисках языковых компонентов, подходящих для кодирования новой информации. Обобщив наши выводы, мы получили рабочую типологию речемыслительных операций, лежащих в основе номинативной и словотворческой деятельности.

Виды и подвиды речемыслительных операций, лежащих в основе словотворчества

Самой частотной операцией (48 реализаций), использованной для всех пяти определяемых, стало отнесение новой реалии к одной из известных информанту базовых категорий (см. табл. 1).

Таблица 1

Дефиниция	Реакция
бумажка с номером телефона, которую кладут под лобовое стекло автомобиля на случай экстренной связи	визитка 16
постоянные связи с партнерами по бизнесу	сотрудничество 9 контакты 4 кооперация 2 коннекции 1
создание барьеров для вывода капиталов в офшоры	препятствование 1 препятствие 1
человек, взявший ипотечный кредит	заемщик 5 кредитуемый 1
оскорбление или травля, которой пользователь Интернета подвергается со стороны других пользователей	унижение 1 издевательство 6 троллинг 1

Внимание испытуемых было сфокусировано на тематической части дефиниции¹. Так, в выражении *бумажка с номером телефона, которую кладут под лобовое стекло автомобиля на случай экстренной связи* сознание субъекта актуализировало тему *бумажка с номером телефона*, которая подходила в качестве периферийного члена под категорию *визитка*. Можно заключить, что такой способ языкового кодирования является доминирующим. Его очевидный недостаток – расширение категории в ущерб точности наименования. Особенно это заметно при универбации дефиниции «создание барьеров для вывода капиталов в офшоры»: сохраняющее идею многократности слово *препятствование* показалось испытуемым редким², поэтому его выбрал только один информант, еще один предложил более частотное *препятствие*, но при этом произошло стирание границ между многократным и однократным действием, а также их результатом.

Еще одна предсказуемая черта поведения познающего субъекта была подтверждена нашим экспериментом – большинство испытуемых выбирали исконно русские наименования категорий. Для дефиниции «постоянные связи с партнерами по бизнесу» 9 человек предложили сотрудничество, востребованность заимствованных слов была пропорциональна их освоенности – 4 *контакты*, 2 *кооперация*. Для перифразы «человек, взявший ипотечный кредит» предложены 5 номинаций *заемщик* и 1 *кредитуемый*. Интересно проанализировать обращение двух информантов к ксенизмам. Англицизм *троллинг* используется в молодежном сленге, так что актуализация его в студенческой аудитории вполне предсказуема. Появление слова с латинским корнем – *коннекции* – может объясняться тем, что эксперимент проводился среди студентов-переводчиков, для которых мгновенная актуализация наименования на изучаемом языке является более значимой процедурой, чем фокусировка на репертуаре лексических средств родного языка. Результаты нашего эксперимента заставляют внести уточнения в интегративную речемыслительную модель Л. И. Плотниковой: сознание субъекта речи может хранить не одну, а несколько номинативных моделей – сленговую и иноязычную (-ые), и словообразовательные процедуры будут зависеть от того, какая из

¹ Подробнее о фокусировке см. [1].

² В Национальном корпусе русского языка отмечено всего 20 фиксаций этой лексемы.

номинативных моделей окажется актуальной в конкретной коммуникативной ситуации.

Второй тип операций, оказавшийся востребованным всего два раза при осмыслении лишь одной дефиниции, – это суперкатегоризация, т. е. движение вверх по категориальной иерархии, при котором в центре внимания остается тема дефиниции. В нашем эксперименте «оскорбление или травля, которым пользователь Интернета подвергается со стороны других пользователей» были названы *флудом* и *давлением*. *Флуд* – это поток сообщений, целью которого является, в частности, желание вывести получателя из равновесия. Такие послания могут и не содержать оскорблений. То же можно сказать и о *давлении*: кроме оскорблений оно может включать угрозы. Выбор слишком широкого понятия может объясняться недостаточно развитой культурой мышления (синкретизмом мышления), а также неточным пониманием значения слов, прежде всего ксенизмов.

Третий тип операций – это субкатегоризация, т. е. выделение подвида категории (см. табл. 2).

Таблица 2

Дефиниция	Реакция
бумажка с номером телефона, которую кладут под лобовое стекло автомобиля на случай экстренной связи	автовизитка 5 автонота 1
постоянные связи с партнерами по бизнесу	деловые контакты 2 деловые отношения 1 бизнес-контакты 1 бизнес-кооперация 1
создание барьеров для вывода капиталов в офшоры	капитал-барьеры 1
человек, взявший ипотечный кредит	ипотекозайщик 1 ипотекотейкер 1 ипотековзятель 1
оскорбление или травля, которой пользователь Интернета подвергается со стороны других пользователей	киберунижение интернет-оскорбление1 интернет-травля1 кибертравля 1 веб-травля1 веб-нападки1 интерваторство1

Испытуемый вычленил из категории, к которой отсылает тематическая часть дефиниции, подмножество, обладающее признаком,

названным в рематической части. Так, по определению «бумажка с номером телефона, которую кладут под лобовое стекло автомобиля на случай экстренной связи» информант обнаруживает категорию *визитка* и вычленяет из нее подмножество, связанное с автомобилем, – *автовизитка*. Этим способом, по всей вероятности, порождается большое количество узуальных номинаций, во всяком случае из пяти участвовавших в эксперименте неологизмов три (*автовизитка*, *бизнес-отношения*, *киберунижение*) образованы именно так. Кодирование в большинстве представленных случаев осуществлялось путем чистого сложения или сложения с усечением первой (характеризующей) части. Можно предположить, что морфологическая дефектность первой части, проявляющаяся в несклоняемости или усечении корневой морфемы, ориентирует адресата в родо-видовой иерархии. Примечательно, что в молодежной среде слово *киберунижение* неизвестно. Вероятно, субкатегоризация не очень актуальна для молодежного сленга как слишком стандартная операция, не позволяющая субъекту выделиться в своем кругу остроумием или знанием тонкостей познаваемой сферы.

Многообразие номинаций, создаваемых путем субкатегоризации, обеспечивается возможностью использовать в сложном слове разнообразные комбинации русских и иноязычных корней, а также синонимы слов, входящих в дефиницию: *бизнес-контакты*, *бизнес-кооперация* (ср. с *контакты* и *кооперация* при категоризации); наряду с *ипотекозаявщик* появляется образованное без учета стилиевой нормы слово *ипотековзятель* и нарочито игровое, построенное с использованием варваризма *ипотекотейкер*; помимо новообразований *интернет-оскорбление* и *интернет-травля*, возникают *кибертравля*, *веб-травля*, *веб-нападки*. Отдельного комментария заслуживает новообразование *автонота*. Оно указывает на высокий уровень владения английским языком, поскольку информант знает, что у слова *note* последнее из трех десятков значений – «сообщение для кого-либо». Однако в русском языке *нота II* – это «жанр дипломатического документа», а потому для большинства носителей русского языка инновация окажется непонятной или дезориентирующей.

Особым вариантом субкатегоризации является контаминация – соединение начала слова из рематической части и конца имени категории или его синонима, например *интерваторство* (от *Интернет* + *издательство*). Контаминация широко распространена в английском

языке, но для русского языка является экзотикой, и это заставляет предположить, что слово останется окказиональным.

Четвертый тип операций мы назвали детализацией. Ему свойственно фокусирование ремы и дефокусирование темы путем выведения ее в аффиксы (см. табл. 3).

Таблица 3

Дефиниция	Реакция
бумажка с номером телефона, которую кладут под лобовое стекло автомобиля на случай экстренной связи	экстренка 3 ЧПшка 1 позвоничка 1
постоянные связи с партнерами по бизнесу	бизнес-партнерство 1
создание барьеров для выведения капиталов в офшоры	деофшоризация антиофшоризация 1 антиофшоринг 1 антиофшор 1 шорынаофшоры 1
человек, взявший ипотечный кредит	ипотечник 12

При детализации «бумажка с номером телефона, которую кладут под лобовое стекло автомобиля на случай экстренной связи» превращается в *экстренку* (тема присутствует только в указывающем на часть речи суффиксе *-к-*), *ЧПшку* или *позвоничку*. Примечательно, что рема порядка $n+1$, т. е. располагающаяся правее часть дефиниции, например *экстренный* и ее аналог *ЧП*, попадает в центр внимания информантов-студентов с большей вероятностью, чем рема n , т. е. находящаяся левее часть дефиниции – *связь* и ее грамматически отличающийся, более привычный для бытового общения аналог *звонить*. Другой пример: корень слова *деофшоризация* вербализует тематическую часть – «выведение капиталов в офшоры», тогда как тематическая часть передается суффиксом *-изаций-* («создание») и приставкой *де-* («барьеров»). Вариант – суффикс *-инг-* и приставка *анти-*. Способность создавать узуальные номинации у этого типа речемыслительных операций достаточно велика: так образованы два неологизма, использованных в нашем эксперименте, – *деофшоризация* и *ипотечник*. Субкатегоризация и детализация по-разному картируют одну и ту же понятийную сущность, поэтому могут сосуществовать в языке, распределяясь по разным функциональным сферам.

Пятый тип речемыслительных операций – категоризация на основе семейного сходства. В этом случае выбирается категория, к которой можно отнести лишь часть реалий из множества, описываемого заданной дефиницией. Так появилось слово *листовка* (1) в ответ на дефиницию «бумажка с номером телефона...». *Листовка* обозначает «печатный и, реже, рукописный текст агитационного или информирующего характера форматом в один, реже в два, листа». Под это определение попадает лишь часть автовизиток – тех, что представляют собой бланк со связным текстом, в который от руки вписывается номер телефона. На практике автовладельцы ограничиваются написанием номера телефона от руки на листе белой бумаги. К тому же листовка связана с определенной коммуникативной ситуацией, в которой адресант имеет намерение воздействовать на адресата, тогда как владельцы автомобилей делают личную информацию достоянием общественности по необходимости. Из этого следует, что даже печатные автовизитки можно считать периферийным членом категории «листовка». Шестой тип – категоризация со смещением, т. е. отнесение к категории, близкой к той, что заявлена в теме дефиниции. Примером может служить *памятка* (1), которая является прикрепляемой к разным поверхностям запиской, в том числе и с номером телефона (ср. дефиницию «бумажка с номером телефона, которую кладут под лобовое стекло автомобиля на случай экстренной связи»). В системе языка слова *памятка* и *визитка* не являются синонимами, но могут быть сочтены аналогами, поскольку относятся к одному семантическому полю. Соотнесению слова *памятка* с заданной дефиницией денотатом мешает внутренняя форма: она задает ретроспективный вектор, т. е. указывает, что информация была получена ранее, тогда как *автовизитка* предполагает проспективный вектор, поскольку ее цель – сообщить информацию при гипотетически возможной необходимости в будущем. Таким образом, смещенная категоризация – это отнесение реалии к категории, имеющей значительную область пересечения с искомой категорией. Вероятность узуализации полученных таким способом слов невелика в силу их неточности.

Седьмой тип – синкретическая категоризация, т. е. отнесение реалии к далекой категории, имеющей небольшое пересечение с искомой. Примером может служить *табличка* (1) в качестве «бумажки с номером телефона...». *Табличка* означает «пластинка или дощечка с надписью». Ни тем, ни другим автовизитка не является, к тому же

отличается от таблички содержанием. Сходство проявляется лишь в краткости надписи, ее информативном характере, расположении носителя информации на вертикальной поверхности. Так же мало общего у *киберунижения со стебом 1* и *гнетом 1*. *Стеб* – это «речь, пронизанная иронией, насмешкой». Слово характеризует речевое поведение адресанта, в котором может проявляться высокомерие, но до травли адресата здесь далеко. Под *гнетом* обычно понимается «насильственное ограничение в правах и действиях, угнетение» или «тягостное, мучительное душевное состояние», а не внешнее воздействие на эмоциональную сферу адресата. Во всех перечисленных случаях пересечение названной и искомой категорий проходит по второстепенным семантическим признакам. Синкретическая категоризация характерна для холистического типа мышления. Она может приводить к появлению неосемем.

Восьмой тип речемыслительных операций – гибридизация. Это результат взаимодействия двух ментальных пространств, в результате которого возникает новое ментальное пространство. В нем проявляются категории, наделенные преобразованными свойствами родителей и дополнительными новыми свойствами [6]. Признаки «гибрида» мы обнаружили только у сложных слов. Примером может служить номинация *автобейдж* (1). *Бейдж* – это «информационная карточка, используемая для размещения сведений о человеке (его имени и фамилии, месте работы, должности и т. п.) в ситуации, когда люди не знают друг друга, но в силу обстоятельств должны общаться». Денотат данного слова связан с ментальным пространством «человек в официальной коммуникативной ситуации». Корень *авто* задает ментальное пространство, включающее автомобиль. На пересечении живого и неживого рождается имя, которое хоть и не приводит к персонификации, но вносит ощущение особого отношения к машине. Другой пример – *ипотекозависимый* (1) и укороченный вариант *ипозависимый* (1). Ментальное пространство наркозависимых, актуализируемое структурой слова и семантическим наполнением его второй части, проецируется на пространство, связанное с банковской сферой, в результате чего получается «гибрид» – к семам 'кредит', 'жилье', 'несвобода' добавляется 'социальная нестабильность' и шутливо-пренебрежительное оценочное отношение. Обе рассмотренные номинации обладают субъективными коннотациями, т. е. скорее комментируют, чем называют, а это позволяет предположить, что им уготована роль окказионализмов.

Девятый тип – метафоризация. Наиболее продуктивным этот тип операций оказался по отношению к дефиниции «человек, взявший ипотечный кредит»: *бурлак* (1), *заложник* (1), *сбербанкораб* (1), *ипотекораб* (1), *ипораб* (1). Первые два слова представляют собой обычную предикативную метафору, появившуюся в результате достраивания дефиниции до законченного высказывания: *Человек, взявший ипотечный кредит*, – это *бурлак*. С логической точки зрения это характеризующее предложение, а потому в предикате актуализируются признаки – 'тяжелый труд', 'труд на хозяина', если речь идет о *бурлаке*, или 'несвобода', 'неясное будущее', 'психологическое давление', если мы говорим о *заложнике*. Значение, передаваемое темой дефиниции, в этих номинациях проявляется только в контексте. Большую самостоятельность демонстрирует сложное слово *ипотекораб*: первая часть в нем выполняет роль контекста, необходимого для второй, метафорической, части. Лексема *сбербанкораб* отражает личный опыт субъекта (ипотеку можно брать в разных банках, а не только в Сбербанке; рабом Сбербанка можно стать, взяв любой кредит, а не только ипотечный), и потому вне контекста она не отвечает требованию ясности. Вместе с тем, эта номинация интересна как образец того, что субъект в процессе словотворчества может фокусировать внимание не столько на теме или реме дефиниции, сколько на эмоционально окрашенных фоновых знаниях.

Десятый тип – это операция мысленного разворачивания темы дефиниции в сценарий и выбор из него фрагмента, соответствующего одному из видов идеализированных когнитивных моделей – прототипу, образцу, выделяющемуся примеру, идеалу [3]. По механизму она сходна с синекдой. Такого рода операции возможны в том случае, если тема дефиниции включает отглагольное существительное, обозначающее разнородные действия. В нашем эксперименте это «постоянные связи с партнерами по бизнесу» и «оскорбление или травля, которым пользователь Интернета подвергается со стороны других пользователей». В первом случае были образованы слова *сделки* (1), *саунинг* (1), *поддержка* (1); во втором – *провокация* (4), *задирание* (1), *высмеивание* (2), *осмеяние* (1), *насмехательство* (1), *подкалывание* (2), *подишучивание* (1), *подтрунивание* (1). Каждое из этих слов демонстрирует разные грани личного опыта субъекта (*насмехательство*, *подкалывание*), идеалы, укрепляющиеся на фоне обратных примеров (*поддержка*, оказываемая друг другу партнерами по бизнесу),

социальные стереотипы (выделяющимся примером, т. е. наиболее ярким проявлением бизнес-отношений, для современного общества стали походы в сауну, и эта модель превратилась в стереотип), наконец прототипы (ядром бизнес-отношений должны быть совершаемые партнерами сделки). Номинации, основанные на выделяющихся примерах, могут стать яркими окказионализмами. Остальные слова неточны в именовании, а потому могут быть использованы только как эрзацы в разговорной речи.

Среди наших материалов встретилось именование по выделяющейся характеристике – *нон-стоп для бизнес-отношений*. Проанализировав этот пример, мы пришли к выводу, что в процессе словотворчества возможны онтологические сбои, но они встречаются реже, чем сбои когнитивные, когда субъект выбирает далекую категорию.

Одиннадцатый тип – это ретроспективная категоризация или субкатегоризация, т. е. фокусирование внимания на фазе, предшествующей началу сценария. Например, внутренняя форма слова *записка* актуализирует действие «записывать (номер телефона на листочке)». Развитием этой ситуации становится то, что указано в дефиниции – «бумажку с номером телефона кладут под лобовое стекло автомобиля». В материалах нашего эксперимента для *автовизитки* представлена ретроспективная субкатегоризация: информация о предшествующей фазе скорректирована данными из рематической части дефиниции – *автозаписка* (1), *инфзаписка* (1). Можно говорить о бифокальности таких номинаций. Другой пример – *желчинг* (1) – был получен в ответ на дефиницию «оскорбление или травля, которым пользователь Интернета подвергается со стороны других пользователей». Корень новообразования указывает на причину оскорблений – желчность нападающего субъекта и соответствующие физиологические проблемы, подтолкнувшие его к агрессии. Суффикс передает актуальность и повторяемость действий, что соответствует информации, содержащейся в теме и реме дефиниции. Оба примера показывают, что ретроспективная категоризация может быть понята партнером по коммуникации только в том случае, если в слове хотя бы в дефокусированном виде отражены также основные фазы сценария.

Двенадцатый тип речемыслительных операций – проспективная категоризация, т. е. фокусирование фазы, обычно встречающейся в опыте или желательной в качестве дальнейшего развития сценария, представленного в дефиниции. В нашем материале это *барьеропровод* (1)

как продолжение сценария «создание барьеров для вывода капиталов в офшоры»: целью барьеров является привод, т. е. возвращение капиталов, которые их владелец попытался переместить в офшорную зону. Ряд слов был образован тем же способом в ответ на дефиницию «человек, взявший ипотечный кредит»: *кредитоплательщик* (2), *должник* (1), *задолжник* (1), *обреченник* (1). Эти номинации отражают разную степень проспекции: в лексеме *кредитоплательщик* вторым корнем передаются прототипические действия, которые ипотечник начинает совершать после того, как он взял кредит, *должником* или *задолжником* он юридически становится лишь в том случае, если не сможет выплатить очередной взнос, слово *обреченник* обобщает опыт превращения взявших кредит людей в должников, т. е. передает взгляд на настоящее положение дел с позиций заранее известного будущего. Два из пяти новообразований, полученных путем проспективной категоризации, субъективно окрашены, поскольку опираются на планы с коннотацией желательности или прогнозы с модальностью сочувствия, а потому их место среди окказионализмов. Остальные лексемы являются узуальными.

Заключение

Наше исследование позволило прояснить сущность когнитивной составляющей в интегративной речемыслительной модели словопроизводства, предложенной Л. И. Плотниковой. Выделенные нами 12 типов ментальных операций определяют универсальные способы схематизации личного опыта. Среди них есть оптимальные – таковыми следует считать те операции, которые порождают номинации, становящиеся узуальными в литературном языке, и дополнительные. Последние могут актуализироваться в сленге, при трудностях перевода, в ситуации языковой игры, при выражении индивидуальных смыслов. Они могут характеризовать субъекта речи с точки зрения его языковой культуры.

Мы уточнили, что индивидуальное сознание может хранить не одну, а несколько номинативных и словообразовательных моделей, что связано с овладением иностранными языками, при нейминге они комбинируются прихотливым образом, например своя номинативная и чужая словообразовательная модели. К этому следует добавить, что при обращении к онтологической или когнитивной модели может происходить сбой, что отражается на точности именования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ирисханова О. К.* Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. – М. : Языки славянской культуры, 2014. – 320 с.
2. *Кубрякова Е. С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Ин-т языкознания РАН. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
3. *Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / пер. с англ. И. Б. Шатуновского. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.
4. *Пинкер С.* Субстанция мышления: Язык как окно в человеческую природу / пер с англ. – М. : Либроком, 2013. – 560 с.
5. *Плотникова Л. И.* Словотворчество как феномен языковой личности: Порождение, функционирование, узуализация нового слова: дис. ... д-ра филол. наук. – Белгород, 2004. – 374 с.
6. *Fauconnier G.* Mappings in Thought and Language. – Cambridge : Cambridge University Press, 1997. – 205 p.

УДК 316.6:004.738.5

С. Л. Климинская

кандидат филологических наук, доцент кафедры интегрированного языкового обучения в профессиональной деятельности МГЛУ,
e-mail: kvi62@inbox.ru

КОГНИТИВНОЕ СОБЫТИЕ В КОНТЕКСТЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ¹

Статья посвящена анализу феномена «когнитивное событие» в рамках международной концепции устойчивого развития. Идея устойчивого развития является основополагающим принципом развития современного общества, поэтому любые изменения в различных сферах общественной жизни порождают активный социальный диалог, состоящий из ряда взаимосвязанных когнитивно-коммуникативных событий, направленных на поиск консенсуса и выработку стратегий для решения общих актуальных проблем. В статье выявляются основные характеристики феномена «когнитивного события» и анализируется структура речевого взаимодействия по вопросам устойчивого развития.

Ключевые слова: устойчивое развитие; социальный дискурс; образовательный дискурс; когнитивные структуры.

Kliminskaya S. L.

PhD, Associate Professor, Chair of Integrated Language Teaching in Professional Activities, Faculty of Continuing Education; e-mail: kvi62@inbox.ru

THE COGNITIVE EVENT IN THE CONTEXT OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT

The article is devoted to the phenomenon of “cognitive event” in terms of the international concept of sustainable development. As the idea is basic for the development of modern society so any changes in social life entail active public communication. This social interaction consists of a number of interrelated cognitive and communicative events to make consensus over common social problems and develop strategies to settle them. In this article the author determines the main characteristics of the cognitive event and analyses the structure of social communication on the problems of sustainable development.

Key words: sustainable development; social discourse; educational discourse; cognitive structure.

¹ Статья публикуется в рамках реализации проекта РНФ № 14-48-00067 «Взаимодействие вербальных и невербальных средств конструирования событий в разных языках».

Модель устойчивого развития человечества связана с экономико-социальным развитием всех систем как отдельных стран и регионов, так и всего мирового сообщества в целом. Однако сегодня не существует единого похода ни к пониманию данного понятия, ни к реализации данного стратегически важного для каждого государства направления развития. Отсутствие единой политики относительно концепции устойчивого развития вызвано двумя факторами: различием в понимании концепта «устойчивое развитие» и особенностями регионального социально-экономического развития [14].

Исследования показывают изменение самой концепции устойчивого развития в зависимости от глобальных задач, стоящих перед мировым сообществом. Оригинальная идея устойчивого развития, появившаяся в конце XX в. (1968), предполагает интеграцию мирового сообщества в единую естественную среду для удовлетворения человеческих потребностей и стремлений за счет гармоничного и сбалансированного использования природных ресурсов, направлений инвестиций, ориентации научно-технического развития для укрепления мирового потенциала современного общества, институциональных преобразований и всестороннего развития личности [11]. Данный подход основывается на триединой концепции ООН, включающей экологическое, социальное и экономическое направления развития человечества [15; 9]. В концепции большое внимание уделяется экологическим вопросам и проблемам рационального использования природных ресурсов, борьбе с бедностью и созданию достойных условий жизни для всех обитателей Земли; а также развитию человека и реализации его потенциала с целью сохранения приемлемых условий жизни для будущих поколений.

В конце 1990-х – начале 2000-х гг. развивается новое направление межгосударственного сотрудничества, в котором особое внимание уделяется образовательным программам, задача которых заключается в просвещении населения относительно экологических проблем и вопросам развития потенциала человека. Вместе с тем, уже в начале XXI в. возникает идея о необходимости развития навыков устойчивого развития и формирования поведения в рамках концепции устойчивого развития (sustainable skills and behaviour) за счет формирования творческого и критического типов мышления для решения насущных проблем и осуществления эффективного управления ресурсами в целях устойчивого развития. Данная политика подразумевает разработку,

переориентацию и реализацию образовательных программ разного уровня, а также методов преподавания с учетом междисциплинарного подхода и социокультурных особенностей каждого региона. Кроме того, необходимо увеличивать осведомленность населения о проблемах устойчивого развития на институциональном, академическом и профессиональном уровнях от детской возрастной группы до представителей бизнеса как в крупных городах, так и в отдаленных областях. При этом следует обеспечить образование в данном аспекте с научной и технической точек зрения для того, чтобы население принимало активное участие в программах по устойчивому развитию в профессиональной и повседневной сферах жизни.

Таким образом, за последние 20 лет мы стали свидетелями изменения концепции устойчивого развития и стратегии развития человечества с «потребительского» (использование ресурсов на благо существующих и будущих поколений) на более экологический и гуманитарный [8].

Различия в понимании концепта «устойчивое развитие» обусловлено не только социальными и экономическими факторами, но и культурно-лингвистическими, проявляющимися в форме трактовок английского “sustainable development” на национальные языки: *développement durable* – долговременное развитие (*фр.*); *sviluppo sostenibile* – заслуживающее поддержки развитие (*ит.*); *nachhaltige entwicklung* – продолжительное развитие (*нем.*); *en stadig utveckling* – устойчивое развитие (*швед.*); *enholdbar utvikling* – прочное развитие (*норв.*); *jizoki-tekina kaihatu* – продолжительное развитие (*япон.*) [13]. В русском языке слово “sustainable” соответствует таким понятиям, как долгосрочный, жизнеспособный, стабильный, прочный.

Если проанализировать восприятие понятия «устойчивое развитие» за последние десятилетия с точки зрения отношения человека к среде его обитания, то можно заметить изменение отношения людей к самому явлению, что отражается в изменении сознания человека и изменении отношения к нему [4; 5; 12; 13].

- Мир и человечество не рассматриваются как совокупность разрозненных объектов и индивидуумов при господстве человека над природой, а воспринимаются как взаимосвязанные интегрированные в природу элементы.

- Социальный прогресс больше не ориентирован на общество потребления и технологический прогресс, основанный на конверсию

ресурсов. Развитие общества на современном этапе тяготеет к адаптации и сбалансированному использованию имеющихся ресурсов при условии развития социально-ориентированных коммуникаций в обществе в соответствии с принципом межпоколенческого и внутрипоколенческого равенства, а также принципа свободного доступа к информации.

- Экономическое развитие избавляется от эксплуатационных и конкурентных основ и переориентируется на кооперацию, информационную поддержку и сохранение ресурсов с учетом принципов предосторожности и суверенитета над природными ресурсами, а также принципа эффективного управления.

- Политические процессы всё больше регулируются не силовыми мерами, а основаны на гармонии и взаимоуважении.

Таким образом, экономические, политические и социальные изменения в современном обществе тесно взаимосвязаны с концепцией общечеловеческого устойчивого развития и подчиняются стратегии устойчивого развития, что влечет за собой когнитивные изменения и отражается в вербализации речевого поведения с учетом культурных и лингвистических особенностей. Учитывая задачи, стоящие перед человечеством в интересах устойчивого развития, распространение информации и знаний о данном явлении должно происходить при развертывании академического, образовательного, делового и политического дискурсов [6; 7].

Реализация поставленных задач предполагает активный диалог между представителями различных социальных, профессиональных и культурных сообществ. Данное взаимодействие может принимать различные формы: международные конференции и форумы; лекции и семинары; статьи и репортажи в СМИ и интернет-среде. Несмотря на то, что речевое взаимодействие в контексте устойчивого развития гетерогенно по форме, оно представляет собой последовательность когнитивных событий (обмен информацией и мнениями), конечной целью которых является адекватное восприятие передаваемой в каждом акте коммуникации информации и выработка оптимальных подходов к решению глобальных и локальных задач, а также снижения риска коммуникативных проблем [1; 2; 4; 5].

Каждое событие из данной последовательности актов речевого взаимодействия представляет собой когнитивно-коммуникативное явление, имеющее характеристики логической абстрактной единицы,

которая оформляется семантически в результате речевого взаимодействия и материально реализуется в языке, а также обладающая дискурсивными свойствами [1]. Для него характерны статические свойства: реальность / гипотетичность; верифицируемость / неверифицируемость; истинность / ложность. Кроме того, событие обладает динамическими признаками: статичность / динамичность; кульминативность / некульминативность; результативность / нерезультативность; гомогенность / гетерогенность; счетность / несчетность. При этом в контексте устойчивого развития при анализе когнитивного события кроме общепринятых свойств необходимо учитывать социальные и этнические характеристики коммуникантов, а также когнитивное состояние участников события. Данные характеристики являются динамическими и варьируют относительно константы – глобальное улучшение жизни человека при минимально необходимом, в рамках хозяйственной деятельности людей, воздействии на окружающую среду. Таким образом, когнитивное событие является реакцией представителей общества на социально важный факт общественной жизни и представляет собой фрагмент публичного коммуникативного процесса, цель которого заключается в освещении проблемы и поиске путей ее решения.

Событие как эпизод дискурса в континууме речевых событий, из которых состоит коммуникация с учетом вышеперечисленных характеристик и их значимости в контексте устойчивого развития может иметь разную степень сложности (простые / сложные – макрособытия) и иметь определенную структуру, оказывающую влияние на внешние / событийные характеристики коммуникации. Выделяют предсобытие – среда или явление, вызвавшие появление события; эндособытие (ядро) – непосредственно само событие; и постсобытие (осложнение и / или развязка) – результат реализации эндособытия, ведущий к изменению в мире. При этом вне зависимости от спонтанности или спланированности эндособытия, постсобытие может иметь непредсказуемые результаты [2].

Как правило событие в контексте устойчивого развития носит динамический характер и имеет сложную структуру. Рассмотрим когнитивно-коммуникативное событие общения компании с потребителем через корпоративный интернет-сайт.

Сайт компании Unilever представляет собой разветвленную систему информационных страниц, посвященных различным направлениям

деятельности компании. Каждую web-страницу можно рассматривать как акт коммуникации с посетителем сайта, направленный на «обсуждение» / передачу определенной тематически очерченной информации. Информация представлена сочетанием вербальных и невербальных элементов, по-разному кодирующих смысл передаваемой информации, но при этом создающих определенный прагматический эффект – формирование положительного имиджа компании [7].

Логотип организации представлен сочетанием 24 символов, образующих латинскую букву “U”. Графические элементы, составляющие логотип, олицетворяют разнообразие направлений деятельности компании. В оформлении сайта компании, в ее символике преобладают оттенки синего и голубого цветов, что внушает чувство спокойствия, стабильности и надежности организации [10]. Доверие потребителя к компании подкрепляется представленной на главной странице сайта целью предприятия («... достижение успеха требует «высочайших стандартов корпоративного поведения по отношению к каждому человеку, с которым мы работаем, к каждому обществу, с которым мы взаимодействуем, и к окружающей среде, на которую мы оказываем влияние»). Эффект устойчивости бизнеса усиливается миссией компании, эта же идея прослеживается и в различных заголовках текстов и фразах в текстах, информирующих пользователя о деятельности фирмы и ее продуктах («Строя будущее», «Содействие устойчивому развитию» и «Мы ценим доверие...» т. п.). Положительный имидж компании поддерживается также при помощи фотографий, изображающих улыбающихся людей разного возраста. Кроме того, на сайте размещены опубликованные в различных СМИ статьи об организации и ее брендах, что укрепляет репутацию фирмы.

В рамках понятия «когнитивное событие», каждая интернет-страница сайта представляет собой акт коммуникации. Информация на сайте компании распределена по тематическому принципу, т. е. каждая страница посвящена одному явлению (например, устойчивому развитию или описанию одному из брендов). Текстовая компонента на странице логически и визуальнo структурирована, подкреплена либо иллюстрациями, либо видеорядом. Фактуальная информация имеет статические характеристики (верифицируема и реальна). Способ коммуникации через интернет-портал придает данному текстовому сообщению дискурсивные характеристики: динамичность (видеоряд, смена иллюстраций и текстовых фактов);

кульминативность и результативность каждого акта речевого взаимодействия в рамках одной web-страницы; гомогенность (на каждой странице) и гетерогенность (на сайте в целом) общения одновременно.

Таким образом, одно из направлений воздействия на гетерогенную целевую аудиторию компании Unilever осуществляет через интернет-сайт с помощью формирования положительного имиджа, создаваемого вербальными и невербальными средствами воздействия, последовательных коммуникативных актов (когнитивных событий), образующих полинаправленный гипермедиатекст, многозначность и символизм которого дают устойчивый прагматический и синергетический эффект.

Компания Unilever, кроме создания положительного имиджа с целью успешного развития бизнеса, получения прибыли, как и многие бизнес-единицы участвуют в различных социально значимых программах. Так, Unilever информирует посетителей своего корпоративного сайта о реализации принципа роста бизнеса в рамках концепции устойчивого развития. Более того, в начале 2016 г. Unilever совместно с Московской школой управления СКОЛКОВО организовала образовательную программу по вопросам устойчивого развития бизнеса (Business Sustainability), в рамках которой слушателям курса был предложен к рассмотрению передовой международный опыт для ведения эффективного бизнеса с учетом программы устойчивого развития всего мирового сообщества.

Таким образом, концепт «устойчивое развитие» является одним из основных в жизни современного общества. Восприятие индивидуумом данного термина, как любого жизненно значимого понятия, зависит от текущих политических и экономических тенденций, а также обусловлено социальными и культурными особенностями коммуникантов, участвующих в обмене информацией по данному вопросу. Коммуникативный акт, направленный на поиск решения насущных глобальных проблем, чаще всего представляет собой макроакт с явными прагматическими характеристиками. При этом совокупность когнитивных событий в цепочке последовательных речевых актов создает сложную когнитивную макроструктуру, обладающую статическими и динамическими характеристиками. Для корректной интерпретации подобных когнитивных макроструктур необходимы знания из соответствующих областей [3].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Дубровская О. Н.* Об интерпретации понятий «Событие» и «Речевое событие» в лингвистике // Вестник АГТУ. – 2005. – № 5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/ob-interpretatsii-ponyatiy-sobytie-i-rechevoe-sobytie-v-lingvistike>.
2. *Дубровская О. Н., Милостивая А. И.* Газетный текст и когнитивно-дискурсивное событие наррации // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2–2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=21849>.
3. *Ирисханова О. К.* Стереотипы, эталоны и другие социокультурные модели в дискурсе: сходство и различия // Вестник МГЛУ. – 2012. – № 638 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/stereotipy-etalony-i-drugie-sotsiokulturnye-modeli-v-diskurse-shodstvo-i-razlichiya>.
4. *Климинская С. Л.* Институциональный контекст профессиональной коммуникации в сфере экономики // Дискурс межкультурной профессиональной коммуникации. – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2012. – С. 91–107. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 14 (647). Сер. Языкознание).
5. *Климинская С. Л.* Семиотический аспект коммуникационных стратегий делового дискурса // Институциональный дискурс в лингвокогнитивных исследованиях языка специальности. – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2015. – С. 22–30. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 9 (720). Сер. Образование и педагогические науки).
6. *Куликова О. В.* Самостоятельная работа студента как инструмент инжиниринга качества образовательного процесса // Интернет-журнал Науковедение. – 2015. – №5 (30) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/samostoyatel'naya-rabota-studenta-kak-instrument-inzhiniringa-kachestva-obrazovatel'nogo-protssessa>.
7. *Куликова О. В.* Формирование корпоративной идентичности в полимодальном дискурсе печатной рекламы // Институциональный дискурс в лингвокогнитивных исследованиях языка специальности. – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2015. – С. 9–21. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 9 (720). Серия Образование и педагогические науки). –
8. *Куликова О. В., Климинская С. Л.* Условия обеспечения качества обучения в гуманитарной образовательной среде // Интернет- журнал «Мир науки». – 2016. – Т. 4. – № 5 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mir-nauki.com/PDF/17PDMN516.pdf> (доступ свободный).
9. Материалы международной конференции по образованию в интересах устойчивого развития, посвященная 150-летию В. И. Вернадского (23–25 мая 2013 г., Ханты-Мансийск) // Вестник ЮНЕСКО. – № 18 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.unesco.ru

10. *Сысоева С.В.* Использование цвета в рекламе // Сибирский торгово-экономический журнал. – 2011. – Вып. № 12 [Электронный ресурс]. – Режим доступа - <http://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-tsveta-v-reklame>
11. *Халеева И.И.* Формирование лингвистического пространства как фактор устойчивого развития // Экономика языка и бизнес: сб. науч. тр. по материалам круглого стола (26 апреля 2013 г.). – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2013. – С. 7–17.
12. *Шакиров А.Д.* О концепции устойчивого развития и ее принципах // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2011. – № 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/o-kontseptsii-ustoychivogo-razvitiya-i-ee-printsipah>.
13. *Шумакова О.В., Косенчук О.В.* Теоретические аспекты устойчивого развития сельских территорий в современной науке // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 6 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-aspekty-ustoychivogo-razvitiya-selskih-territoriy-v-sovremennoy-nauke>.
14. *Щукина Л.В.* Теоретические аспекты устойчивого развития региональных социально-экономических систем // Псковский регионологический журнал. – 2015. – № 21 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-aspekty-ustoychivogo-razvitiya-regionalnyh-sotsialno-ekonomicheskikh-sistem>.
15. *Kofi Annan* From Awareness to Practice // UNESCO and sustainable Development – P.2–6. – URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0013/001393/139369e.pdf>

УДК 81'42

В. С. Табакова

ст. преподаватель кафедры немецкого языка переводческого факультета
МГЛУ; e-mail: Vika-tabakova@mail.ru

МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ДИСКУРСА ЕДИНОБОРСТВ¹

Статья посвящена выявлению межкультурных особенностей взаимодействия в дискурсе единоборств: на первый план выходят социально-психологические и языковые особенности. В работе детально рассматривается специфика вербального и невербального общения с учетом институционального аспекта профессиональной коммуникации в русскоязычном спортивном дискурсе единоборств.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация; вербальная коммуникация; жест; единоборства; самбо; невербальная коммуникация; спортивный дискурс; институциональная коммуникация.

Tabakova V. S.

Postgraduate Student, Senior Lecturer, the Department of the German Language, the Faculty of Translation and Interpreting, MSLU; e-mail: Vika-tabakova@mail.ru

INTERCULTURAL ASPECTS OF COMBAT DISCOURSE

This article is devoted to signification of intercultural communication peculiarities in the combat discourse: in the front field are social-psychological and language peculiarities; in the article the specificity of verbal and nonverbal communication is analyzed by consideration of the institutional aspect of the professional communication in the Russian speaking sport combat discourse.

Key words: intercultural communication; verbal communication; gesture; combats; sambo; nonverbal communication; sport discourse; institutional communication.

Согласно исследованиям и статистическим данным, человек постоянно находится в коммуникативной среде, взаимодействуя с социальным миром. Потребность в социокультурном взаимодействии стимулирует изучение различных видов общения в институциональной сфере [7]. Для институциональной коммуникации является характерной опора на социальные нормы и конвенции, реализуемые различными семиотическими кодами (знаками, индексами, символами и пр.).

¹Статья публикуется в рамках реализации проекта РНФ № 14-48-00067 «Взаимодействие вербальных и невербальных средств конструирования событий в разных языках».

Межкультурная коммуникация необходима при непосредственном и опосредованном контакте между представителями различных культур и стран. Напомним, что исследованиями в области межкультурной коммуникации занимались выдающиеся ученые и исследователи, такие как Э. Холл, Д. Трагер, Э. Сепир, Б. Уорф, М. Маклуэн, Л. Самовар и Р. Портер, Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров и др. Даже если нет единой точки соприкосновения, знания общего вербального языка общения, существует возможность общения с помощью элементов невербальной коммуникации, которая сопровождает межкультурное взаимодействие [3; 6]. Знание одного языка не решает проблем межкультурной коммуникации в институциональной сфере. В рамках нашего исследования мы придерживаемся сформулированного А. П. Садохиным определения межкультурной коммуникации, представляющей собой «совокупность разнообразных форм отношений и общения между индивидами и группами, принадлежащих к разным культурам» [8; 10].

В силу данных обстоятельств назрела необходимость в детальном изучении спортивного дискурса силовых единоборств, который можно рассматривать в качестве одной из разновидностей институционального, реализуемого в условиях межкультурного взаимодействия. Спортивный дискурс как разновидность институционального предполагает интенсивное использование вербальных и невербальных средств межкультурной коммуникации. Культурный обмен в сфере спорта всегда имел свою значимость и актуальность, в силу того, что спорт обладает интернациональным свойством, связывающим и объединяющим страны и культуры.

Следует дать определение термина «спорт», под которым мы понимаем популярное, сложное, полифункциональное, многозначное и противоречивое социальное явление, которое занимает весьма важное место в общественной жизни. По мнению А. А. Игнатьевой, «спорт – не что иное, как особый вид коммуникации, возникший как реализация сложного комплекса потребностей: биологических, духовных, рекреативных, информационных и др.» [4, с. 1].

Межкультурный обмен и взаимодействие имеют многовековые исторические корни и потребности людей для обмена опытом. Межкультурные аспекты дискурса единоборств можно разделить на социально-психологические и языковые. В центре создания культуры и в центре коммуникативного взаимодействия находится человек,

поэтому важно выделить его психологические и социальные особенности, которые, в свою очередь, влияют на качество воспроизводимой коммуникации. Языковые аспекты играют важную роль в формировании культуры, так как язык является одной из фундаментальной составляющей культуры. При этом язык помогает систематизировать картину мира каждого отдельно взятого индивида, а также народа в целом. Русский философ А. Ф. Лосев считает, что «Именно язык данного народа является ключом к познанию сущности народного духа, его изначальных, интуитивных оснований. В имени, в слове впервые фиксируется сущность изначальной интуиции. Слово – первое выявление скрытой интуитивной сущности. Слово и язык есть орган все-народного самосознания»¹. Итак, определим в какой ситуации, и при каких обстоятельствах люди вступают в межкультурное общение.

В качестве особой формы реализации спортивного дискурса выступают единоборства, формирующие во многих странах специфическую национально-культурную традицию. Подобной традицией применительно к российскому национально-языковому сообществу может служить и рассматриваться самбо. Здесь следует упомянуть такое явление, как национальный характер, так как по нашему мнению, самбо является реализацией и ярким отражением данного понятия. «Характер – это способ видения и чувствования, это то, что характерно только для одного народа и зависит больше от социально-политической истории, от форм правления» [1, с. 3]. Такой вид единоборства как самбо имеет в настоящее время достаточно узкую область распространения, о чем свидетельствует скудный набор специальной литературы, доступный ограниченному кругу лиц, специализирующихся в сфере единоборств. Одновременно в силу институциональности самбо, используемому в различных государственных службах, направленных на обеспечение безопасности, и его принадлежности спортивному дискурсу способствует повышению интереса массового реципиента к данному феномену. Межкультурные аспекты спортивного дискурса требуют создания международной системы знаков (жестов), подлежащих перекодированию с учетом специфики языка общения.

Данная проблематика имеет непосредственное отношение к русскоязычному дискурсу единоборств, в котором применение фиксированных жестов включено в регламенты и правила проведения

¹ Цит. по: [1, с. 5].

указанных соревнований. Мы имеем дело со знаками, которые, в свою очередь, интерпретируются каждым участником индивидуально. При наличии единой системы интерпретации жестов, применяемых в сфере единоборств, необходимо создать единую систему вербальных знаков, т. е. лексических единиц и сочетаний, для единой трактовки единиц данной сферы взаимодействия.

Далее возникает следующий вопрос, требующий осмысления и ответа: необходима ли специальная подготовка к участию в межкультурной коммуникации? Нас интересует сфера единоборств, а именно – самбо.

Остановимся подробнее на особенностях коммуникативного взаимодействия в русскоязычном дискурсе силовых единоборств.

Анализ эмпирического материала показывает наличие четырех направлений взаимодействия коммуникантов.

При этом образуются следующие пары участников коммуникации: 1) тренер – спортсмен, 2) спортсмен – спортсмен, 3) тренер – судья, 4) спортсмен – судья.

Остановимся далее на специфике коммуникации – «тренер – спортсмен».

Приведем следующий пример. Занятия по самбо проходят в гимнастическом зале, что предполагает смену инвентаря. Ситуация после тренировки. Тренер смотрит на шеренгу воспитанников.

– Ко мне вопросы есть? Какие-то проблемы, трудности? Нет. Тогда ковер в вашем распоряжении [9, с. 40; 11].

На основании приведенного примера русскоязычного дискурса было установлено, что коммуникация реализуется преимущественно в одностороннем порядке, нередко путем применения директивных речевых действий [2].

Таким образом, коммуникация по направлению «тренер – спортсмен» осуществляется при помощи приказаний, приглашений к действию, с целью достижения практического результата.

В ходе наблюдения за коммуникативным актом «тренер – спортсмен» нами было установлено, что общение между спортсменами и тренерами в формальной и неформальной структурах команды может происходить на различных социокультурных уровнях.

Отличное от первых двух проанализированных нами направлений общения, поведение складывается во взаимодействии тренера

и судьи. Данный вид коммуникации подразумевает применение как эмоционально окрашенной лексики, так и профессиональной. Для взаимодействия «тренер – судья» необходимо установление диалога между участниками коммуникации. Стиль взаимодействия с судьями может меняться, в зависимости от сложившейся ситуации. Стиль общения может быть следующим:

- уважительным (рабочим);
- заискивающим, для достижения определенных целей;
- агрессивным, эмоциональным (в допустимых рамках), в случае несогласия,
- конфликтным – в ситуации нарушения рамок нормативного общения.

Тип взаимодействия «спортсмен – судья» обычно происходит в форме невербальной коммуникации.

Убедившись в готовности борцов к началу схватки, арбитр показывает жест «рукопожатие» [5, с. 74].

Борцы пожимают друг другу руки, и по жесту арбитра каждый из них делает шаг назад [5, с. 77].

Обязанностью судьи в ходе схватки является подача с помощью жестов соответствующих сигналов: «чистая победа», «4 балла», «2 балла», «1 балл», «активность», «поднятие борцов в стойку при пассивной борьбе в положении лежа», «проведение запрещенного приема», «конец схватки». Выведение единоборства самбо на международный уровень предполагает активное использование интернализмов в процессе любого межличностного взаимодействия.

...и как только один из борцов взят на удержание, громко объявляет: «Считаю удержание!» – и показывает жест «удержание» [5, с. 77].

По истечении 5, 10, 15 с он громко объявляет: «Пять, десять, пятнадцать секунд!», а по истечении 20 с – «Удержание засчитано!» [там же].

Выявленные нами пары участников структурируют и разграничивают употребление лексики по определенным группам, в зависимости от статуса участника и ситуации. Следует учесть и такой аспект, что русский вид единоборств самбо является особенностью именно нашей культуры, следовательно, помимо приведенного ниже глоссария по данному виду единоборства, необходимо ознакомить представителей других культур с его историей, традициями, особенностями, спецификой. Следовательно, мы считаем необходимым обеспечить

заинтересованных в данном виде спорта лиц всей необходимой литературой на их языке общения. Глоссарий послужит нам помощью и опорой в создании данного литературного пласта.

Анализ приведенных выше примеров коммуникации дает возможность выделить закономерности, которые послужат структурированию лексики, а также спортивной терминологии и созданию специализированного глоссария.

1. Общей целью коммуникантов является знакомство с главными понятиями самбо и овладение основной терминологией данного вида единоборства.

2. Единая и правильная интерпретация определенных проявлений данного вида спорта с учетом его культурных особенностей и учетом специфики восприятия его представителями различных мировых культур.

3. Стремление к получению и формированию практических навыков и умений по данному виду единоборства.

Внедрение глоссария позволит устранить определенный набор проблем и трудностей, которые возникают между коммуникантами в различного рода ситуациях, имеющих свои особенности, которые влияют на результат коммуникации.

Не существует универсального поведения людей, но благодаря спорту возможно создание единых норм поведения для урегулирования недопонимания между людьми и сглаживания различий разных культур. Правила и нормы следует озвучивать и определять в устной или письменной форме, так как большинство моделей человеческого поведения применяется автоматически, под влиянием привычек, сформировавшихся внутри определенного социума. Основным показателем меры и норм для представителя определенной культуры является именно его культура, сформировавшая данного индивидуума.

Поведение одного и того же человека и реакция не всегда совпадают, а поддаются влиянию определенных обстоятельств и ситуаций.

Определяющим фактором, влияющим на качество коммуникации, является время. Время суток, количество времени, отведенное на беседу или реплику, смена часового пояса оказывают непосредственное влияние на собеседника, а значит, и на саму коммуникацию.

При общении с представителем другой культуры следует мерить его не по нормам своей культуры, а применить эмпатию, т. е. понять его поведение, речь, реакцию с учетом именно его культуры, а именно – встать на его место и понять эти аспекты с его позиции.

Для создания успешной межкультурной коммуникации важно знать ценности другого народа, так как это влияет на качество восприятия общего предмета коммуникации, в нашем случае спорта, а именно – самбо.

Популяризация самбо как разновидности спортивного единоборства, его продвижение в межкультурном пространстве требует разработки специализированных жестов, обеспечивающих социально-культурное взаимодействие.

В контексте вышеизложенного разработка глоссария для самбо будет способствовать популяризации этого вида спорта на международном уровне и его признанию официально олимпийским видом спорта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Боголюбова Н. М., Николаева. Ю. В. Межкультурная коммуникация и международный культурный обмен: учеб. пособие. – СПб. : СПбКО, 2009. – 416 с.
2. Городникова М. Д., Добровольский Д. О. Немецко-русский словарь речевого общения. – М.: Русский язык, 1998. – 332 с.
3. Дейк Т. А., ван. Язык. Познание. Коммуникация / пер. с англ.; сост. В. В. Петрова / под ред. В. И. Герасимова; вступ. ст. Ю. Н. Караулова и В. В. Петрова. – М. : Прогресс, 1989. – 312 с.
4. Игнатьева А. А. О некоторых особенностях спортивного дискурса и о пересечении его с масс-медийным // Вестник Кузбас. гос. пед. академии (Электронный журнал). – 2011. – 1(7). – С. 1–3.
5. Ионов С. Ф., Ципурский И. Л. Организация и проведение соревнований по борьбе самбо. – М. : Физкультура и спорт, 1983. – 143 с. ил.
6. Куликова Л. В. Дискурсивные практики современной институциональной коммуникации: Монография / под науч. ред. Л. В. Куликовой. – Красноярск: Сиб. федерал. ун-т, 2015. – 182 с.
7. Леонтьев А. А. Психология общения: учеб. пособие для доп. образования. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Смысл, 1997. – 365 с.
8. Основы межкультурной коммуникации: учеб. для вузов / под ред. А. П. Садохина. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 352 с.
9. Семенов Э. Завод по производству самбистов // Самбо России. –1998. – № 1. – С. 38–42.
10. Хохлова И. Н. Межкультурная коммуникация. Понятие, уровни, стратегии // Актуальные проблемы филологии: материалы междунар. науч. конф. (г. Пермь, октябрь 2012 г.). – Пермь : Меркурий, 2012. – С. 98–101.
11. Чумаков Е. М. Сто уроков самбо / под ред. С. Е. Табакова. – 5-е изд., испр. и доп. – М. : Физкультура и спорт, 2002. – 448 с.

УДК 81-139

А. И. Горожанов

доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры грамматики и истории немецкого языка факультета немецкого языка МГЛУ;
e-mail: gorozhanov@linguanet.ru

LMS MOODLE КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗРАБОТКИ КУРСОВ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ – УЗЛОВ ОБУЧАЮЩЕЙ ВИРТУАЛЬНОЙ СРЕДЫ

Рассматриваются методические инструменты разработки курса иностранного языка на базе LMS Moodle версии 3.0; в качестве примера приводится курс немецкого языка (начальный уровень); формулируется определение инструментария разработки курса иностранного языка в LMS Moodle; описываются ее важнейшие с точки зрения методики компоненты графического интерфейса и подсистемы; делается вывод о состоятельности LMS Moodle 3.0 как средства разработки дистанционных курсов иностранных языков.

Ключевые слова: обучающая виртуальная среда; инструментарий; дистанционный курс иностранного языка; LMS Moodle 3.0.

Gorozhanov A. I.

PhD, Assistant Professor, Assistant Professor of Department of German Grammar and German History of German language, MSU;
e-mail: gorozhanov@linguanet.ru

LMS MOODLE AS A TOOL FOR DEVELOPING FOREIGN LANGUAGE COURSES – VIRTUAL LEARNING ENVIRONMENT NODES

The article touches upon methodological tools for developing foreign language online courses in LMS Moodle 3.0. As an example an online German course (for the beginners) is given. The author formulates a definition of the set of tools for developing foreign language online courses in LMS Moodle. He also describes its most important GUI components and subsystems from the methodological point of view. At the end the conclusion is made that LMS Moodle 3.0 can be effectively applied for developing foreign language online courses.

Key words: virtual learning environment; set of tools; foreign language online course; LMS Moodle 3.0.

При разработке курсов иностранных языков, как впрочем, и курсов по другим дисциплинам, важно определить типовой инструментарий, с которым будет способен работать автор электронных учебных материалов. Поскольку привлечение к разработке профессиональных программистов значительно повышает себестоимость курса, закономерно будет обратиться к универсальным решениям, которые позволят ИКТ-компетентному лингвисту самостоятельно создавать эффективные и современные электронные учебные материалы по иностранным языкам. При этом методические принципы внутренней организации курсов должны превалировать над техническими возможностями инструмента разработки.

Приведем в качестве примера дистанционный курс немецкого языка (начальный уровень), выполненный в LMS Moodle версии 3.0 [1, с. 47]. LMS Moodle давно уже можно считать признанным мировым стандартом в области электронного обучения. Характеристики LMS Moodle отвечают требованиям основных положений обучающей виртуальной среды для изучения иностранного языка [4, с. 225].

Начиная с версии 3.0, можно говорить об LMS Moodle как об эффективном инструменте разработки курсов иностранных языков благодаря расширению системы зависимости одних модулей от других на все элементы и ресурсы курсов. Важным дополнением также явилось тестовое задание с возможностями drag&drop, позволяющее отойти от заданий на множественный выбор в виде исключительно только кнопок радио, флажков и ниспадающих списков.

Определим в качестве инструментария разработки курса иностранного языка в LMS Moodle **набор компонентов графического интерфейса пользователя, а также подсистем¹, оперирование которыми (добавление, изменение, удаление) не требует модификации основного программного кода LMS Moodle**. При этом допускается работа с HTML-кодом веб-страниц, поскольку основной код LMS Moodle тем самым никак не меняется.

Методически обусловленные инструменты мы будем считать основными (первичными), а технические – дополнительными (вторичными). Технические инструменты не должны также численно превосходить методические, следуя принципу минималистичности интерфейса узлов обучающей виртуальной среды [2, с. 23]. Например, гиперссылка, ведущая на веб-страницу настроек личного кабинета

¹ Относительно LMS MOODLE как системы.

пользователя является техническим инструментом и графическим компонентом, гиперссылка на ключ к заданию – методическим инструментом и графическим компонентом, а подсистема зависимости модулей друг от друга – методическим компонентом исходя из ее функции в курсах и технической разработкой с точки зрения программиста LMS Moodle. В некоторых случаях методическая ценность инструментов значительно увеличивается за счет их концентрации в пределах одной веб-страницы или ее области. Так, надпись и аудиоплеер дают возможность одновременно читать и слушать текст.

Такое широкое определение инструментария позволяет отнести к его компонентам различные по величине и содержанию детали интерфейса, причем отдельные инструменты можно объединить в группы на основании общей методической задачи.

Отграничение методических инструментов от технических является в высшей степени условным, так как любой методический инструмент выполняет одновременно и какую-либо техническую функцию. Фактически здесь под термином «технический» мы подразумеваем понятие «чисто технический», а под методическим – также и методический.

Заметим, что компонент графического интерфейса пользователя в нашем определении не следует отождествлять с виджетом – элементом графического интерфейса пользователя, который относится к области программирования и является объектом программного кода (например, контейнеры, поля ввода, флажки и т. д.).

К важнейшим с точки зрения методики подсистемам можно отнести подсистему распределения ролей; подсистему зависимости модулей друг от друга; подсистему протоколирования работы пользователей; элементы Web 2.0 (модули «форум», «база данных», «семинар») [3, с. 4]; тестовые задания, в том числе с возможностью drag&drop; глоссарий; банк вопросов. В качестве методических подсистем могут выступать практически все другие модули курса (лекция, задание и др.), отличаясь только степенью уместности употребления в том или ином учебном контексте.

Важнейшими интерактивными и статическими компонентами графического интерфейса пользователя с точки зрения методики преподавания иностранных языков являются видео- и аудиоплееры, гиперссылки, надписи, изображения, различные виджеты, точнее – их методически эффективное сочетание в пределах одной веб-страницы или ее области.

Перейдем далее к описанию примеров применения определенных нами инструментов в дистанционных курсах иностранного языка, типовым представителем которого будем считать упомянутый выше дистанционный курс немецкого языка (начальный уровень).

Подсистема распределения ролей обеспечивает существование в курсе минимум двух категорий пользователей: обучающихся и преподавателей. Первые в общем случае имеют право выполнять задания курса и просматривать свои оценки. Вторые осуществляют контроль учебной деятельности обучающихся, а также имеют право редактировать содержание курса. Между этими главными ролями может помещаться роль ассистента. Его задача – помогать преподавателю, производя мониторинг деятельности обучающегося, но без возможности редактирования содержания курса. Без распределения ролей было бы абсолютно невозможно организованно обучать кого-либо дистанционно – не случайно распределение ролей является базовой подсистемой систем управления обучением, причем «выключить» ее невозможно.

Подсистема зависимости модулей друг от друга позволяет задавать последовательность, в которой обучающийся будет изучать модули курса. Занимаясь дистанционно в режиме самостоятельной работы (между консультациями с преподавателем в режиме видеоконференции), обучающиеся должны сами управлять процессом своего обучения. Для многих эта задача является трудновыполнимой; руководствуясь собственными соображениями, они могут переходить к материалам тем в произвольной последовательности, нарушая замысел авторов. Подсистема зависимости позволяет частично снять эту проблему. Начиная с версии LMS Moodle 3.0, подсистема зависимости распространяется на любые модули курса, включая те, которые не предусматривают выставления оценки.

В рассматриваемом курсе немецкого языка с помощью подсистемы зависимости реализуется так называемый линейный алгоритм Скиннера [5, с. 306–307]. Ключевыми при этом являются тестовые задания (оцениваются автоматически) и задания открытого типа (оцениваются преподавателем), за которые обучающийся должен получить максимальный балл, чтобы приступить к изучению следующих модулей.

Подсистема протоколирования работы пользователей важна не только с точки зрения методики, но и с точки зрения управления учебным процессом. Администратор LMS Moodle может получить все

данные о деятельности обучающегося, преподавателя и всех других участников в системе, формируя журнал действий. Таким образом могут быть сформированы статистические данные, например о среднем времени, потраченном на изучение того или иного модуля. На основании этих данных авторы могут модифицировать учебные материалы курса, повышая или понижая уровень сложности отдельных заданий, расширяя теоретическую часть и т. п. К результатам работы этой подсистемы мы отнесем также расчет средней оценки для каждого обучающегося и формирование рейтинга группы обучающихся.

Элементы Web 2.0 не были задействованы в представляемом курсе, так как он предусматривает индивидуальное обучение иностранному языку, в то время как элементы Web 2.0 предназначены для работы с группами обучающихся. На форуме можно проводить тематические обсуждения на иностранном языке, база данных может служить для коллективного создания лексического минимума, а в рамках семинара обучающиеся могут составлять тексты по заданным критериям и взаимно проверять их. Ценность элементов Web 2.0 заключается в активировании горизонтального взаимодействия в системе, при котором возможно обучение многих студентов несколькими или даже одним преподавателем.

Тестовые задания важны не только для построения рейтинга, но и для функционирования подсистемы зависимости. Тесты, которые могут содержать от одного до нескольких десятков тестовых заданий, являются маркерами прогресса обучающегося, поскольку для перехода к последующим модулям необходимо получить определенный балл за тест. В рассматриваемом курсе немецкого языка этот балл неизменно равен максимальному (100 баллов). При этом обучающийся не ограничен в попытках прохождения теста и может добиваться максимального балла, тем более что в тестах предусмотрены градуированные подсказки. Каждую попытку порядок следования тестовых заданий, как правило, изменяется. Из сказанного можно заключить, что организованные таким образом тестовые задания являются не столько инструментом контроля, сколько заданием на повторение изученного материала. Рассмотрим некоторые эффективные на наш взгляд варианты тестовых заданий.

Самое простое по степени сложности тестовое задание «да / нет» с вероятностью угадать ответ равной 50 % становится эффективным для проверки усвоения изученного теоретического материала,

особенно при пороге прохождения теста равном 100 % и наличии в нем нескольких заданий такого вида. В указанном курсе задание «да / нет» активно используется после изложения теоретического материала для мгновенного самоконтроля и закрепления теоретических положений. Достаточно трудными для выполнения и сложными при составлении являются задания на множественный выбор, в которых может присутствовать несколько правильных ответов. Вероятность угадать правильный ответ в таких заданиях весьма мала (к примеру, при 15-ти пунктах, шесть из которых являются верными).

Особого внимания заслуживает вариативность форм представления одного и того же вида заданий. Например, задание на множественный выбор, в котором имеется один правильный ответ из трех предложенных, можно реализовать в виде тестового вопроса «множественный выбор», «вложенные ответы», «выбор пропущенных слов» или «перетаскивание в текст». Такое многообразие позволяет менять внешний вид похожих заданий, несколько «оживляя» интерфейс электронных учебных материалов.

Глоссарий курса важен не только как отдельный справочник используемых терминов, но и благодаря возможности автоматического связывания записей глоссария с остальными текстами курса. Наличие глоссария позволяет ввести в начальных курсах иностранного языка некоторое количество лингвистических терминов (например, «артикуляция», «дифтонг», «производные существительные» и др.). Встречая такой термин в тексте, обучающийся может навести на него указатель мыши и получить всплывающую подсказку. Особенностью реализации этой подсистемы является то, что если всплывающая подсказка к термину сама содержит какие-либо термины, то последние также могут активировать всплывающую подсказку, и т. д. В связи с этим разумно блокировать вторичные всплывающие окна, поместив запись глоссария в режиме правки HTML в парный тег `<nolink></nolink>`.

Подсистема банка вопросов тесно связана с тестовыми заданиями. Главная задача этой подсистемы – организация тестовых вопросов и обеспечение их мобильности внутри и за пределами курса. Без банка вопросов было бы невозможно составлять сводные тесты, в которые включаются случайным образом выбранные тестовые задания из указанных категорий. Таким образом, в указанном курсе организованы тесты к урокам и по темам. Единственным недостатком тестов

со случайным распределением является то, что вопросы разной сложности уравниваются и их адекватная дифференциация становится невозможной. Поэтому в сводные тесты рекомендуется включать вопросы одного уровня сложности.

Методически эффективные сочетания инструментов лучше продемонстрировать на примере типовых разделов рассматриваемого курса¹.

Информационный раздел «Заметьте!», представленный модулем «страница», содержит текст и аудиоплеер, позволяющий прослушать содержание раздела. Процесс интеграции аудиоплеера имеет ряд технических сложностей, связанных с форматами аудиофайла и представлением аудиоплеера в различных веб-браузерах. Стремясь к максимальной кроссбраузерности курса, код вставки аудиоплеера был приведен в режиме правки HTML к следующему виду:

```
<audio src=»ПУТЬ_К_ФАЙЛУ» controls=»controls»></audio>
```

При этом опытным путем было установлено, что наиболее универсальным (на момент создания курса) является формат аудиофайлов MP3.

Раздел «Задание» также содержит текст и аудиоплеер, что очень удобно для фонетических упражнений на имитацию. Отличие этого раздела от предыдущего заключается в том, что здесь наличие аудиозаписи является строго обязательной.

Раздел «Задание (проверка по ключу)» предназначен для заданий открытого типа, проверить правильность выполнения которых предлагается обучающемуся самостоятельно.

Предусматриваются два варианта проверки:

- 1) по текстовому ключу;
- 2) по текстовому ключу и по аудиоключу.

Вариант проверки только по аудиоключу не рассматривается, поскольку речь идет о курсе иностранного языка начального уровня. Для проверки по текстовому ключу разработчик курса создает отдельный файл HTML с ключами, например:

¹ Здесь разделом является минимальная относительно самостоятельная часть урока курса, который структурно состоит из тем, вмещающих в себя от двух до трех уроков.

```

<!DOCTYPE html>
<html>
<head>
<meta charset=»utf-8»>
<title>1-2-7key</title>
<!--<link rel=»stylesheet» href=»style.css»>
<script src=»script.js»></script-->
</head>
<body>
<h1>Ключи к заданию 1.2.7</h1>
<p>- Guten Tag, Gabi! Das ist Ada. - Guten Tag, Ada!</p>
</body>
</html>

```

Здесь мы также выступаем за минималистичность интерфейса, в том числе и по причине экономии места на сервере. Изготовленный файл прикрепляется к редактируемой текстовой области в качестве вложенного файла, после чего на него дается гиперссылка. Таким образом, ключ становится виден только при сознательной активации гиперссылки обучающимся.

Для проверки по аудиоключу звуковой файл прикрепляется к редактируемой текстовой области с помощью стандартной для LMS Moodle процедуры. При этом получается следующий код HTML:

```
<a href=»ПУТЬ_К_ФАЙЛУ»>key06-01-05.mp3</a>
```

При стандартной процедуре аудиоплеер становится примерно в два раза меньше, что неудобно для многократного нажатия на кнопки его управления при выполнении упражнений. Для прослушивания ключей такого размера достаточно, так как ключи не должны быть использованы до хотя бы одной самостоятельной попытки выполнения задания.

Раздел «Задание (проверка преподавателем)» содержит только текст, что полностью соответствует его предназначению. В отличие от проверки по ключу, раздел помещен в модуль «задание», а не «страница». Для проверки преподавателем были отобраны 20 из наиболее значимых открытых заданий, которые неэффективно было бы доверить самостоятельной проверке по ключу. Наличие заданий, предусматривающих ручную проверку преподавателем, увеличивает степень контроля над усвоением учебного материала обучающимся, стимулирует его мотивацию и тем самым повышает качество курса.

Проверочный раздел «Проверьте Ваши знания» содержит несколько тестовых заданий. Говоря о методически эффективной концентрации компонентов графического интерфейса пользователя в рамках тестовых заданий, мы снова вернемся к сочетанию текста и аудиоплеера. В качестве примера приведем одно из первых заданий на аудирование в рассматриваемом курсе, в котором обучающийся прослушивает лексические единицы и выстраивает их в порядке произнесения диктором, используя drag & drop. Такое задание можно в некоторой степени сравнить с компьютерной игрой, требующей совершить правильные действия за отведенный отрезок времени (в данном случае – пока звучит аудиозапись), с той только разницей, что целью деятельности здесь будет являться не пустое времяпровождение, а формирование навыка аудирования. Заметим, что в тестовых заданиях текущей версии LMS Moodle (при настройках по умолчанию) допускается только стандартная процедура прикрепления аудиофайла.

Заклучим, что в ходе создания курса немецкого языка (начальный уровень) удалось разработать достаточно полный инструментарий, позволяющий формировать у обучающегося все четыре вида речевой деятельности в рамках самостоятельной работы обучающегося и консультаций с преподавателем в режиме видеоконференции.

В нашей работе мы не ставили перед собой целью описать все возможности LMS Moodle (тем более, что это хорошо уже сделано в официальной документации к системе), но сфокусировались именно на методических инструментах разработки курса иностранного языка. В итоге можно с уверенностью сказать, что LMS Moodle 3.0 является подходящей системой, способной предоставить ИКТ-компетентному лингвисту эффективные инструменты разработки курсов иностранных языков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Волина С. А., Горожанов А. И., Зайцева А. А.* Курс немецкого языка (начальный уровень) // Хроники объединенного фонда электронных ресурсов Наука и образование. – М. : Ин-т управления образованием РАО, 2016. – № 6 (85). – С. 47.
2. *Горожанов А. И.* Принципы построения интерфейса узлов обучающей виртуальной среды // Актуальные вопросы непрерывного языкового образования. – М. : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2016. – С. 21–26. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 4 (743). Серия Педагогические науки).

3. *Горожанов А. И.* Опыт реализации курсов Moodle с высокой долей компонентов Web 2.0 // Электронный научный журнал «APRIORI. Серия: Гуманитарные науки». – Краснодар : Акелян Нарине Самадовна, 2015. – Вып. 4. – С. 1–19.
4. *Горожанов А. И.* Пример разработки узла обучающей виртуальной среды для формирования лингвистической компетенции. // Современные языки в межкультурной коммуникации. – М. : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2016. – С. 224–233. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 5 (744). Серия Языкознание).
5. *Stern H. H.* Fundamental Concepts of Language Teaching. – Oxford : Oxford University Press, 1983. – 582 с.

УДК 159.9.07

И. В. Талалай

аспирант кафедры психологии и педагогической антропологии МГЛУ;
e-mail: etalalay.et@gmail.com

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ПРЕДВОСХИЩАЮЩЕГО ВНИМАНИЯ

Исследования предвосхищающего внимания развиваются в основном в контексте «классической» экспериментальной парадигмы с использованием эксплицитной (осознаваемой) подсказки, информирующей испытуемых об определенных характеристиках целевого сигнала. Тем не менее есть основания полагать, что предвосхищение может формироваться и на основании неосознаваемого (имплицитного) усвоения определенной последовательности релевантных событий, которое позволяет заранее настроиться на анализ целевого сигнала. В разных жизненных ситуациях могут возникать и по-разному сказываться на эффективности деятельности два вида предвосхищающего внимания: направленное и имплицитное. В этой связи представляется актуальным выявление особенностей деятельности в условиях имплицитного предвосхищения по сравнению с вниманием, направляемым инструкцией-подсказкой. В настоящей работе на основе анализа различных эмпирических моделей направленного и имплицитного предстимульного внимания предлагается новая экспериментальная парадигма, которая предполагает анализ эффективности решения сенсорных задач в двух условиях, сходных по параметрам сенсорных сигналов и когнитивной задаче, но различающихся механизмами формирования предстимульного внимания.

Ключевые слова: предстимульное внимание; антиципация; модально-специфическое внимание; экспериментальная психология.

Talalay I. V.

Postgraduate Student, Department of Psychology and Pedagogical Anthropology, MSLU; e-mail: etalalay.et@gmail.com

METHODICAL ASPECTS OF ANTICIPATORY ATTENTION INVESTIGATION

Investigation of prestimulus attention is developed basically in terms of classical experimental paradigm implying the presentation of an explicit cue-stimulus, which informs participants about certain characteristics of a target stimulus. Nonetheless, there is a reason to suppose that anticipation can be based on implicit learning that make participants be implicitly prepared for the analysis of a target stimulus. Two types of anticipation – cued and implicit take place in different daily situations and can influence human performance in different ways. We suppose, in that regard,

that the analysis of performance differences in the conditions of implicit anticipation and cued attention should be conducted. In the present paper basing on different experimental models of implicit and cued prestimulus attention we suggest a new experimental paradigm that implies the analysis of task performance in two conditions that are similar in terms of stimuli characteristics and cognitive task and different in terms of mechanisms underlying prestimulus attention.

Key words: prestimulus attention; anticipation; modality-specific attention; experimental psychology.

Внимание – одна из интенсивно изучаемых в современной психологии и психофизиологии психических функций. Несмотря на это единого представления о внимании в психологии не существует. Наиболее распространенным можно считать общее определение, согласно которому внимание есть концентрация сознания на определенном реальном или идеальном объекте [15; 7]. В когнитивной психологии внимание определяется как процесс избирательной концентрации на одном аспекте внешней среды при игнорировании других аспектов, а также как распределение (allocation) энергетических ресурсов, направляемых на обработку информации [8]. Внимание исследуется на когнитивном, нейросистемном, клеточном, синаптическом и генетическом уровнях [24]. Многогранность и комплексный характер феномена внимания заставляют исследователей использовать различные эпитеты для его описания: «пассивное», «активное», «произвольное», «непроизвольное», «непосредственное», «опосредованное», «избирательное», «бдительное» и др.

Один из важнейших вопросов, возникающих при изучении внимания, – это вопрос о том, можем ли мы говорить о направленном избирательном внимании еще до того, как сенсорные сигналы станут доступны для восприятия? Исходя из представлений об активном характере психических функций [1] и их зависимости от внутреннего состояния и целей поведения субъекта, представляется не только оправданным, но и необходимым рассматривать процессы, происходящие в период, предшествующий сенсорной обработке внешней информации, как важный этап функционирования механизмов селективного внимания. В данной работе рассматриваются методические аспекты исследования предстимульного внимания.

Несмотря на большое количество исследований внимания в психологии и психофизиологии, вопрос о возможности избирательной подготовки к анализу значимой информации остается дискуссионным.

В связи с тем, что предстимульный период является «закрытым» для психологического наблюдения и экспериментального исследования, об избирательном влиянии антиципационного внимания на обработку значимой информации можно судить лишь косвенно: по изменению скорости и точности решения когнитивной задачи.

Понятие предстимульного внимания. Прежде чем перейти к анализу экспериментальных исследований предстимульного внимания, рассмотрим вопрос о правомерности использования самого термина. Как писал Л. Виттгенштейн [31], многие концепции не могут дать формального определения вниманию, и сравнивал этот термин с термином «игра», говоря о том, что мы можем назвать игрой множество разных вещей исходя из каких-то общих признаков. Аналогично и многие феномены в экспериментальной психологии и психофизиологии рассматриваются как проявление внимания. Несмотря на отсутствие единой концепции внимания, существуют некоторые общие моменты в понимании внимания большинством современных ученых, которые сходятся во мнении о том, что внимание есть концентрация сознания на определенном реальном или идеальном объекте [15; 7]. Благодаря интенсивным исследованиям механизмов внимания в нейрокогнитивных науках широкое распространение получило представление о внимании как самостоятельном психическом процессе, реализуемом специализированными мозговыми системами, основными функциями которого являются контроль и организация поведения [11; 5; 25].

Стоит отметить, что одним из переломных моментов в истории изучения внимания можно назвать переход от исключительно пассивной модели понимания феномена внимания в качестве «бутылочного горлышка» к активно-деятельностному пониманию. Внимание стало рассматриваться исследователями не как некий ограничитель восприятия, а как процесс, обеспечивающий мобилизацию внутренних физиологических и психологических ресурсов для решения конкретных задач. В отечественной психологии активный характер внимания подчеркивался П. Я. Гальпериным, который рассматривал его как «свернутое» действие контроля [2]. Такой взгляд на феномен внимания раскрыл его сложный характер и многостороннюю специфику проявления, задав, таким образом, множество векторов для его исследования.

Произвольное внимание рассматривалось П. Я. Гальпериным как синоним планомерного внимания, представляющего собой контроль за действием, выполняемым на основе заранее составленного плана, с помощью установленных критериев и способов их применения [2]. Наличие такого плана, критериев и способов действия позволяет контролировать, а вместе с тем, и направлять внимание на то, на что мы хотим его направить, а не на то, что «само бросается в глаза».

Если непроизвольное внимание оперирует лишь в настоящем времени, так как контроль над тем, что «само бросилось в глаза», может быть инициирован только наличествующими здесь и сейчас стимулами, произвольное внимание может быть обращено как к «прошлым», так и «будущим» стимулам и событиям. В последнем случае в когнитивной психологии используется термин «ожидание», или «антиципирующее внимание» [6].

Другим возможным вариантом подготовки субъекта к восприятию будущих событий и организации своей деятельности в соответствии с ними является предвосхищение появления значимых сигналов при регулярном повторении порядка их следования – имплицитное предвосхищение в ходе серийного научения. Рассмотрим существующие экспериментально-психологические данные, свидетельствующие о влиянии двух типов предстимульного внимания (произвольного и имплицитного) на процессы обработки значимой информации.

Экспериментальные исследования предстимульного внимания. В связи с анализом внимания, обращенного в будущее, т. е. предстимульного внимания, возникают большие проблемы, связанные с терминологией. За этим зачастую стоит, с одной стороны, отсутствие единых принятых большинством исследователей терминов и их аналогов в российских исследованиях, а с другой – наличие принципиально отличающихся форм внимания, которые по разным причинам описываются одним и тем же словом или словосочетанием. Так, говоря об антиципационном внимании, чаще всего имеют в виду экспериментальную парадигму и связанную с ней психофизиологическую концепцию внимания, разработанную М. Познером [22]. В его исследованиях «успеха» (benefits) и «неуспеха», как правило, первый стимул не требовал реакции испытуемого, а только давал некоторую информацию о целевом стимуле (например, о возможном локусе его проявления в зрительном поле). Если целевой стимул действительно появлялся в ожидаемом месте, то время реакции было короче, чем

в случае, когда предупреждающий стимул не содержал информации о месте целевого сигнала. Такое укороченное время реакции рассматривалось как мера полезного влияния («успеха») специфического ожидания. Однако если целевой стимул появлялся в неожиданном месте, то время реакции было больше, чем в случае, когда предупреждающий стимул не содержал информации о месте его появления. Такое увеличение времени реакции Познер рассматривал как меру «потерь» («неуспеха»), связанных с неверным ожиданием. Эта парадигма подразумевает «выбор» только в том смысле, что субъект избирательно готовит себя к реакции на некоторые ожидаемые (в будущем) события в большей степени, чем на другие [16]. Наибольшее распространение при исследовании роли предстимульного периода в эффективности внимания получила экспериментальная парадигма «flanker test», разработанная Б. А. Эриксен и Ч. У. Эриксоном [13] и доработанная М. Познером и Дж. Фаном [25]. Целевой стимул в данной модели представлял собой стрелку, направленную влево или вправо, и появлялся сверху или внизу экрана. Задача испытуемого состояла в нажатии левой или правой кнопки в соответствии с направлением стрелки. При постановке этого эксперимента предполагалось, что эффективность деятельности испытуемого будет зависеть от привлечения внимания к месту появления целевого сигнала. Для создания условия привлечения внимания к целевому стимулу на экране предъявлялись два вида подсказки, указывающие на место появления целевого стимула (вверху или внизу экрана): точка в соответствующем месте экрана (периферическая подсказка), произвольно привлекающая внимание к месту появления целевого стимула, и стрелка в центре экрана, указывающая вверх или вниз (центральная подсказка – инструкция), на основании которой испытуемый произвольно концентрировал внимание. Помимо варьирования условий внимания, в данном эксперименте вводились периферические стимулы – дистракторы в виде таких же стрелок, как целевой стимул, располагавшиеся по бокам от целевого стимула. Периферические стимулы могли быть направлены в ту же сторону, что и целевой стимул, или в противоположную.

Второй вариант периферических стимулов повышал нагрузку на процессы внимания и усложнял принятие испытуемым правильного решения. Исследователей в данном случае интересовали изменения эффективности деятельности в зависимости от условий внимания

и наличия «конфликтующих» периферических стимулов, игнорирование которых требовало включения дополнительного контроля внимания (управляющего контроля, *cognitive control*). В исследовании И. Хана в соавт. [14] изменения эффективности деятельности, связанные с появлением предупреждающего стимула-подсказки, также изучались с использованием экспериментальной парадигмы, разработанной М. Познером. При этом эксперимент проводился несколько раз на 55 испытуемых с интервалом в среднем 7,4 месяцев между сессиями. Было установлено, что повышение эффективности деятельности, выражающееся в уменьшении времени реакции и увеличении количества правильных ответов, сохранялось в повторных исследованиях.

Положительный эффект предупреждения о значимых свойствах целевого стимула обнаружен также при решении задач, требующих переключения внимания между стимулами разных модальностей. Согласно данным Ч. Спенса и Дж. Драйвера [29] предъявление символического изображения, сигнализирующего о модальности целевого сигнала (зрительного или слухового), сокращает время реакции и увеличивает точность ответов при решении различных зрительных и слуховых задач в том случае, если стимул-подсказка правильно указывает модальность следующего за ним стимула [19]. Как показал фМРТ-анализ, в период ожидания целевых сигналов активность зрительных зон мозга при зрительном селективном внимании была выше, чем при слуховом внимании, и, наоборот, активность слуховых зон при слуховом селективном внимании была выше, чем при зрительном. Косвенным свидетельством важности избирательной предстимульной настройки мозга на анализ модально-специфической информации являются данные об изменении параметров слуховых вызванных потенциалов при сбоях слухового внимания, обусловленных эндогенными дистракторами (состояние «ухода в свои мысли») [4].

Таким образом, когнитивные исследования демонстрируют возможность избирательного влияния предстимульного внимания, задаваемого инструкцией, на обработку целевых сигналов.

Экспериментальные исследования имплицитного научения. Всё вышеупомянутое примеры и экспериментальные данные, связанные с антиципирующим вниманием, представляют собой подготовку к анализу релевантного стимула, обусловленную предварительной инструкцией-подсказкой. Однако есть основания предполагать, что предвосхищение может также формироваться на основании

периодически повторяющегося порядка появления релевантных сигналов, в этом случае его можно назвать имплицитным предвосхищением (*implicit anticipation*) [30]. Такое повторение последовательности сигналов с определенным порядком усваивается, и на основании этого «неосознаваемого знания» формируется способность к предвосхищению. Чаще всего в рамках изучения усвоения повторяющихся последовательностей речь идет об имплицитном серийном научении.

Говоря об имплицитном научении, А. Клиреманс в соавт. [10] описал в своей работе «*Implicit learning: news from the front*» основные экспериментальные парадигмы изучения данного феномена.

Экспериментальные ситуации, связанные с имплицитным научением, обычно включают три компонента:

- наличие определенной сложной экспериментальной среды, заданной правилами в условиях имплицитного научения;
- оценку того, насколько хорошо испытуемый усвоил знание о среде, выполняя одинаковые или разные задания;
- степень осознанности усвоенных знаний испытуемым.

При исследовании имплицитного научения используются три основные экспериментальные парадигмы, имеющие схожий дизайн: усвоение искусственной грамматики (*artificial grammar learning – AGL*) [26-28], усвоение последовательностей – серийное научение (*sequence learning – SL*) [20; 28; 18] и контроль динамичной системы (*dynamic system control – DSC*) [9].

При изучении усвоения последовательностей испытуемых просят реагировать (обычно используется моторная реакция) на каждый элемент последовательности событий, следующих в определенном и периодически повторяющемся порядке, при этом регистрируется время реакции. Испытуемым не сообщается, что за последовательностью повторяющихся стимулов стоит определенная закономерность. Чаще всего в подобных исследованиях используются последовательности зрительных стимулов [20; 28; 18]. При использовании повторяющегося порядка стимулов испытуемые демонстрируют более высокую скорость реакции, чем при их случайном предъявлении.

Так, например, М. Дж. Ниссен и П. Буллемер [20] исследовали имплицитное научение в условиях предъявления периодически повторяющихся последовательностей зрительных стимулов. Испытуемым предъявлялись зрительные стимулы (звездочки), которые появлялись в четырех возможных местах. Кнопка ответного устройства

располагалась напротив каждого потенциального места появления стимула. После ответа следующий стимул появлялся через 500 мс. Для одной группы испытуемых появление стимулов задавалось определенной 10-ти элементной последовательностью, в то время как для другой было случайным. Испытуемые, которым предъявлялась повторяющаяся последовательность, демонстрировали более высокую скорость реакции и делали меньше ошибок по сравнению со второй группой. В исследовании М. Кушнер в соавт. [17] также изучалось изменение успешности деятельности в ходе усвоения определенной заданной последовательности сигналов. В этом случае испытуемым в разных местах экрана компьютера последовательно предъявлялись пять стимулов. Задача состояла в том, чтобы предугадать, где должен появиться шестой стимул. Для релевантного стимула было предусмотрено три позиции. Первые пять стимулов предъявлялись в хаотичном порядке, однако появление шестого стимула зависело от пространственного расположения второго и четвертого стимулов относительно друг друга.

Эксперимент был разделен на три этапа. На первом испытуемым было необходимо решить большое количество такого рода заданий (2430). На втором этапе правило, лежавшее в основе появления шестого стимула, менялось (972 проб), и теперь аналогичной последовательности предъявления первых пяти стимулов из первого этапа соответствовало другое место появления шестого стимула в эксперименте второго этапа. На третьем этапе правило опять менялось (972 проб): предъявление шестого стимула было случайным. При этом испытуемым не разглашались особенности и детали эксперимента.

Результаты исследования показали, что в ходе первого этапа точность предугадывания места появления шестого стимула постепенно увеличивалась, достигая показателя, значительно превышающего уровень случайного угадывания. В начале второго этапа точность ответов падала до уровня случайного угадывания, однако к концу этапа опять же значимо возрастала. В течение всего третьего этапа испытуемые давали случайные ответы. Стоит отметить, что в постэкспериментальных опросах испытуемые не могли ответить, какой принцип лежал в основе последовательности стимулов. Это значит, что у испытуемых формировалось имплицитное предвосхищение, возникающее на основании определенной последовательности появления в пространстве определенных стимулов.

Рассмотренные выше данные дают основание предполагать, что закономерность повторяющейся последовательности сигналов усваивается, и испытуемый готовится к появлению очередного стимула заранее, хотя часто не может дать вербальный отчет о порядке стимулов.

В рамках анализа параметров деятельности невозможно понять, насколько процессы, происходящие в предстимульный период как при серийном научении, так и при произвольном внимании, могут быть избирательными, возможны ли действительно избирательная настройка и подготовка к обработке информации или эффект настройки состоит в общей активации. Для экспериментального исследования этих проблем в психофизиологии используются нейрофизиологические методы анализа, позволяющие оценить работу различных корковых зон и глубинных структур мозга в предстимульный период.

Описанные в статье работы, посвященные направленному вниманию и серийному научению, свидетельствуют о том, что имплицитное предвосхищение и направленное внимание могут возникать в разных жизненных ситуациях и по-разному сказываться на процессах обработки информации. В этой связи представляет интерес проведение сравнительного экспериментального исследования избирательного направленного внимания, вызванного инструкцией, и имплицитного предвосхищения для получения новых данных о влиянии структуры деятельности и организации информационного пространства на эффективность решения когнитивных задач.

В заключение следует подчеркнуть, что исследования предстимульного внимания развиваются в основном в контексте «классической» экспериментальной парадигмы с использованием эксплицитной (осознаваемой) подсказки, информирующей испытуемых об определенных характеристиках целевого сигнала. Тем не менее есть основания полагать, что предвосхищение может формироваться и на основании неосознаваемого усвоения определенной последовательности релевантных событий, т. е. на основании имплицитного научения. Увеличение эффективности деятельности в двух условиях предвосхищения подтверждается множеством экспериментальных работ, к тому же установлена модальная специфичность антиципирующего внимания. Несмотря на то, что уже в течение долгого времени проводятся исследования предстимульного внимания, о возможности имплицитного предвосхищения можно судить только по

работам, посвященным изучению имплицитного научения. В этой связи представляется актуальным проведение комплексного исследования с использованием психологических и психофизиологических методик, в котором бы сочетались и сравнивались два типа организации предстимульного внимания. Задача первого этапа исследования, результаты которого представлены в работе «Сравнительное исследование направленного и имплицитного предвосхищающего внимания при решении зрительного и слухового вариантов задачи на определение порядка следования стимулов в паре» [30], состояла в разработке экспериментальной модели, которая позволила бы сравнивать два типа предстимульного внимания с использованием одной и той же когнитивной задачи. Необходимость разработки подобной модели связана с существенным влиянием типа когнитивной задачи на процессы внимания, что усложняет трактовку различий направленного и имплицитного внимания, если они реализуются при решении разных когнитивных задач. В работе «Сравнительное исследование направленного и имплицитного предвосхищающего внимания при решении зрительного и слухового вариантов задачи на определение порядка следования стимулов в паре» [30] представлена оригинальная экспериментальная парадигма, созданная для сравнительного исследования двух типов предстимульного внимания при решении одной и той же задачи – определение порядка следования стимулов в паре (temporal order judgment task). При этом для исследования избирательности предстимульного внимания использовались пары целевых стимулов двух модальностей: зрительные и слуховые. Эта экспериментальная модель предполагает участие испытуемого в двух сессиях исследования. В первой предупреждающий стимул информировал испытуемого о сенсорной модальности целевого сигнала (сессия «направленное внимание»), во второй – многократно повторялась фиксированная последовательность из восьми пар зрительных и слуховых стимулов (сессия «имплицитное научение»). В ходе сессии с повторяющимся порядком следования сенсорных задач сокращалось время и увеличивалась точность решения когнитивной задачи, что позволило сделать вывод о формировании имплицитной преднастройке. Анализ параметров деятельности (скорости и точности) в этих двух экспериментальных условиях показал, что они по-разному изменяются в зависимости от условий предвосхищения и модальности целевых сигналов. Полученные данные позволяют

использовать разработанную экспериментальную модель в ходе дальнейших комплексных исследований, направленных на поиск специфических механизмов направленного предвосхищающего внимания и имплицитной преднастройки, в котором, помимо анализа параметров деятельности, предполагается использовать психофизиологические методы анализа мозговой активности в период, предшествующий решению когнитивной задачи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Выготский Л. С.* Проблема развития и распада высших психических функций // Развитие высших психических функций: докл. на конф. Ин-та эксперимент. медицины, 28 апреля 1934 г. – М. : АПН РСФСР. – 1960. – С. 364–383.
2. *Гальперин П. Я.* К проблеме внимания: Доклады АПН РСФСР. – 1958. – № 3. – С. 33–38.
3. *Дормашев Ю. Б.* Психология внимания / Ю. Б. Дормашев, В. Я. Романов. – М. : Тривола, 1995. – 352 с.
4. *Лазарев И. У.* Слуховые вызванные потенциалы при сбоках внимания / И. У. Лазарев, Д. В. Брызгалов, Е. С. Осокина, А. А. Вязовцева, А. С. Антоненко, Е. А. Архипова, Б. В. Чернышев // Журнал высшей нервной деятельности. – 2014. – Т. 64. – № 3. – С. 292–303.
5. *Мачинская Р. И.* Нейрофизиологические механизмы произвольного внимания (Аналитический обзор) // Журн. высш. нерв. деят. – 2003. – Т. 53. – № 2. – С. 133–150.
6. *Наатанен Р.* Внимание и функция мозга: учеб. пособие / пер. с англ. ; под ред. Е. Н. Соколова. – М. : Изд-во Моск. ун-та. – 1998. – С. 560.
7. *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. – СПб. : Питер, 1998. – 712 с.
8. *Anderson J. R.* Cognitive psychology and its implications (6th ed.) / J.R. Anderson // Worth Publishers. – 2004. – P. 519.
9. *Berry B. C.* On the relationship between task performance and associated verbalizable knowledge / B. C. Berry, D. E. Broadbent // Quarterly Journal of Experimental Psychology. – 1984. – P. 209–231.
10. *Cleeremans A.* Implicit learning: News from the front / A. Cleeremans, A. Destrebecqz, M. Boyer // Trends in cognitive psychology. – 1998. – P. 406–416.
11. *Coull J. T.* Neural correlates of attention and arousal: insights from electrophysiology, functional neuroimaging and psychopharmacology // Progress in Neurobiology. – 1998. – V. 55. – P. 343–361.

12. *Desimone R.* Neural mechanisms of selective visual attention / R. Desimone, J. Duncan // *Annu Rev Neurosci.* – 1995. – P. 193–222.
13. *Eriksen B.* Effects of noise letters upon the identification of a target letter in a nonsearch task / B. Eriksen, C. Eriksen // *Perception & Psychophysics.* – 1974. – P. 143–149.
14. *Hahn E.* Test-retested reliability of attention network test measures in schizophrenia / E. Hahn, T. M. Ta, C. Hahn, L. K. Kuehl, C. Ruehl, A. H. Neuhaus, M. Dettling // *Schizophrenia Research.* – 2011. – V. 133. – P. 218–222.
15. *James W.* Principles of psychology / W. James. – New York : Holt. – 1890. – 448 с.
16. *Kahnemann D.* Changing views of attention and automatic / D. Kahnemann, A. Traismann // *Parasuraman R., D. R. Davies (Eds). Varieties of attention.* – New York : Academic Press. – 1984. – P. 29–61.
17. *Kushner M.* Implicit detection of event interdependencies and a PDP model of the process / M. Kushner, A. Cleeremans, A. S. Reber // Paper presented at the Proceedings of the Thirteenth Annual Conference of the Cognitive Science Society. – 1991.
18. *Lewicki P.* Acquisition of procedural knowledge about a pattern of stimuli that cannot be articulated / P. Lewicki, T. Hill, E. Bizot // *Cognit. Psychol.* – 1988. – № 20. – P. 24–37.
19. *Mozolic J. L.* Cross-modal deactivations during modality-specific selective attention / J. L. Mozolic, D. Joyner, C. E. Hugenschmidt, A. M. Peiffer, R. A. Kraft, J. A. Maldjian, P. J. Laurienti // *BMC Neurol.* – 2008. – V. 8. – № 35.
20. *Nissen M. J.* Attentional requirement of learning: evidence from performance measures / M. J. Nissen, P. Bullemer // *Cognit. Psychol.* – 1987. – № 19. – P. 1–32.
21. *Porjesz B.* The effects of stimulus expectancy on brain evoked potentials / B. Porjesz, H. Begleiter // *Psychophysiology.* – 1975. – V. 12. – P. 152–157.
22. *Posner M. I.* Chronometric explorations of mind. – Hillsdale, NJ : Lawrence Erlbaum Associates. – 1978.
23. *Posner M. I.* Attention in cognitive neuroscience: An overview in M. S. Gazzaniga (Ed.), *Cognitive neurosciences.* – Cambridge, MA : MIT Press. – 1995. – P. 615–624.
24. *Posner M. I.* Cognitive neuroscience of attention. – The Guilford Press. – 2004. – P. 466.
25. *Posner M. I.* Attention as an organ system / M. I. Posner, J. Fan // *Topics in integrative neuroscience: from cells to cognition* Pomerantz J. R. – Cambridge : Cambridge University Press. – 2008. – P. 31–62.
26. *Reber A. S.* Implicit learning of artificial grammars. – *J. Verbal Learn. Verbal Behav.* – 1967. – № 6. – P. 855–863.

27. *Reber A. S.* Implicit learning and tacit knowledge. – J. Exp. Psychol. Gen. – 1989. – № 118. – P. 219–235.
28. *Reber A. S.* Implicit learning and tacit knowledge: An Essay on the Cognitive Unconscious // Oxford University Press. – 1993.
29. *Spence C.* On measuring selective attention to an expected sensory modality / C. Spence, J. Driver // Percept Psychophys. – 1997. – V. 59. – № 3. – P. 389–403.
30. *Talalay I.* The Comparatative Study of Cued and Implicit Anticipatory Attention During the Performance of Visual and Auditory Versions of the Temporal Order Judgment Task / I. Talalay, R. Machinskaya // The Russian Journal of Cognitive Science. – 2014. – P. 58–66.
31. *Wittgenstein L.* Philosophical investigations. – Oxford, UK : Blackwell. – 1953.

УДК 82.0

А. П. Бондарев

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой литературы МГЛУ; e-mail: literatura_mglu@mail.ru

АПОФАТИКА ГЕРОЯ И АЛЕАТОРИКА ФАБУЛЫ

Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы на некоторых наглядных литературных примерах эксплицировать сюжетообразующую связь спонтанных апофатических процессов, автономно протекающих в душах героев, со спровоцированными этой апофатикой алеаторическими поступками.

Ключевые слова: апофатика героя; алеаторика сюжета; спонтанность; компульсивность.

Bondarev A. P.

PhD (2nd degree), Professor, Head of the Department of Literature, MSLU;
e-mail: literatura_mglu@mail.ru

АРОPHATIC CHARACTER AND ALEATORY PLOT

Referring to some obvious literary examples, the article intends to explicate the plot-creating link between apophatic processes, spontaneously passing off in the souls of characters, and aleatory acts, aroused by these apophatic processes.

Key words: apophatic character; aleatory plot; spontaneity; compulsiveness.

Апофатика – двусоставное слово. (*fatum* – *лат.* предвешание, прорицание, судьба, рок; *аро* – *греч.* отрицательный префикс). В теологии апофатика означает отрицание всего, что не есть Бог, возвышающийся над бренностью профанного мира. Богослов Г. Флоровский так описал механизм этого отрицания: «Апофатическое “не” неравнозначно “сверх” (или “вне”, “кроме”), – означает не ограничение или исключение, но возвышение и превосходство. Апофатическое незнание есть, скорее, сверх-знание – не отсутствие знания, но совершенное знание, несоизмеримое поэтому со всяким частичным познанием» [10, с. 440–441].

Алеаторика – заимствованный из латыни музыкальный термин, дериватив от *alea* – игральная кость, случайность. Это «метод

музыкальной композиции XX в., предполагающий мобильность (незакрепленность) музыкального текста (ткани или формы)» [12, с. 24].

Апофатика описывает спонтанно протекающий душевный конфликт, разрешение которого приводит к модификации всей гносеологической модели сознания героя и побуждает его совершать алеаторические – неожиданные для себя и окружающих поступки. Мемуарист С. П. Жихарев рассказал Л. Н. Толстому об искреннем удивлении А. С. Пушкина спонтанным решением Татьяны Лариной: «Представляете, какую штуку удрала со мной Татьяна... замуж вышла» [2, с. 108].

Апофатика и алеаторика взаимообусловлены: непредреженный исход взаимодействия внутренних (психологических) и внешних (фабульных) событий поддерживает в напряжении внимание читателя, который оказывается в положении аналитика, вынужденного вникать в детективное переплетение социально-психологических мотивировок.

Евгений Онегин и Татьяна Ларина

Фабула стихотворного романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» (1830) воспроизводит алеаторические события, меняющие систему представлений героев о себе и о мире, что побуждает их совершать апофатические поступки.

Вошедший в роман «лишним человеком», облаченным в одежды рассеянного, скучающего аристократа, Онегин становится объектом серьезного увлечения провинциальной дворянской барышни, то есть претворяется в алеаторическое событие ее жизни. Появление Онегина до такой степени поколебало сложившийся в сознании Татьяны патриархальный образ добродетельной девушки, настолько преобразило весь строй ее души, что она решилась ответить на этот исторический вызов – согласиться на алеаторический поворот в своей судьбе: искренне и самоотверженно полюбив Евгения всей силой первой девичьей любви, она отважилась, нарушив нормы светского этикета, адресовать ему любовное послание.

Между тем для холодного умом и черствого душой Онегина нежный призыв «юной девы» не стал алеаторическим событием. Не выходя из роли разочарованного байронического героя, он дал девушке нравоучительную отповедь – ответил вежливым и уважительным, но твердым и решительным отказом. Такая реакция ставшего дорогим ей человека оказалась для нее полной неожиданностью. Столкновение

душевного порыва Татьяны с обесценившим его алеаторическим поступком Онегина побуждает ее к интенсивной аналитической работе, из которой она со временем выйдет социально повзрослевшей и духовно возмужавшей.

А Евгений, дав волю раздражению вспыхнувших в нем апофатических чувств, ни с того ни с сего, взялся ухаживать за Ольгой, невестой своего друга Ленского, чем возбудил его ревность, спровоцировал конфликт, вызвал на дуэль и убил на поединке. Совершив бессмысленное и непонятное ему самому убийство в угоду формальным представлениям о дворянской чести, он отправился новым Чайльд Гарольдом в странствия и надолго оставил светское общество.

Возвратившись после длительного отсутствия, Онегин нашел Татьяну замужней женщиной, восхитительно недоступной красавицей, величественной аристократкой, безукоризненной в речах, манерах и поведении. Герои поменялись местами; изменились и их сюжетные функции. Теперь уже Татьяне суждено было вызвать глубинные трансформации в сознании Евгения. В порыве безумного увлечения, он начал преследовать ее настойчивыми домогательствами. Тщетно: непоколебимое внутреннее достоинство, глубокое самоуважение и чувство нравственного долга позволили Татьяне выстоять перед натиском назойливого обожателя:

Я вышла замуж. Вы должны,
Я вас прошу, меня оставить;
Я знаю: в вашем сердце есть
И гордость, и прямая честь.
Я вас люблю (к чему лукавить?),
Но я другому отдана;
Я буду век ему верна.

Зеркальная композиция, парадоксально сводящая в едином сюжете разнонаправленные мотивы, иллюстрирует взаимообусловленность внутренних и внешних событий. Смена апофатических состояний аналогична колебаниям эмоционального маятника: прежнее вялое равнодушие Онегина сменяется вспышками страсти, которая повергает Татьяну в отчаяние своей неподдельной искренностью. Однако умудренная опытом душевных страданий и глубоких раздумий, она находит мужество отречься от своей первой, самоотверженной и преданной любви во имя сохранения с таким трудом обретенной

целостности своей личности. Дано ли будет и Онегину, получившему от повзрослевшей Татьяны куда более серьезный нравственный урок, чем тот, который он когда-то легкомысленно преподавал ей в деревне, изжить заимствованный из модных литературных источников образ разочарованного денди, и обрести, наконец, самого себя?

Апофатические герои Стендаля

Поэтику произведений Стендаля формирует интерес к случайности, в которой поучительно встречаются апофатическое и алеаторическое – субъективное и объективное. Эта встреча с непредрежденным исходом меняет и судьбы героев, и направление развития фабулы.

Обращаясь к анализу исторического факта, Стендаль «всякий раз искал новых объяснений, больше доверяя динамическим закономерностям “случая”, чем статике закона, раз навсегда созданного рационалистической мыслью прошлого столетия», – заключает исследователь жизни и творчества писателя Б. Г. Реизов [7, с. 151]. Вникая в логику взаимодействия мотива и поступка, Стендаль выявлял сюжетообразующее взаимодействие апофатики и алеаторики.

В полемике романтиков с классиками Стендаль занял промежуточную позицию, не примкнув ни к тем, ни к другим. На взгляд писателя, у гениев Расина и Шекспира больше общего, чем различий – они оба «романтики». Ведь романтик, как его понимает Стендаль, не следует нормам классицизма, но и не нарушает их, а постигает и отображает дух своего времени: «Я, не колеблясь, утверждаю, что Расин был романтиком: он дал маркизам при дворе Людовика XIV изображение страстей, смягченное модным в то время чрезвычайным достоинством, из-за которого какой-нибудь герцог 1670 г. даже в минуту самых нежных излияний родительской любви называл своего сына не иначе, как “сударь”» [9, с. 27].

Стендаль интерпретирует романтизм как универсальное направление искусства, как «романтизм без берегов», обращающийся к анализу актуального события, адекватное изображение которого обеспечивается встречей традиции с новаторством. Он привлекает наработанные его предшественниками наличные способы объективации. Каждый из них обрамляет свое событийное пространство, но ни один не вырастает в конструктивный принцип. Их динамичное взаимодействие реагирует на исторический механизм спонтанного порождения событий.

Таковы «Итальянские хроники» (1829–1836) – цикл рассказов, материал для которых Стендаль почерпнул из старинных рукописей, обнаруженных им в одной римской семье. В 1835 г., в письме своему издателю Леваассеру, Стендаль сообщал о том, что приобрел за большую сумму старые манускрипты, датируемые XVI–XVII вв., и обнаружил в их стилистике благородство и величие эпохи, породившей некогда таких художников, как Рафаэль и Микеланджело. В восприятии Стендаля Италия – страна славного прошлого, которому, благодаря предстоящей освободительной борьбе, суждено возродиться во вновь обретенной непосредственности чувств и страстей.

С одной стороны, «Хроники» очаровывали Стендаля героизмом оставшейся в прошлом эпохи, с другой – они, на правах исторического документа, обращались к фактам, по своему познавательному значению превосходившим самые смелые романтические фантазии. Документальность хроник многозначительно противопоставляется Стендалем литературе вымысла: «...Не ждите увлекательных переживаний, присущих романам Жорж Санд. <...> Правдивое повествование, которое я вам предлагаю, может иметь лишь более скромные преимущества – преимущества истории» [8, с. 33–34]. Оппозиция вымысла и документальности снимается Стендалем в прояснении динамики исторического факта.

События знаменитой новеллы «Ванина Ванини» (1829) объективируются в традиции французской аналитической прозы, восходящей к творчеству мадам де Лафайет и моралистов XVII–XVIII вв.: Паскаля, Ларошфуко, Лабрюйера, Вовенарга. Наследуя их психологическую аналитику, Стендаль существенно модернизирует ее технологию, откликаясь на усложнившуюся структуру события. Рационалистический психологизм довольствовался констатацией противоречия между видимостью и сущностью – этическими нормами и нарушающими их эмпирическими побуждениями. Стендаль открывает в событии более сложную взаимообусловленность единичного и всеобщего. Ее результат до такой степени модифицирует структуру сознания, что первоначальные мотивы переходят в свою противоположность: «Увидев ее (Ванину. – А. Б.), Миссирилли почувствовал себя на верху блаженства, но постарался скрыть свою любовь: прежде всего он не желал уронить свое достоинство, как и подобает мужчине. Ванина вошла к нему в комнату, сгорая от стыда, боясь услышать любовные речи, и была очень опечалена, что он встретил ее словами дружбы... без единой искры нежности».

Парадоксальное столкновение временных конструкций с придаточными причины и следствия управляет корреляцией антиномичных лексических средств: «блаженство» влюбленного отвергается его мужским достоинством как постыдная слабость. «Стыдливость» Ванины предвосхищает ожидаемое признание в любви, но адресованные ей «слова дружбы» рождают в ее душе «печаль», переходящую в обиду и раздражение.

Спорадические вспышки эмоций подготовлены предварительной душевной работой: «Однажды вечером, после того как Ванина весь день ненавидела его и давала себе обещание держаться с ним еще холоднее, еще суровее, чем обычно, она вдруг сказала ему, что любит его».

Конфликт мотивов и опровергающих их по причине иной мотивированности поступков получает невербальное – контекстуальное – обоснование. Любовь, сблизившая Ванину и Пьетро, – не единственное чувство, противостоящее сословной иерархии и моральным предрассудкам. В Ванине оно осложнено снобизмом аристократки и высокомерием красивейшей женщины Рима. В Миссирилли – усиленной патриотизмом революционной гордыней разночинца. Эти мотивы объективируются автором в традициях руссоизма и романтизма.

Демократические традиции руссоизма противопоставляют социальному неравенству «естественное чувство», уравнивающее в человеческих правах дворянку и плебея: Ванина, девятнадцатилетняя патрицианка, «черноволосая девушка с огненным взором», равнодушная к своему жениху Ливию Савелли, «одному из самых блестящих кавалеров римского общества», страстно увлекается Пьетро Миссирилли, патриотом, карбонарием, борцом за свободу Италии от австрийского ига. Однако руссоистская оппозиция снимается романтической убежденностью Миссирилли в своем героическом предназначении: покорившие Ванину достоинства ее возлюбленного – пылкость, патриотизм, порывистость, жертвенность – ставят под сомнение ее надежды на надежный брачный союз. «Я люблю вас страстно, – сказал он, – но я бедняк, и я слуга своей родины. Чем несчастнее Италия, тем больше должен я хранить верность ей. Чтобы добиться согласия дона Аздрубале, мне пришлось бы несколько лет играть жалкую роль. Ванина, я отказываюсь от тебя!».

Но уже следующий абзац снимает наметившуюся героическую доминанту: «Миссирилли спешил связать себя этими словами: мужество его ослабевало».

Динамика управляющих сознанием героя социально-психологических мотивов подрывает основу любой устойчивой системы ценностей. Фабульная логика происходящего фиксируется свободным взаимодействием классицизма, рационализма, сентиментализма, руссоизма, революционного и гротескного романтизма. Каждая из этих традиций узнаваема и в отведенных ей пределах выполняет свои объективирующие функции. Однако перспектива апофатических и алеаторических процессов настолько непредсказуема, что лишает каждый отдельный прием свойственной ему завершающей оценки: все они, перебивая друг друга, фиксируют этапы спонтанно разворачивающегося события.

Объективация сменяющих друг друга психических состояний затрудняется их текучестью. Патриотизм возбуждает в Пьетро ненависть к Ванине, которой вздумалось подчинить его волю своей любовной власти. Она выдала полиции членов венты карбонариев, но из этого не следует, что в динамичных взаимоотношениях молодых героев страсть выше долга. Узнав во время тюремного свидания с Ваниной о ее предательстве, Миссирилли воскликнул: «О чудовище!» и бросился к ней, пытаясь убить ее своими цепями». Но и этому импульсивному порыву уготован контрапункт алеаторического поступка, совершенного уязвленной в самое сердце женщиной: «Ванина была совершенно уничтожена. Она возвратилась в Рим; вскоре газеты сообщили о ее бракосочетании с князем Ливио Савелли».

Компульсивное решение о замужестве не означает, что высокомерие Ванины возобладавало над ее страстью. Ее шокирующий поступок – месть фанатизму Миссирилли. Скоропалительный брак с Ливио Савелли – иррациональная защита от ужаса, который она испытала, когда осознала последствия своего предательства, подорвавшего ее самоуважение и сломавшего ее женскую судьбу. Внезапное замужество – безрассудный жест отчаяния властной красавицы, пытающейся изгнать из сердца боль погубленной ею любви.

В романе «Красное и черное: хроника XIX века» (1830) художественные принципы «Итальянских хроник» реализуются на более широком социально-психологическом фоне, требующем еще более изощренного сочетания способов художественной объективации. В литературный обиход вводится новый тип героя, не похожий на лирических героев Шатобриана, порывистых героинь Жорж Санд, демонических героев Байрона и гротескных героев Гюго. Стендалю

предстояло отобразить динамику *становления* личности Жюльена Сореля под влиянием апофатических процессов и спровоцированных ими алеаторических поступков.

В четвертой главе («Отец и сын»), выполняющей функцию литературного портрета, ненавязчиво фиксируются опорные «свойства» героя:

- плебейское происхождение: Жюльен Сорель – сын крестьянина;
- «щуплое сложение», контрастирующее с физической силой старших братьев, «настоящих исполинов», привычных к тяжелому физическому труду;

- образованность и мечтательность: он погрузился в чтение, «вместо того, чтобы внимательно наблюдать за ходом пилы»;

- честолюбие, грезящее о воинских подвигах и полководческой славе: книга, в которую он углубился, – «Мемориал Святой Елены», надиктованный Наполеоном Лас Казу на острове Святой Елены.

Л. Я. Гинзбург обобщила выявленные в этом широкими мазками набросанном портрете свойства: «Жюльен – отщепенец, интеллектualan, честолюбец, гордый, озлобленный, лицемерный, страстный. Все это мгновенно, без авторских объяснений, складывается в формулу молодого человека, завоевывающего мир» [3, с. 23]. Перечисленные психические функции вступают друг с другом в апофатические комбинации, порождающие алеаторические события.

Стендаль заимствует повествовательные приемы у авантюрно-бытового, испытательного, любовно-психологического, социально-психологического, воспитательного романа и романа становления, привлекая их, по ходу развития фабулы, в целях объективации сменяющих друг друга эмоциональных состояний героя, диссоциированный характер которого не вписывается полностью ни в одну из этих традиций в отдельности.

Как и полагается авантюрному герою, Жюльен многократно меняет социальные роли. Он – сын плотника, ученик аббата Шелана, гувернер в доме мэра Верьера, любовник госпожи де Реналь, семинарист, личный секретарь маркиза де Ла Моль, выполняющий его тайные дипломатические поручения, гусарский офицер, любовник и жених Матильды, преступник, обвиненный в покушении на убийство мадам де Реналь, тюремный узник, ждущий судебного решения своей участи...

Традиционный для авантюрного повествования прием «нанизывания» осложняется «ступенчатым построением», востребованным непрерывно возрастающим уровнем ответственности. Решение Жюльена покорить госпожу де Реналь превращает его в героя любовно-психологического романа рококо. Но поскольку юный честолюбец не обладает опытом виконта де Вальмона, любовника-соблазнителя романа Ш. де Лакло «Опасные связи», на помощь ему, вернее, читателю, приходит автор. Его всеведение проявляется в ответ на необходимость экспликации не осознаваемой героем сути происходящего: «Но даже в самые сладостные мгновения этот человек, *жертва своей нелепой гордыни*, пытался разыгрывать покорителя женских сердец и прилагал невероятные старания испортить все, что в нем было привлекательного».

Посредническая миссия автора призвана иронично прояснить и логику порождаемых героями событий. Несогласованность мотива и поступка приводит к ошибочному истолкованию ими собственных побуждений. Для Жюльена завоевание мадам де Реналь – интрига, завязанная им для того, чтобы отомстить мэру Верьера за его высокомерие. Но для мадам де Реналь любовь – величайшее событие ее жизни, которого смиренно ждало ее нежное и трепетное сердце: «Если бы только она заметила его старание выдержать роль, это печальное открытие навсегда отравило бы ей все счастье. Она сказала бы себе, что это не что иное, как плачевное следствие огромной разницы лет».

Захваченный вихрем переживаний, молодой честолюбец не способен вникнуть в душевное состояние своей возлюбленной: «Жюльен уже ушел, а она долго еще трепетала в страстном волнении и замирала от ужаса, терзаемая муками раскаяния».

По мере обретения героем душевной зрелости его социальные амбиции обесцениваются под воздействием «естественного чувства», опозитизированного сентиментализмом и руссоизмом. Сначала победа над мадам де Реналь не принесла ему ожидаемой радости: «“Боже мой! и это вот и есть счастье любви? и это все?” – вот какова была первая мысль Жюльена, когда он очутился один у себя в комнате». Но выходя из роли соблазнителя и вновь становясь самим собой, он обретает дар непосредственного восприятия: «Порывы искреннего восхищения его возлюбленной, ее восторги часто заставляли его совершенно забывать жалкие рассуждения, которые делали его таким узко расчетливым и таким нелепым в первые дни их связи».

Спровоцированное алеаторическим поступком событие воздействует на апофатические процессы по закону обратной связи. В главе XVIII «Король в Верьере» Жюльену, герою романа карьеры, предстоит отдать предпочтение одному из двух искушений.

В первом эпизоде ему поручена роль гвардейца почетного караула, сформированного для торжественной встречи короля. Жюльен неотразим в голубом мундире с серебряными полковничьими эполетами: «Конь под ним то и дело порывался встать на дыбы. Он был на верху блаженства».

Но в тот же день он облачается в сутану, чтобы прислуживать молодому епископу Агдскому, удостоившемуся чести «показать королю святую реликвию» (мощи святого Климента): «Жюльен был в неописуемом восторге от этого великолепного шествия. Молодость епископа подзадоривала его честолюбие, а приветливость этого прелата, его пленительная учтивость совершенно обворовали его. <...> Перед самой дверцей стояли коленопреклоненные двадцать четыре молоденькие девушки из самых знатных семей Верьера. Прежде чем отворить дверцу, сам епископ преклонил колена посреди этих девиц, которые все были очень недурны собой. Пока он громко возносил молитву, они не сводили с него глаз и, казалось, не могли досыта наглядеться на его удивительные кружева, на его величавую осанку и на его такое молодое, такое ласковое лицо. Это зрелище лишило нашего героя остатков разума. В этот миг он, пожалуй, ринулся бы в бой за инквизицию, и ото всей души». Под воздействием этого впечатления Жюльен поступает в семинарию, рассчитывая стать священником.

В роли героя романа карьеры Жюльен пытается отвечать требованиям, предъявляемым ему как секретарю маркиза де Ла Моль. Однако его природная одаренность, импульсивность и переменчивость не укладываются в прокрустово ложе исполняемых им поручений. Он явно больше своей должности. Усилия маркиза типологически определить своего секретаря оказываются безрезультатными: «Нет, у него нет ловкости и хитрости какого-нибудь проныры, который не упустит удобной минуты, ни благоприятного случая... <...> У него нет преклонения перед знатностью, по правде сказать, нет никакого врожденного уважения к нам. В этом его недостаток. Но семинаристская душонка может чувствовать себя неудовлетворенной только от отсутствия денег и жизненных благ. У него совсем другое: он ни за что в мире не позволит, чтобы его презирали» и т. п. Положительный

образ Жюльена вычленяется методом вынесения за скобки «низких» черт характера людей простого звания.

Высокомерную Матильду пленило горделивое честолюбие Жюльена, вдохновленное мифологизированным образом Наполеона. Восторжествовав над «гордячкой», Жюльен одержал победу плебея над аристократкой.

Авантюрный механизм социальных взлетов и падений меняет свою функцию, подчиняясь не внешним причинам, а диалектике внутренних процессов: на пороге блистательного завершения карьеры, владелец громадного состояния, невенчанный муж Матильды де Ла Моль, Жюльен неожиданно стреляет в мадам де Реналь и оказывается за решеткой. Убийством он думал устранить препятствие к браку с Матильдой. Однако в тюрьме осознал, что покушался на лучшее в себе – на свою непосредственность.

Личностный рост, которым Жюльен реагирует на претерпеваемые им испытания, преобразует его в героя романа становления. Романтический идеал полноты бытия отвергается в развязке как осуждаемое естественным чувством честолюбие: «Ах, я любил госпожу де Реналь, но я поступал чудовищно. И здесь, как во всем прочем, я пренебрег качествами простыми и скромными ради какого-то блеска...».

Смерть Жюльена на эшафоте сродни самоубийству: ведь он отказался от побега, успех которого гарантировала ему Матильда. Уход Жюльена из жизни, над которой он так страстно хотел восторжествовать, – отказ от наполеонизма во имя самообретения. Его окрепшая самость разрешает препятствующий становлению конфликт между завышенными идеалами и заниженной самооценкой. Гибель Жюльена – апофатический подвиг, увековечивающий отвоеванную им у честолюбия целостность своей личности.

Базаров и Одинцова в романе И. С. Тургенева «Отцы и дети»

В экспозиции романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» (1862) Евгений Базаров выступает в образе экстравертного героя орестовского типа. Его непоколебимый материализм и последовательный позитивизм позволяют ему одержать убедительную победу в принципиальном мировоззренческом споре с Павлом Петровичем Кирсановым. Нигилизм делает идеологическую позицию Базарова неуязвимой для религиозной морали, эстетической педагогики Шиллера и категорического императива И. Канта.

«Мы действуем в силу того, что мы признаем полезным, – промолвил Базаров. – В теперешнее время полезнее всего отрицание – и мы отрицаем.

– Все?

– Все.

– Как? Не только искусство, поэзию... но и... страшно вымолвить...

– Все, – с невыразимым спокойствием повторил Базаров.

Павел Петрович уставился на него. Он этого не ожидал...».

Естествоиспытатель характеризует себя как убежденный утилитарист, когда в разговоре с Аркадием упрекает Павла Петровича в слабости: «...Человек, который всю свою жизнь поставил на карту женской любви и когда ему эту карту убили, раскис и опустился до того, что ни на что не стал способен, этакой человек – не мужчина, не самец. <...> И что за таинственные отношения между мужчиной и женщиной? Мы, физиологи, знаем, какие это отношения. Ты проштудируй-ка анатомию глаза: откуда тут взяться, как ты говоришь, загадочному взгляду? Это всё романтизм, чепуха, гниль, художество. Пойдем лучше смотреть жука».

Однако алеаторические обстоятельства преподали Базарову жестокий урок. Неожиданно для себя он воспроизвел «романтический» опыт Павла Петровича. У непримиримых противников, идеологические расхождения и взаимная ненависть которых довели их до дуэли, обнаружилась общая судьба.

Первая реакция Базарова на появление Анны Сергеевны Одинцовой на балу поначалу подтверждает его циничную установку «мужчины-самца»: «Посмотрим, к какому разряду млекопитающих принадлежит эта особа».

Однако мало-помалу образ Одинцовой начинает производить в сознании Базарова мощные апофатические трансформации, которые радикально меняют его душевный настрой. Уже первая встреча выбивает материалиста из привычной колеи. Осознавая, что его растерянность контрастирует с его показной самонадеянностью, он впадает в раздражение: «Базаров сам почувствовал, что сконфузился, и ему стало досадно. “Вот тебе раз! Бабы испугался!”, – подумал он и, развалиясь в кресле не хуже Ситникова, заговорил преувеличенно развязно, а Одинцова не спускала с него своих ясных глаз».

«Ясными глазами» Одинцовой смотрит на Базарова спокойная и уверенная в себе «вечная женственность», знающая о мистической

власти своего пола над мужчиной, пытающегося защититься от нее отвлеченными умозрениями: «ломание Базарова» поначалу «неприятно подействовало на нее», но, когда она поняла, что сразу покорила его, «это ей даже польстило».

И автор берет на себя труд психолога, к роли которого эмпирик Базаров оказался совершенно не подготовлен: «Настоящей причиной всей этой “новизны” (эмоционального состояния и парадоксального поведения Базарова. – А. Б.) было чувство, внушенное Базарову Одиновой – чувство, которое его мучило и бесило, и от которого он тотчас отказался бы с презрительным хохотом и цинической бранью, если бы кто-нибудь, хотя отдаленно намекнул ему на возможность того, что в нем происходило».

Если бы Базаров не стал яростно сопротивляться завладевшему им чувству, а позволил ему выразиться в признаваемой светской культурой форме, другая, открытая навстречу любви сторона его души восполнила бы позитивистскую односторонность его жизненной ориентации, способствовала бы гармонизации, а, следовательно, – очеловечению его души. Однако убежденность материалиста превозмогла отрицаемую им чувствительность, чтобы тем вернее погубить в будущем.

Накануне отъезда Базарова из Никольского Анне Сергеевне захотелось поговорить с необычным гостем «по душам». Вероятно, она вверилась смутной надежде, что этот, несомненно, одаренный, умный и образованный человек разъяснит ей ее положение молодой двадцативосьмилетней женщины, отмеченной печальным недугом «нежелания жить». Тогда она в какой-нибудь вежливой форме отозвалась бы на его взволнованный и требовательный, с трудом сдерживаемый призыв. Но, не обладая опытом интроспекции, сведя душевную жизнь к физиологическим проявлениям, Евгений не смог прийти на помощь ни Анне Сергеевне, ни самому себе. Он оказался не на высоте положения, не выдержал ответственного испытания минуты, во время которой решалось будущее его любви и самой жизни, проиграл принципиальный для себя разговор, сделав невозможным не только развитие, но и продолжение отношений с заворожившей его женщиной.

В тот решающий для него вечер Анна Сергеевна под воздействием инстинктивного женского тщеславия спровоцировала Базарова на признание, чтобы тотчас испугаться и своего неосознанного кокетства, и его необузданной страстности:

«– И вы не рассердитесь?»

– Нет.

– Нет? – Базаров стоял к ней спиной. – Так знайте же, что я люблю вас, глупо, безумно... Вот чего вы добились».

Оставшись одна, Одинцова стала разбираться в своем состоянии и анализировать положение, в которое себя поставила: «Нет, – решила она, наконец, – бог знает, куда бы это повело...». На этапе принятия ею этого решения роль разъясняющего аналитика вновь берет на себя автор: «Под влиянием различных смутных чувств, сознания уходящей жизни, желания новизны она заставила себя дойти до известной черты, заставила себя заглянуть за нее – и увидела за ней даже не бездну, а пустоту... или безобразия».

На следующий день, за обедом, она «раза два – прямо, не украдкой – посмотрела на его лицо, строгое и желчное, с опущенными глазами, с отпечатком презрительной решимости в каждой черте, и подумала: “Нет... нет... нет”». И минутой позже: «“Я боюсь этого человека” – мелькнуло у ней в голове».

Неожиданно столкнувшись с серьезным испытанием своего воинствующего позитивизма, Базаров пережил глубокую апофатическую трансформацию, превратившую его из самоуверенного материалиста в рефлектирующего интроверта, вступившего на путь долгой, трудоемкой интроспекции. Однако его инстинктивная самоуверенность сочла ниже своего достоинства разбираться в причине безответной страсти к покорившей его женщине. Попав под ее неотразимое обаяние, он почувствовал себя жертвой своего беспомощного нигилизма и с этого момента перестал быть интересным и Одинцовой, и Аркадию, и самому себе. Его заражение от тифозного больного больше похоже на самоубийство, чем на случайность.

Апофатический опыт героя и трагический для него поворот событий породили серьезные разночтения в литературной критике.

В журнале «Домашняя беседа» (1862) критик В. Аскоченский похвалил Тургенева за мастерское развенчание поколения нигилистов.

М. Н. Катков, издатель журнала «Русский вестник», воспринял роман как пародию на революционно-демократическое движение. В то же время, полагая, что Тургенев недостаточно критичен к Базарову, позволил себе внести редакторскую правку, еще больше «снизившую» образ главного героя.

Леворадикальная критика заняла противоположную позицию. М. А. Антонович поместил в журнале «Современник» статью под названием «Асмодей нашего времени» (1862), в которой осудил Тургенева за клевету на молодое поколение. Антонович назвал роман «карикатурой самой злостной» на революционную демократию, которой, по его мнению, совершенно чужд базаровский нигилизм. Антоновича не удовлетворил и слишком противоречивый характер Базарова, его непоследовательный материализм, выразившийся в отношениях с Одинцовой, наконец, сама его случайная смерть, ставящая под сомнение будущность революционно-демократического направления.

Д. И. Писарев в статье «Базаров», опубликованной в журнале «Русское слово» (1862), сравнивает молодых шестидесятников с Базаровым и довольно резко заявляет, что Тургенев, будучи представителем старшего поколения, не смог разобраться в мировоззрении новых людей и потому исказил их облик. По мнению критика, предложенная писателем интерпретация вступила в противоречие с действительностью: «Тургеневу пришло в голову (!) выбрать представителем базаровского типа человека неотесанного; он так и сделал и, конечно, рисуя своего героя, не утаил и не закрасил его угловатостей» [5, с. 13].

Два года спустя, в статье «Реалисты» (1864), опубликованной в «Русском слове» под заголовком «Нерешенный вопрос», Писарев еще более решительно дистанцируется от тургеневского понимания идеологического смысла происходящих в России исторических перемен: «Мнения и суждения Тургенева не изменят ни на волос нашего взгляда на молодое поколение и на идеи нашего времени; мы их даже не примем в соображение, мы с ними даже не будем спорить. Эти мнения, суждения и чувства, выраженные в неподражаемо живых образах, дадут только материалы для характеристики прошлого поколения, в лице одного из лучших его представителей» [6, с. 150]. С точки зрения Писарева, «мнения» автора безнадежно далеки от истинного понимания проблемы отцов и детей в условиях пореформенной России.

В 1884 г., спустя много лет после отшумевших споров вокруг романа, Н. Г. Чернышевский обратился к образу Базарова с позиций биографической критики. В воспоминаниях, датированных 1884 г., он охарактеризовал роман как «открытое заявление ненависти Тургенева к Добролюбову». Иными словами, высказал предположение, что прототипом Базарову послужил Н. А. Добролюбов.

Современники, критики и историки литературы не приняли во внимание провокационной динамики апофатических процессов,

проблематизирующих и опровергающих сознательную установку героя. Если бы Базаров устоял перед обаянием Одинцовой, он предстал бы в глазах «реалистов» более достойным представителем их поколения. А если бы смог достойно откликнуться на охватившее его чувство, показался бы более привлекательным членам литературного клуба либералов.

В «Зимних заметках о летних впечатлениях» более проницательный психолог Ф. М. Достоевский остроумно отвел от Тургенева критику и либералов, и разночинцев, обвинявших писателя в искажении реального образа нового человека: «Ну и досталось же ему за Базарова, беспокойного и тоскующего Базарова (признак великого сердца) несмотря на весь его нигилизм» [4, с. 404].

Апофатические герои Ф. М. Достоевского

Романы Ф. М. Достоевского воссоздают детективные по своей социально-психологической напряженности интриги претворения апофатических решений героев в алеаторические поступки, объективный смысл которых корректирует дальнейшее развитие апофатических процессов.

Уже в первом романе «Бедные люди» проявился интерес писателя к гротескным сменам психологических реакций. Макар Алексеевич Девушкин, немолодой титулярный советник, – едва ли не последний из «маленьких» людей и знает это. Но вот Варенька дала ему прочитать повесть Гоголя «Шинель» и вместо того чтобы узнать себя в собрате по несчастью и умилиться судьбой несчастного Акакия Акакиевича, от природы скромный и деликатный Макар Алексеевич неожиданно впадает в гневную риторику. В нем возвысило голос достоинство «человека в человеке»: «Что тут у него (Гоголя) особенного, что у него тут хорошего? Так, пустой какой-то пример из вседневного, подлого быта. Да и как вы-то решились мне такую книжку прислать, родная моя. Да ведь это злонамеренная книжка, Варенька; это просто неправдоподобно, потому что и случиться не может, чтобы был такой чиновник».

По мнению В. Г. Белинского, которое он высказал Достоевскому при первой встрече в июне 1845 г., Макар Алексеевич – безнадёжная жертва сломивших его жизненных обстоятельств.

Согласно М. М. Бахтину, выразившему противоположный взгляд на характер Девушкина, Макар Алексеевич отверг абсолютную

завершенность образа Башмачкина, который предстал не апофатическим, способным к внезапным прозрениям и неожиданным поступкам героем, а литературным типом: «Девушкин, – отмечает Бахтин, – увидел себя в образе героя «Шинели», так сказать, сплошь исчисленным, измеренным и до конца определенным» [1, с. 67]. Девушкина возмутило то, что Гоголь изобразил Башмачкина не человеком, а «за-тертой ветошкой».

Суждения Белинского и Бахтина расходятся в оценке героя. Но противоречия между ними нет. Каждый из аналитиков акцентирует внимание на одной из двух противоборствующих интенций в характере Девушкина: выявленная Белинским социальная униженность Макара Алексеевича апофатически пробуждает в нем отмеченное Бахтиным чувство собственного достоинства. В отличие от Башмачкина, который лишь в посмертии, в образе фольклорного демона, вступил в мстительную борьбу за свои социальные права, Девушкин еще при жизни продемонстрировал способность к возмущению, возносящему его над его скорбным уделом.

Апофатические процессы демократичны по своей природе, поскольку уравнивают в необходимом труде самообретения дворян и плебеев, богатых и бедных, «больших» и «маленьких» людей. Свидригайлов, Раскольников, князь Мышкин, Рогожин, Ставрогин, Версилов, Аркадий Долгорукий, Полина, Настасья Филипповна, Иван и Алеша Карамазовы, Смердяков и многие другие изображаются Достоевским в кризисные моменты принятия ими «последних» ответственных решений.

Трагизм жизни, интенсифицирующий развитие апофатических процессов, обусловлен, по мнению Достоевского, бесчеловечностью «петербургского периода русской истории». Петербург – «самый отвлеченный и умышленный город на всем земном шаре», – утверждает составитель «Записок из подполья». Он возникал и развивался не концентрическими окружностями, как Москва вокруг Кремля, или как европейские города вокруг средневековых феодальных замков, но явил собой плод замысла державной воли Петра Великого. Петербург застраивался по заранее намеченному плану, образуя геометрическую систему улиц и проспектов, сходящихся под прямым углом на площадях, открытых всем четырем сторонам света. В градостроительной преднамеренности Петра I и следует искать, по убеждению Достоевского, генезис всего преднамеренного в жизни казенного

Петербурга, его непроизводительной министерской суеты, обслуживающей не реальные человеческие нужды, а опосредующую их государственную машину гигантской империи.

Раннего Достоевского страстно интересует психология вступающих в идеологическую полемику со сложившимся порядком вещей новых «лишних людей» – стыдящихся самих себя и обреченных на самоуничтожение жертв петровского периода русской истории: «Бедность – не порок, это истина. – Но нищета, милостивый государь, нищета – порок-с», – исповедуется Мармеладов перед Раскольниковым в романе «Преступление и наказание».

Осознание собственной никчемности запускает в их душах интенсивные апофатические процессы, результаты которых, однако, не могут вылиться в алеаторические поступки, способные переломить неблагоприятный ход событий. Условия «умышленной и отвлеченной» петербургской жизни прерывают когнитивную взаимообусловленность апофатики и алеаторики. Апофатика изгоняется из общественной жизни, превращается в интимную домашнюю заботу рефлектирующего маргинала, который в предельном напряжении умственных сил перестает самого себя и начинает представлять от лица всего страдающего человечества. А. Шопенгауэр различал внешнюю и внутреннюю значительность человека: «Внешняя значительность – это важность действия по отношению к результатам его для реального мира и в мире: т. е. мерилом здесь служит закон основания. Внутренняя значительность – это глубина прозрения в идею человечества» [15, с. 424–425].

В повести «Двойник» (1846) молодой Достоевский описывает апофатическую диссоциацию сознания титулярного советника Якова Петровича Голядкина. Углубляющийся конфликт между самоуничтожением и компенсаторным самовозвеличиванием мешает герою выработать оптимальный способ отношения к себе и другим. Предвидя обреченность своих попыток социального самоутверждения, он впадает в юродство: «Человек я маленький, сами вы знаете, – тшится объяснить он врачу Крестьяну Ивановичу запутанность своего положения. – Но, к счастью моему, не жалею о том, что я маленький человек. Даже напротив, Крестьян Иванович; и, чтоб все сказать, я даже горжусь тем, что не большой человек, а маленький». Юродство – способ психологической защиты Голядкина и от ужаса перед непостижимой враждебностью мира, и от собственной деструктивной реакции на эту враждебность.

Претерпеваемый героем апофатический конфликт обостряется по причине алеаторического события: в департаменте, где он служит, появляется его двойник, носящий такое же имя, отчество и фамилию. Двойник выступает проекцией анимистического воображения героя как компенсация социальной фрустрации Голядкина-старшего. Достоевский показывает, что произошло бы, если бы титулярному советнику удался психологический эксперимент действительного самоутверждения по службе: он уничтожил бы в себе живущего интенсивной внутренней жизнью маленького человека, и другая социально адаптированная часть его психики позволила бы ему наконец-то превратиться в «нормального» петербургского чиновника. Так оно и случилось в романной действительности: более приспособленный к чиновничьим нравам младший Голядкин компрометирует старшего, выживает его и доводит до безумия. Опозоренного Голядкина увозят в сумасшедший дом, а его успешный двойник хитро и уверенно продолжает строить свою бессмысленную карьеру. Безумие Голядкина-старшего – симптом неспособности его разорванного сознания разобраться в структуре неантизирующих (уничтожающих) его событий, инициируемых им самим в образе Голядкина-младшего.

В повести «Записки из подполья» (1864) отразились глубокие изменения в мировоззрении Достоевского. За время, отделившее «Записки» от «Двойника», на долю писателя выпали нечеловеческие испытания: арест по «делу Петрашевского», смертный приговор, имитация казни на Семеновском плацу, четырехлетнее заключение в Омском остроге (1850–1854), годы военной службы.

В «Записках» созданный Пушкиным и Гоголем образ вызывающего сострадание маленького человека апофатически трансформируется в циничного мизантропа: «Да я за то, чтоб меня не беспокоили, весь свет сейчас за копейку продам. Свету ли провалиться или мне чаю не пить? Я скажу, что свету провалиться, а чтоб мне чай всегда пить». Мизантропическая тирада подпольного человека истолковывается Л. Шестовым как свидетельство безнадежного кризиса либерального гуманизма: «Это – раздирающий душу вопль ужаса, вырвавшийся у человека, внезапно убедившегося, что он всю свою жизнь лгал, притворялся, когда уверял себя и других, что высшая цель существования это – служение последнему человеку» [14, с. 47].

Острая наблюдательность и привычка к интроспекции позволяют человеку из подполья понять, что неприязнь к нему людей является

следствием его страха выглядеть смешным. Его усилия, направленные на самоутверждение, парализуются низкой самооценкой, которую он пытается камуфлировать внешним фрондерством. Ему мерещится устремленный на него презрительный взгляд, и он постоянно прерывает себя, обрывает фразу на полуслове; не завершив начатой мысли, спешит парировать виртуальные возражения. Болезненная оглядка на «другого» свидетельствует, что герою не дается уверенная позиция по отношению к себе и читателям «записок». Он пытается игнорировать мнение других, но оно исподтишка довлеет над ним своей безапелляционностью: «Уж не кажется ли вам, господа, что я теперь в чем-то перед вами раскаиваюсь, что я в чем-то у вас прощения прошу?.. Я уверен, что вам это кажется... А впрочем, уверяю вас, что мне все равно, если и кажется...».

М. М. Бахтин так интерпретирует эти логические и синтаксические сбои: «Он боится, как бы другой не подумал, что он боится его мнения. Но этой боязнью он как раз и показывает свою зависимость от чужого сознания, свою неспособность успокоиться на собственном самоопределении» [1, с. 267].

Подпольный человек корчится в муках разлада с собой. Он и страдает от одиночества, и тянется к людям, и страшится их презрения, сиюминутно парировать его своей дерзостью. Г. М. Фридендер видит в психотической агрессивности героя Достоевского эмоциональную компенсацию его социального поражения: «Едкое, жгучее чувство унижения, непрочности своего положения может породить в его душе не только забитость, робость и страх, но и склонность к шутовству, властолюбивые мечты, мстительный порыв злобы. И тогда, казалось бы, внешне мирный, незлобивый “маленький” человек способен превратиться в тирана и деспота» [11, с. 10].

В романе «Преступление и наказание» (1866) претерпеваемый Родионом Раскольниковым тяжелый апофатический кризис изображается как следствие борьбы идеального романтического «я» героя с реальными условиями его безысходного существования. Компulsive «я» интровертного, склонного к рефлексии студента побуждает его совершить парадоксальный с точки зрения бытовой логики поступок: убить с целью грабежа старуху процентщицу и, поставив себя «по ту сторону добра и зла», на правах имморального гуманиста облагодетельствовать страждущее человечество.

В своей работе «Невроз и личностный рост: Борьба за самореализацию» (1950) Карен Хорни обратила внимание на психотерапевтическую функцию приснившегося Раскольникову сна, в котором пьяный мужик беспощадно хлещет кнутом загнанную лошаденку, заставляя ее вытягивать непосильный груз. К. Хорни полагает, что сон, в котором лошаденка символизировала «реальное “я”» Раскольникова, указывал сновидцу на опасность овладевшей им obsessions. Неумолимое абстрактное «Надо», навязывающее Раскольникову противоправное деяние, угрожало окончательным разрушением социально адаптированной части его психики [13, с. 112–113].

Со своей стороны, непредвиденный Раскольниковым алеаторический итог убийства умалил его романтический наполеонизм до размеров оскорбительного для разума и нравственного чувства уголовно наказуемого преступления. Однако трагический смысл совершенного поступка парадоксально пробудил в его душе любовь-сострадание к кроткой Лизавете, беззаветно верящей в него матери, самоотверженной сестре Дуне, многострадальной Соне, создав условия для последующего агиографического кризиса и перерождения.

В романе «Идиот» (1868–1869) апофатическая Настасья Филипповна, истерзанная приступами самокритики и провоцируемыми ими вспышками гордыни, мечется между двумя мужчинами: безумно влюбленным в нее купцом Рогожиным и глубоко прочувствовавшим причину ее страданий всепонимающим князем Мышкиным. Но боится и того, и другого. Мышкина – как человека, которого может оскорбить своей злосчастной связью с Тоцким и погубить своей вспылчивой неуравновешенностью. Рогожина – как одержимого маниакальной любовной страстью к ней и способного на любое преступление.

Она забрасывает письмами Аглаю Епанчину, настойчиво призывая ее выйти замуж за князя. Однако при личной встрече решительно отбивает у нее князя: «“А хочешь – вызывающе кричит она Аглае, – я сейчас... при-ка-жу, слышишь ли? только ему при-ка-жу, и он тотчас же бросит тебя и останется при мне навсегда, и женится на мне, а ты побежишь домой одна? Хочешь, хочешь?” – крикнула она как безумная, может быть почти сама не веря в то, что могла выговорить такие слова».

И «приказывает», и сердобольный князь остается с ней, и утешает ее, гладит по головке, как дитя. Но в день и час свадьбы, в подвенечном

платье, «бледная как мертвец», в порыве очередного умопомрачения вновь бросается к Рогожину с отчаянным призывом: «Спаси меня! Увези меня! Куда хочешь, сейчас!».

От кого? От князя, от погубившей ее жизни, от самой себя? Рогожин, доведенный до нервного припадка чередой непредсказуемых поступков не властной над собой, но страстно любимой им женщины, в исступлении отчаяния, как она и предчувствовала, зарезал ее ночью ножом.

Апофатический характер умирающего от туберкулеза Ипполита Терентьева – генератор буйных конфликтов, которые бросают его из крайности умиленной филантропии в противоположную крайность воинствующей мизантропии. То, чувствуя себя на пороге смерти, Ипполит проникается вселенской любовью к разномастной толпе гостей, собравшейся на веранде загородного дома Лебедева в Павловске. То увлекаемый отмашкой психологического маятника, начинает ненавидеть себя за позорное прекраснодушие и торопится наговорить всем в лицо как можно больше дерзостей: «Сам по себе этот восемнадцатилетний, истощенный болезнью мальчик, – комментирует рассказчик, – казался слаб, как сорванный с дерева дрожащий листик; но только что он успел обвести взглядом своих слушателей, – в первый раз в продолжение всего последнего часа, – то тотчас же самое высокомерное, самое презрительное и обидное отвращение выразилось в его взгляде и улыбке. Он спешил своим вызовом».

В романе «Бесы» (1872) апофатическим героем, возвысившимся в демонической гордыне над пошлым и суетным миром, выступает обворожительный и непостижимый Николай Ставрогин. Истребив острою своего демонического рассудка все предрассудки, он освободился и от «зла», обесценив своим пониманием его притягательность. Он совершает «бескорыстные» поступки, призванные опровергнуть любую социально-психологическую мотивацию своих решений. Некогда, в порыве минутного азарта, он тайно женился на слабоумной Марье Тимофеевне Лебядкиной, чтобы обесценить священный для обывателей институт брака.

Желая, по-видимому, возвратиться в мир людей, узаконив отношения со страстно любящей и столь же страстно ненавидящей его Лизаветой Николаевной Тушиной, он поручает скрывающемуся от полиции Федьке Каторжному устроить пожар в доме своей жены, чтобы и освободиться от формальных брачных уз, и отвести от себя

подозрение в убийстве. Но в утреннем разговоре с Лизаветой Николаевной холодно признается ей, что чужд естественным стремлениям, направляющим помыслы и поступки обыкновенных людей.

Не скрывая своего презрения к демагогу и политическому авантюристу Петру Верховенскому, позволяет последнему определить для себя почетное место лидера мирового анархизма.

Вслушивается в ночную исповедь Кирилова о метафизическом самоубийстве как о радикальном способе отвоевания у мира абсолютной свободы путем освобождения от инстинкта самосохранения.

Намеревается навсегда исчезнуть за границей, чтобы, в конце концов, зловеще подтвердить свою апофатическую непредсказуемость – хладнокровно повеситься за дверью светелки загородного дома в Скворешниках: «Гражданин кантона Ури висел тут же за дверцей. На столике лежал клочок бумаги со словами карандашом: “Никого не винить, я сам”», – с холодающей душу иронией приводит рассказчик факт преднамеренного самоубийства демонического красавца Николая Ставрогина.

Апофатический конфликт между «идеалом Мадонны» и «идеалом содомским», в который вовлечены герои романа «Братья Карамазовы» (1879–1880), исследуется писателем как общечеловеческая, всемирно-историческая проблема. Братья напряженно размышляют и отчаянно спорят о путях разрешения вселенского противоборства добра и зла, свободы и необходимости, веры и безверия.

Этот последний роман Достоевского также строится на детективной основе. В нем прослеживается причинно-следственная связь между апофатическими намерениями и порождаемыми ими парадоксальными поступками.

Все герои пытаются разрешить противоречие между гнетом родовой предопределенности и жадой духовной свободы. В главе «Исповедь горячего сердца» Митя раскрывает перед Алешей свою душу, истерзанную конфликтом между эстетикой и этикой – красотой и моралью: завораживающая красота обесценивает моральные императивы, а поверженная мораль превозносит красоту как разрушительницу нравственных устоев: «Красота – это страшная и ужасная вещь! Страшная, потому что неопределимая, а определить нельзя потому, что Бог задал одни загадки. Тут берега сходятся, тут все противоречия вместе живут». И далее: «Перенести я притом не могу, что иной, высший даже сердцем человек и с умом высоким, начинает

с идеала Мадонны, а кончает идеалом содомским. Еще страшнее, кто уже с идеалом содомским в душе не отрицает и идеала Мадонны, и горит от него сердце его и воистину, воистину горит, как и в юные беспорочные годы. <...> Что уму представляется позором, то сердцу сплошь красотой».

В главе «Великий инквизитор» Иван излагает молчаливо внимающему Алеше свое атеистическое кредо, облекая его в аллегорическую «поэму» о втором Пришествии Христа в XVI в.

Великий инквизитор внушает сошедшему на Землю Христу, что духовно измельчавшие люди давно уже не ждут Его как Спасителя, что его учение о свободе обесценилось повседневными бытовыми потребностями. Оно даже мешает католической церкви возводить новую Вавилонскую башню всеобщего благоденствия. Ведь со времени первого Пришествия забота о «земном счастье» отвлекла христиан от поисков Бога в себе: «Спокойствие и даже смерть человеку дороже свободного выбора», – резюмирует инквизитор.

Однако апофатический итог душевного труда Ивана сказался в том, что, аргументируя как рационалист, он лишился рассудка как бессознательно верующий христианин. Безумие, расширившее границы его «евклидова сознания», повергло в прах поверхностный филистерский атеизм Великого инквизитора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. – 3-е изд. – М. : Советская Россия, 1979. – 320 с.
2. *Вольперт Л. И.* Пушкинская Франция. – Тарту : Тартуский университет, 2010. – 570 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/volpert/Volpert_Pushkin_2010.pdf.
3. *Гинзбург Л. Я.* О литературном герое. – Л. : Советский писатель, 1979. – 322 с.
4. *Достоевский Ф. М.* Зимние заметки о летних впечатлениях // Собр. соч.: в 15 т. – Т. 4. – Л. : Наука. Ленинград. отд., 1989. – С. 388–451.
5. *Писарев Д. И.* Базаров // Собр. соч.: в 4 т. – Т. 2. – М. : ГИХЛ, 1955. – С. 7–50.
6. *Писарев Д. И.* Реалисты // Собр. соч.: в 4 т. – Т. 3. – М. : ГИХЛ, 1955. – С. 7–138.
7. *Реизов Б. Г.* Стендаль: философия истории. Политика. Эстетика. – Л. : Наука, 1974. – 372 с.
8. *Стендаль.* Виттория Аккорамбони, герцогиня ди Браччано // Собр. соч.: в 15 т. – М. : Правда, 1959. – Т. 5. – С. 32–58.

9. *Стендаль*. Расин и Шекспир // Собр. соч.: в 15 т. – М.: Правда, 1959. – Т. 7. – С. 5–33.
10. *Флоровский Г.* Восточные отцы V–VIII веков // Восточные отцы церкви. – М.: АСТ, 2005. – С. 440–441. (IV. Corpus Areopagiticum.) – 640 с.
11. *Фридлиндер Г. М. Ф. М.* Достоевский и его наследие // Собр. соч.: в 15 т. – Т. 1. – Л.: Наука. Ленинград. отд., 1988. – С. 5–30.
12. *Хлопов Ю. Н.* Алеаторика // Музыкальный энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 24.
13. *Хорни К.* Невроз и личностный рост: Борьба за самореализацию. – СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 1997. – 316 с.
14. *Шестов Л.* Достоевский и Нитше (философия трагедии) // Л. Шестов. Сочинения. – М.: Раритет, 1995. – С. 15–175.
15. *Шопенгауэр А.* Мир как воля и представление. – Минск: Литература, 1998. – С. 49–888.

УДК 80/81+001+1(470) (091)

Е. Ю. Перова

кандидат культурологии, доцент кафедры мировой культуры ИМО и СПН, МГЛУ; e-mail: eperova71@list.ru

ЗНАЧЕНИЕ ЯЗЫКА ДЛЯ ВОЗРОЖДЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ

Статья посвящена выявлению и анализу различных аспектов исследований в области языка, а также междисциплинарного научного поля в переломные эпохи отечественной культуры. Спустя столетие столь же актуальны обозначенные в статье проблемы, определяющие пути духовного возрождения.

Ключевые слова: язык; картина мира; религиозное мировосприятие; русская культура; XX век.

Perova E. U.

Associate Professor, Candidate of Culture Studies, Culture Studies Department, MSLU; e-mail: eperova71@list.ru

LANGUAGE FOR THE REVIVAL OF NATIONAL CONSCIOUSNESS

The article is devoted to the identification and analysis of various aspects of research in the field of language in the crucial age of the national culture of the XX century. A century later, equally relevant issues that determine the spiritual rebirth today.

Key words: linguistics; religious perception of the world; Russian culture; the XX century.

Можно заметить, что в переломные исторические периоды, которые, как правило, сопровождаются насильственным прерыванием предшествующей культурной традиции, начинает расти интерес к родной истории и языку. Так, например, в тяжелейшие для отечественной истории 1920-е гг. отечественное краеведение переживает «золотое десятилетие». Одновременно усиливается внимание к историческим корням русского языка. Самому словесному выражению в научных текстах присваивается важное значение.

Нередко бывает, что человек парадоксальным образом приходит к духовным открытиям из глубины «конструктивно-деструктивного хаоса» [3, с. 35]. Подобные примеры находим не только в художественной литературе, но и в восприятии мира народом, отдельным человеком. Кризисное состояние «внутреннего» человека служит проводником к духовному озарению.

Подобная историческая дискурсивность становится условием становления и опознания в той или иной мере «онтологической простоты и трансцендентальной чистоты» [4, с. 61], прикосновение к которой для секулярного мировосприятия требует опосредованности и находит ее в культурно-исторических наслоениях, что раскрывается в процессе интерпретации «текстов культуры». К последним относится судьба самих авторов этих текстов. Многие из них пострадали за свою подвижническую деятельность, выбирая сохранение памятника, а не собственной жизни. В наше время множатся опубликованные свидетельства этому.

Неслучайно до сих пор в научном пространстве продолжается осмысление событий и явлений, наполнивших XX век. «Уплотнение эсхатологического чувства в эпоху кризисов всегда порождает особый всплеск рефлексии общества о культуре, стремление “вслушаться” в нее, угадать ее “предвозвестия” в прошлом, вернуться к своим истокам», что «рождает в коллективном сознании общества интерес к возврату, анализу прошлого и на его основе новому выбору и целеполаганию, другими словами, к возрождению и движению» [12, с. 132–133]. Этим и определяется безусловная актуальность в наше время тех аспектов научных исследований, затрагиваемых в статье, которые были важны и столетие назад.

Известные деятели культуры – П. А. Флоренский, Н. П. Анциферов, П. Д. Барановский и многие другие, – музейные сотрудники и простые люди столицы и провинции, равнодушные к истории своего рода, города, Отечества, пытались сохранить уничтожаемые памятники, составляли их описания и посвящали научные исследования. Их деятельность и умение бережного обращения с языком нельзя переоценить, она остается примером и в наше время.

Языкознание

в контексте междисциплинарных исследований

В своих лучших проявлениях искусство стремится не только к эстетическому или нравственному воздействию, но и к возведению человека к иной, невидимой, реальности. Это воздействие осуществляется и через лексический строй текста. На формирование художественной литературы оказала большое влияние и впоследствии питала ее церковная словесность, внимание к которой обостряется в кризисные, переломные исторические эпохи.

Значение церковнославянского языка для культуры, в том числе современной, переоценить трудно; его богатство, обусловленное историей создания с опорой на принятие лучших единиц из языков книжной мудрости греческой античности, Византии и др., питает многие современные языки. Как когда-то греческий язык, славянский выполнял функцию единства народов Восточной и Центральной Европы как язык богослужебный прежде всего, но также язык науки и литературы. Созданный для нужд Христианской Церкви, старославянский язык быстро распространился среди славянских народов. «Старославянский язык не был результатом развития одного из живых славянских языков, он стал итогом единого творческого акта» [15, с. 7–8], т. е. с самого начала стал не языком отдельного народа, а сакральным, языком церковной культуры.

Но и о русском языке говорится как о явлении сакральном. О «человеке словесном» (А. С. Шишков указывал на этимологическую связь: слово – словек – цловек – человек – человек¹), о созидательной силе слова, произносимого в контексте вечности: «...язык каждого народа, пусть даже немногочисленного, обязательно содержит в себе информацию о Боге. Точнее, те представления о Творце, которые бытуют именно в этой конкретной общности людей» [9, с. 7, 11]. Церковнославянский язык помогает выявлению сакрального вектора, многие представители отечественной словесности знали и вводили его в свои произведения. Так, например, осмыслить «вечные» темы

¹ Для отечественного образования особое значение имела деятельность А. С. Шишкова (1754–1841). Государственный деятель, создатель русского корнеслова, получивший домашнее образование под влиянием чтения православной литературы (вместе с пониманием церковного языка развивалась любовь к природе, человеку, народной культуре...). Как министр народного просвещения понимал необходимость для блага государственности и народа воплощения консервативно-патриотического направления. Как президент Российской Академии (с 1813 г.) ратовал за то, чтобы Академия Российская (в противовес Академии Наук, где преобладали иностранцы), стала базой для развития отечественных наук и просвещения, центром русской духовности и патриотизма, стараясь собрать национально мыслящих русских ученых и единомышленников. Особое внимание в успешной государственной политике этого времени уделялось русской традиции, пониманию силы народного воспитания, также патриотические чувства в русском обществе укреплялись при помощи русского языка и словесности.

«о грехопадении и покаянии, о поисках или отрицании Бога и бессмертия души нельзя, не опираясь на евангельские, святоотеческие тексты и церковно-славянскую лексику» (Ф.М. Достоевский часто прибегает к этому источнику, причем в некоторых его произведениях текст Евангелия дается на церковно-славянском языке (например, в монологе Мармеладова)) [11, с. 87]. Эта традиция не утрачивается и в советское время (но литературоведческие комментарии появляются позже, в конце XX в.).

Священник Павел Флоренский писал детям: «Кто делает кое-как, тот и говорить научается кое-как, а неряшливое слово, смазанное, не прочеканенное, вовлекает в эту неотчетливость и мысль. Детки мои милые, не позволяйте себе мыслить небрежно. Мысль – Божий дар и требует ухода за собою. Быть отчетливым и отчетным в своей мысли – это залог духовной свободы и радости мысли» [13, с. 221]. Идеология новой власти внедрялась и через пространство языка. Однако и в советский период сохранялась, пусть не всегда явно и осознанно, традиция противопоставления сакрального и мирского, поисков обретения духовного начала. При этом язык остается «важнейшей частью и основой этнического самосознания»; «что касается потери родного языка, то, с точки зрения ряда ученых, это в определенной степени изменяет ... этническую идентичность человека» [5, с. 653]. И может послужить основой не только полной ассимиляции в чужой стране, но и порождает феномен двоемирия внутри одной культуры, когда церковнославянский язык воспринимается как иностранный. Тогда как последний содержит в себе не только этимологическое объяснение многих слов русского языка, но и раскрывает глубину ключевых символов (или архетипов, по определению К. Юнга) культуры. Церковнославянский язык выполняет коммуникативную функцию, прежде всего, сакрального плана. Обращая сознание человека к более высокому, чем обыденный, уровню бытия, моделируя семантическое поле культуры.

М. М. Бахтин говорит о связи языка и мировоззрения: «...без языка мировоззрение не может ни сложиться, ни выразиться», «мировоззрение наслаивается на значения языка только в связи с конкретными высказываниями, как отзвуки их. Отдельные слова становятся представителями этих (мировоззренческих) высказываний» [2, с. 285]. Семантические и символические контексты Библии способствовали формированию русской ментальности. Посредством их использования

происходит оживление уже ослабленной в бытовом употреблении лексической семантики.

В настоящее время в научных текстах междисциплинарного пространства используются следующие понятия: «национальная лингвокультура», «религиозное мышление», «концепт», «лексико-семантическая структура слова», «диахроническое изменение картины мира»; выявляются и оцениваются значимые для национальной культуры изменения в соответствующих фрагментах картины мира.

Исследования в области языкознания и краеведения в первые десятилетия нового режима

В 1920–1930-е гг. Соловецкий лагерь особого назначения парадоксальным образом становится одним из центров науки («самый северный в СССР форпост науки») благодаря деятельности сосланных туда выдающихся ученых.

Одним из самых известных узников СЛОНа уже ближе к концу его трагической истории был отец Павел Флоренский, незадолго до первого ареста подробно описавший памятники ризницы Троице-Сергиевой Лавры. Ученый раскрывает через икону (преимущественно тип памятника ризницы) особенности русской культуры, национальное сознание.

Отец Павел Флоренский рассматривает икону с позиций богослова, философа, искусствоведа и историка. Работы большей частью написаны приблизительно в одно время; в 1918–1919 гг. отец Павел был членом Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой Лавры, разрабатывал идею живого музея (которая перекликается с рассуждениями о необходимом поиске живого опыта религиозного переживания как возможности выхода из сложившегося кризиса). Его статьи («Моленные иконы преподобного Сергия», «Небесные Знамения» и другие) посвящены исследованию символики цвета, догматике церковного изобразительного искусства, проблеме подмены истинного смысла иконы, непонимание иконы толпой, тенденции обмирщения и упрощения смыслов. Из описания художественных приемов изображения лица (лика) выявляется психологизм и черты духовного плана: «высокая постановка» бровей над глазами «показывает на какую-то спокойную деятельность мысли, на какое-то умиленное удивление созерцаемому ... этот признак мысли подтверждается несколькими напряженными лобными мышцами» [18, с. 262].

Эти труды в наше время становятся предметом научных исследований, а через них и возможностью постепенного возвращения к мировосприятию ушедших поколений, в том числе, обращения со словом. Поскольку «атеистическая эпоха закрыла адекватное восприятие» культурных текстов прошлого, в 1920–1930-е гг. исследователи дореволюционной выучки подвергались репрессиям, в 1960–1970-е гг. «для искусствоведов, чье мировоззрение сформировалось в предшествующую эпоху, древнерусская иконопись на долгие годы стала чисто эстетическим объектом для теоретических изысканий, оторванных от смыслового первоисточника, искусством, отделенным от веры» [6, с. 3–4].

На Соловках в 1932 г. появляется рукопись Алексея Николаевича Греча «Венок усадьбам», подготовленная к печати в 1990-е гг., в которой автор, председатель Общества русской усадьбы, пишет о погибших очагах культуры: «В десять лет создан грандиозный некрополь... И нет над некрополем надгробного памятника...» [14].

Любое частное явление культуры, в том числе усадьба, начинает в кризисную эпоху восприниматься не только как комплекс памятников, отражающих черты данной эпохи, но и в широком контексте, как образ Дома. В отечественном самосознании это понятие связано, прежде всего, с трансцендентной реальностью. Но находит отражение и в устроении человеком материального окружения: в истории храмовой архитектуры, на страницах литературных произведений, в русской усадьбе.

В переломные моменты истории понятие дома обретает свой первоначальный смысл убежища, укрытия, обители. Подобные образы находим в художественных произведениях: дом, усадьба, сад, куда не долетал шум городской жизни (и предчувствие надвигающейся катастрофы на рубеже столетий).

В 1920-е гг. другой узник СЛОНа, Николай Николаевич Виноградов, участвовавший в составлении Словаря русского языка при Академии наук, описывает древнейшие археологические выкладки «лабиринты» на островах, предлагая свою гипотезу об их предназначении, подтвердившуюся в наше время. Н. Н. Виноградову удалось описать церковь Андрея Первозванного XVII в. на одном из островов архипелага не как культовый памятник, а как образец народного северного деревянного зодчества и спасти благодаря этому его от разрушения. Отбыв трехлетний лагерный срок, ученый остался здесь

вольнонаемным для того, чтобы, по мере возможности, сохранить и описать культурно-исторические памятники этой земли, в 1938 г. был расстрелян.

Репрессиям в послереволюционные годы подвергались те ученые, которые занимались исследованиями своеобразия и традиции культуры, в том числе в области филологии и языкознания. Осенью 1933 г. было сфабриковано «дело славистов», по которому осудили более 70 человек, в основном из столичных городов, среди них известные ученые, члены-корреспонденты Академии наук, сотрудники музеев, краеведы... В 1964 г. дело пересмотрели, признали, что «Российской национальной партии» не существовало, но к этому времени из московской группы арестованных по этому делу, 11 человек было расстреляно, 1 покончил жизнь самоубийством, 2 умерли в тюрьме, остальные многие годы были лишены возможности заниматься наукой [17, с. 134–136].

В заключении находился один из крупнейших отечественных лингвистов начала XX в. Н. Н. Дурново (свободно владея несколькими языками, посвятил свою жизнь науке о русском языке, диалектологии и истории русского языка, также древнерусской литературе; в лагере написал «Граматику сербохорватского языка»), профессор-филолог Г. А. Ильинский (предметом его научного интереса была славянская филология, докторская диссертация была защищена по теме «Грамоты болгарских царей», опубликовал несколько десятков старославянских, среднеболгарских и сербских памятников; составил «Праславянскую грамматику», удостоенную в 1918 г. премии как «выдающееся явление в области изучения славянских языков»; его лагерный срок закончился расстрелом [там же, с. 135].

В междисциплинарном пространстве филологии и краеведения создавал свои труды Н. П. Анциферов, ученик И. М. Гревса, заложившего основы городского краеведения, историк и основатель экскурсионного дела в России, в 1922 г. вышла его книга «Душа Петербурга». В статье «Краеведение как историко-культурное явление» Н. П. Анциферов утверждал, что «от судьбы краеведческого движения зависит многое в судьбе нашей культуры» [там же, с. 131]. В 1929 г. был сослан на Соловки. Там же в 1920-е гг. находился Д. С. Лихачев, о котором больше, чем о других ученых, написано и издано.

Наряду с философскими, филологическими, краеведческими аспектами исследований, один из главных моментов понимания

отечественной истории связан с тем, что парадоксальным и не всегда осознаваемым образом богатство народа пополняется в лице пострадавших и явивших своим подвигом образ Истины и повод для подражания. Среди таких людей много подвижников в области филологии, языкознания и краеведения.

Многие известные писатели и художники, представители многонациональной культуры и искусства были репрессированы после 1917 г. В последние годы продолжают пополняться свидетельства; мемуарная литература, письма из лагерей, которые продолжают издаваться в наши дни, передают черты той эпохи. В начале нового тысячелетия становятся доступными для исследования факты жизненных обстоятельств людей, которые разделили тяжесть трагического столетия. Их жизнь, неприметная, на первый взгляд, открывается как потенциал человеческих возможностей, воплощения вечных идеалов в исторической обстановке современной нам эпохи. Сама жизнь этих людей осуществляет зримую связь поколений и непрерывность традиции. Из материалов о жизни и научной деятельности в заключении видно, насколько разносторонним и в то же время целостным в традиции отечественной науки оставался исследовательский подход. Судьба многих подвижников была схожа; вместе с тем, репрессии и гонения способствовали возрождению патриотизма, жертвенного служения на пути изучения и сохранения памяти и памятников.

Подвижничество в XX столетии

Революционный «подъем» обычно длится недолго, несколько лет, реже десятилетия. Истинность выдвинутых «новых» идеалов и ценностей опровергается самой жизнью. Революция сопровождается жертвами. В такие периоды истории в лексическом пласте языка учащается употребление слов: «натиск», «подавление», «свержение», «ликвидация», «борьба», «война до победного конца», «массы», «партия нового типа», «новая эпоха в истории человечества» ... Агрессивные интонации присутствуют и спустя годы в описаниях революционных событий, которые «подготавливают почву для последующих ... битв» [16, с. 202–203, 1107].

Если лозунги спустя некоторое время забываются, то сохраняется рефлексия в связи с минувшими событиями в исследованиях. По отношению к революции в России и масштабам ее последствий размышления часто полны сомнениями в том, каким образом можно

объяснить произошедшее. В работах философов религиозного направления акцент делался не столько на политический и социальный угол зрения, сколько на поиск провиденциальности. Катастрофа рассматривалась как залог очищения народного сознания, а ее причины находили в секуляризации предшествующих веков («на протяжении XVII–XIX столетий Россия постепенно утрачивала черты “Святой Руси”... Под оболочкой внешнего процветания и стабильности... в обществе назревал тяжелейший кризис») [10, с. 31, 51, 57].

В середине XX в. в Париже была опубликована небольшая работа В. В. Зеньковского «Наша эпоха», которая создавалась как общий обзор и предисловие к сборнику очерков под названием «Православие и современность». Богослов, философ, литературовед обращает внимание на характер «утопического сознания», связанного с «новым сознанием», раскрывает исторические причины того, как могло случиться «роковое “отступление” верующего разума перед разумом “естественным”», следствием такого изменения сознания стала возможной революция [7, с. 316, 327].

Революционная эпоха XX в. на русской земле как переломный момент истории открыла современнику тех событий возможность иначе видеть мир, себя, исторический путь, внимательнее относиться к языку, видя в нем «транспорт традиции» (Т. Элиот). «Революционный шок не мог не сказаться на русском самосознании. В значительной части общества шел процесс пересмотра своих убеждений. В советской России он искусственно стимулировался террором, голодом, информационной блокадой... и богоборческой пропагандой властей» [8, с. 359]. Происходит смысловое сближение понятий «катастрофа» и «катарсис». С. С. Аверинцев пишет: «Документы истории говорят с такой силой, что никакая позднейшая риторика ничего не может прибавить к их свидетельству... Документы приглашают задуматься над той реальностью, которая в них запечатлена, но не вмещена; над реальностью сугубо человеческой, конкретно-исторической и одновременно для верующего сердца, более чем человеческой, метаисторической, то есть эсхатологической» [1, с. 19–20].

Заключение

Ученые различных научных направлений подчеркивают мысль о том, что сходство явлений переломных эпох создает исторические параллели и помогает осмыслить современность. В настоящее

время на фоне процессов глобализации, имеющих противоречивый характер, обостряется и интерес к самобытной истории и традиции. Поэтому особенное значение в переломные эпохи имеет внимание к истокам отечественной культуры, языку, малой Родине, краеведческому направлению исследований. Вместе с тем, актуализируется внимание к сакральному началу как первооснове культуры. Переживший «красную каторгу», Б. Н. Ширяев в 1950-е гг. заканчивает книгу о Соловецком лагере «Неугасимая лампада» словами: «Поэт, пророк и евангелист, живший в глубине веков на подобном Соловецкому пустынном острове, видел там Ангела... Он клялся, что придет день, когда возгласит, вострубит седьмой Ангел, и тогда свершится... тайна преображения... Но перед приходом седьмого Ангела над миром пронесутся шесть иных. На их крыльях будет страдание и смерть. Через смерть к жизни – тайна преображения. Крылья какого из Ангелов раскинуты днесь над нами?» [19, с. 430]. Свидетелями и участниками подобных процессов являются поколения нашего времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аверинцев С.* Имеющий ухо да слышит... // Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью / сост. Г. Штриккер. – Кн. 1. – М. : Пропилеи, 1995. – С. 19–28.
2. *Бахтин М. М.* Собр. соч.: в 7 т. – Т. 5. – М. : Русские словари, 1996. – 732 с.
3. *Беляков Д. А.* Эволюция главного героя романа Т. Манна «Волшебная гора» в свете аналитической психологии К. Г. Юнга // Литература и словесное творчество. – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2014. – С. 18–44. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 21 (707). Сер. Филологические науки).
4. *Бондарев А. П.* Эзотерическая эпистемология в романе Камала Абдулы «Долина Кудесников» // Литература и словесное творчество. – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2014. – С. 45–62. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 21 (707). Сер. Филологические науки).
5. *Голубева-Монаткина Н. И.* Международный проект «Эмигрантские славянские языки в славянском и инославянском окружении» // Славистика. – Т. 18. – Белград : СЛАВИСТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СЕРБИИ, 2014. – С. 653–654.
6. *Данилова Е.* Сквозь призму Русской Голгофы // Фрески Руси. Специальный выпуск. – М. : Художественная литература, 2012. – С. 3–4.

7. *Зеньковский В. В.* Русские мыслители и Европа / сост. П. В. Алексеева; подгот. текста и прим. Р. К. Медведевой ; вступ. ст. В. Н. Жукова и М. А. Маслина. – М. : Республика, 1997. – 368 с.
8. *Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладозжский.* Самодержавие духа. Очерки русского самосознания. – СПб. : Шестоднев, 2002. – 420 с.
9. *Ирзабеков Василий (Фазиль).* Тайна русского слова. Заметки нерусского человека. – М. : Даниловский благовестник, 2008. – 200 с.
10. История Русской Православной Церкви. От восстановления Патриаршества до наших дней. – Т. 1. – СПб. : Воскресение, 1997. – 1022 с.
11. *Монахиня Ефросиния (Ибрагимова).* Церковно-славянский язык в произведениях великих русских писателей (Ф. М. Достоевский) / Православная гимназия: науч.-популяр. публицист. альманах. Свято-Алексиевская Пустынь. – Вып. 1, 2007. – С. 86–90.
12. *Мында Н. Б.* Героизация творцов как определяющий фактор в формировании древнегреческой культуры // *Философские проблемы межкультурного диалога: теория, история и практика.* – М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2011. – С. 132–143. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 11 (617). Сер. Философия и культурология).
13. Ныне и присно // *Русский журнал для чтения.* – 2006. – № 3–4. – С. 55–68.
14. Памятники Отечества. – Вып. 32. – М., 1994.
15. *Ремнёва М. Л., Савельев В. С., Филичев И. И.* Церковнославянский язык: Грамматика с текстами и словарем. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1999. – 231 с.
16. *Советский Энциклопедический Словарь* / гл. ред. А. М. Прохоров. – 2-е изд. – М. : Советская энциклопедия, 1983. – 1600 с.
17. *Сошина А. А.* Репрессированная наука: ученые в заключении на Соловках // *Соловецкое море. Историко-литературный альманах.* – Вып. 10. – Архангельск–М. : Товарищество Северного Мореходства, 2011. – С. 128–140.
18. *Флоренский П. А., священник.* Избранные труды по искусству. – М. : Изобразительное искусство, 1996. – 286 с.
19. *Ширяев Б. Н.* Неугасимая лампада. – М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2004. – 432 с.

УДК 327.83

Р. Э. Абгарян

доцент, кандидат философских наук, доцент кафедры политологии ИМО и СПН, e-mail: kafedra.politologia@yandex.ru

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ДИНАМИКИ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ И МЕТОДЫ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ

Статья посвящена исследованию особенностей различных этапов динамики политических конфликтов; определению специфики провокаций как предтечи конфликтов, а также выявлению основных методов разрешения конфликтов.

Ключевые слова: конфликтная ситуация; эскалация конфликта; достижение пиковых витков; спад конфликта; постконфликтный синдром; перманентность; многогранность конфликта; провокация; мирное урегулирование конфликта; статус-кво; силовое решение конфликта.

Abgaryan R. E.

PhD (Philosophy), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Political Science of the Institute of International Relations and Social-Political Science, e-mail: kafedra.politologia@yandex.ru

THE MAIN STAGES OF THE POLITICAL CONFLICTS DYNAMICS AND THEIR RESOLUTION

This article investigates the characteristics of the different stages of the dynamics of political conflict; the definition of the specificity of provocation as a forerunner of conflict, and identification of the main methods of conflict resolution.

Key words: conflict situation; the escalation of the conflict; reaching a peak of coils; the decline of conflict; post-conflict syndrome; the permanence; the complexity of the conflict; a provocation; a peaceful settlement of the conflict; the status quo; a military solution of the conflict.

В современной научной литературе категорию «конфликт» чаще всего определяют через понятие «противоречие». Противоречие – это совокупность противоположностей внутри данного объекта (внутреннее противоречие), либо между объектами (внешнее противодействие). Противоречия можно условно подразделить на неантагонистические

и антагонистические. В антагонистических противоречиях развитие противоположностей ведет к исчезновению одной из них либо к гибели самого объекта. Так, например, правящая и оппозиционная партии представляют собой две противоположности внутри политической системы (объекта). Если деятельность оппозиции не ведет к подрыву и уничтожению существующих социально-экономических и политических основ общества, а направлена на критическое осмысление политики правящей партии и поиск более адекватных средств достижения социально значимых целей, то в данном случае можно говорить о неантагонистическом противоречии, в котором взаимодействие и развитие противоположностей (правящей и оппозиционной(-ых) партий) является источником совершенствования объекта (политической системы). Деятельность радикальных и экстремистских оппозиционных партий ведет к возникновению антагонистического противоречия. Разрешение такого противоречия ведет либо к запрещению партии(-ий), либо к революционным действиям с ее стороны, направленных на уничтожение существующего конституционного строя страны и создание новых социально-экономических и политических основ общества.

Конфликт представляет собой апогей развития противоречия как антагонистического, так и неантагонистического, это столкновение двух и более разнонаправленных сил с целью реализации своих интересов в процессе единоборства.

Конфликты, так же как противоречия, могут быть антагонистическими и неантагонистическими. Их особенность состоит в том, что из одной формы они могут переходить в другую. Так, например, упущенные возможности разрешения неантагонистического конфликта способствуют его переходу в хронические формы и даже перерастанию в антагонистический конфликт. И наоборот, поиск взаимных компромиссов может привести сначала к снятию острого протекания антагонистического конфликта, а затем, при развитии тактики компромиссов, перевести его в неантагонистический конфликт и открыть возможность взаимоприемлемого решения для участников противоборства. Любой конфликт представляет собой процесс, имеющий собственную внутреннюю динамику. Условно ее можно разделить на несколько этапов.

Предтечей конфликта, как правило, бывает *кризис*, или кризисная ситуация, которая знаменует собой необходимость перехода из одного

качественного состояния в другое. **Политический кризис** – это сбой в функционировании политической системы из-за ее деятельности в изменившихся реалиях. Так называемый «кризис верхов, когда низы не хотят жить по-старому, а верхи не могут управлять по-старому» [2, с. 5].

Первый этап в динамике конфликта – конфликтная ситуация, в ходе которой происходит осознание возникших противоречий участниками противоборства, а также артикуляция их интересов и позиций. Особенность этого этапа заключается в том, что не всякая конфликтная ситуация перерастает в конфликт. Если притязания сторон на этом этапе удовлетворяются, пусть даже частично, острая форма противоречия снята, конфликт исчерпан полностью либо частично. Если этого не произошло, то возникает **второй этап динамики конфликта**, который называется эскалация конфликта. За ним следует **третий этап**, связанный с достижением так называемых пиковых отметок, когда наблюдается максимальное напряжение сил (экономических, социальных, политических, включая военные) со стороны противоборствующих сторон. **Четвертый этап динамики конфликта** – спад конфликта и его исход. Исход конфликта может иметь два варианта: 1) конфликт завершен полностью; 2) конфликт завершен частично.

Во втором случае, когда конфликт завершен частично, как правило, возникают **перманентности** и **многомерности** конфликта. **Перманентность** означает переход конфликта в хроническую форму, в вялотекущий конфликт. Опасность этого процесса связана с возникновением явления **многомерности** конфликта, когда в любой момент под действием внутренних либо внешних факторов разгорается новый конфликт, являющийся, по сути, производной первоначального конфликта. Примером этого может послужить чеченский конфликт, первопричиной которого было желание чеченского руководства вывести республику из состава Российской Федерации, в результате чего на территорию Чечни были введены федеральные войска, с помощью которых центральная власть защищала политическое устройство своего государства. В исходе конфликта были подписаны Хасавюртовские мирные соглашения, устанавливающие политику статус-кво, т. е. конфликт был завершен частично. Эта незавершенность привела через несколько лет к началу второй чеченской кампании (после взрыва жилых домов в Москве), которая получила официальное название

Контртеррористической операции на территории Чечни – субъекта Российской Федерации. Таким образом, вторая чеченская кампания представляет собой производную от незавершенного чеченского конфликта и наглядно демонстрирует явления перманентности и многомерности в исходе конфликта [3].

Пятым этапом в динамике конфликта является постконфликтный синдром. Он характеризуется определенной напряженностью в отношениях противоборствующих сторон в течение длительного времени. В результате деятельности различных экстремистских и радикальных сил внутреннего и внешнего характера, этот этап может стать основой для возникновения нового конфликта, так как явление многомерности остается актуальным в условиях постконфликтного синдрома.

В качестве катализатора новой конфликтной ситуации может стать любая провокация. **Провокация** – (лат. provocation – вызов) представляет собой прием противоборства (политического, экономического, социального, военного), который включает в себя специально организованные акции подрывного характера в целях вызова ответных мер со стороны противника. Главная цель любой провокации – дестабилизация обстановки. Достижение этой цели возможно за счет реализации следующих функций: дискредитации деятельности государств, их политических лидеров; дезинформации общественного мнения; дезориентации общественного сознания. Провокации необходимы как предлог, повод для экспансии насилия и начала нового конфликта.

Политических конфликтов множество, их типологизацию можно производить по нескольким основаниям. Например, **по степени значимости** политические могут подразделяться на глобальные, общечеловеческие конфликты (мировые войны), межгосударственные, региональные конфликты (ближневосточные конфликты) и внутригосударственные конфликты (чеченский конфликт). **Внутригосударственные конфликты**, в свою очередь, могут подразделяться на **конфликты интересов** (конфликты между правящей и оппозиционной (-ыми) партиями), ценностные конфликты (борьба вокруг интерпретации и внедрение ценностей «свобода», «равенство», «демократия», «автономия»), **конфликты идентификации**, возникающие в межкультурных обществах в условиях этнической и религиозной противоположности.

Внутригосударственные политические конфликты можно подразделить на *горизонтальные* (конфликты между социальными группами, общностями и их организациями, конфликтами между различными ветвями государственной власти) и вертикальными (конфликты между федеральными и региональными органами власти). Помимо вышеперечисленных типологий конфликтов существуют и другие. Выбор той или иной типологии определяется целями и задачами теоретических и прикладных исследований в области конфликтологии.

Прежде чем приступить к разрешению конфликта необходимо иметь полную информацию об объекте конфликта, составе его участников, исторических корнях. Непосредственным поводом к началу конфликта, а также уровень напряженности в начальной точке конфликта [1].

Существует три основных альтернативы в разрешении конфликта.

Первая альтернатива – мирное урегулирование – реализуется через:

1) *метод переговоров*, когда между сторонами имеется хотя бы минимальная сфера совпадающих интересов;

2) *метод примирения сторон* на основе сближения позиций через посредника. Посредник представляет собой нейтральное лицо, помогающее конфликтующим сторонам достигнуть консенсуса. Посредник не наделен полномочиями принимать решения. В последнее время роль посредников в межнациональном и региональных конфликтах играют миротворческие силы, в том числе войска ООН.

3) *метод третейского разбирательства*, или *арбитраж*, когда стороны добровольно передают свой спор для разбирательства третьей стороне, решение которой является обязательным к выполнению для обеих сторон.

Второй альтернативой в решении конфликта может стать установление политики статус-кво, когда ни одна из противоборствующих сторон не хочет идти на компромисс, при этом не имеет достаточно сил и средств продолжать борьбу за свои интересы. В этом случае используется:

1) метод *избегания конфликта* (отказ от обсуждения проблемы на определенный или неопределенный срок), отставка и/или иммиграция политического деятеля или группы политиков, принимающих активное участие в конфликте;

2) **метод отрицания конфликта либо его подмена** (этот метод позволяет на неопределенный срок избежать прямой конфронтации и с течением времени нивелировать позиции противоборствующих сторон).

Третья альтернатива в решении конфликта – силовое решение, т. е. **метод конфронтации** который может включать дипломатическую или экономическую блокаду, а также использование регулярных войск, диверсионных групп, отрядов специального назначения.

Резюмируя всё вышесказанное, можно заключить, что любой политический конфликт будет исчерпан еще на этапе «конфликтная ситуация», если противоборствующие силы проявят добрую волю и используют мирное урегулирование как способ разрешения конфликта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Дмитриев А. В.* Конфликтология: учеб. пособие. – М. : Гардарики, 2000. 320 с.
2. *Ленин В. И.* Оппортунизм и крах 2-го Интернационала. – М. : Прогресс, 1979. – 34 с.
3. *Синчук Ю. В., Потапов А. С., Белозеров В. К.* Конфликтология: теория и практика: учеб. пособие. – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2014. – 361 с.

УДК 327.569.4

А. И. Вавилов

профессор, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений ИМО и СПН МГЛУ;
e-mail: maryandre@yandex.ru

МИГРАНТСКИЙ «ПОТОП» В ЕВРОПЕ

Автор статьи анализирует причины возникновения и обострения проблемы мигрантов и беженцев в Европе, рассматривает ее влияние на ситуацию в отдельных регионах и странах континента и прогнозирует перспективы ее решения в условиях нарастания террористической угрозы для всеобщего мира и безопасности.

Ключевые слова: конфликты на Ближнем Востоке и в Африке; вмешательство Запада; обострение гуманитарной ситуации; каналы миграции террористов; инициативная линия России.

Vavilov A.I.

PhD (2nd degree), Professor Institute of International Relations and Social and Political Sciences MSLU; e-mail: maryandre@yandex.ru

MIGRANTS' DELUGE IN EUROPE

In his article the author analysis the reasons for the appearance and aggravation of such an acute nowadays problem as the migrants' and refugees' deluge to Europe, studies its influence on the situation in several regions and countries on the continent and makes a prognosis of its solution with the growth of terrorist threat for the global peace and security.

Key words: conflicts in the Middle East and Africa, the Western interference into them, the aggravation of the humanitarian situation as a consequence of such an interference, the use of migration channels by terrorists, the consequent and initiative course of Russia to resist the terrorist threat.

Одним из тяжелейших последствий непродуманных действий западных стратегов и политиков в регионе Ближнего Востока, а также в Африке для европейской, да и всей мировой политики стал наплыв мигрантов, достигший своего пика в 2015–2016 гг. Многие аналитики назвали его гуманитарной катастрофой современности, сравнимой по своим масштабам и страданиям обездоленных людей с великими катаклизмами человеческой истории.

Истоки этой сложной и животрепещущей проблемы следует искать в растущем и углубляющемся разрыве в уровнях жизни

и развития между «золотым миллиардом» людей, живущих в развитых странах и владеющих половиной ресурсов и богатств нашей планеты, и остальным человечеством. В поисках лучшей доли и счастливого будущего для себя и своих детей многие жители Азии, Африки и Латинской Америки издавна направлялись в Европу и Северную Америку, пополняя и без того многочисленные ряды трудовых или экономических мигрантов.

В наши дни к ним прибавились многие тысячи беженцев с Ближнего Востока, Азии и Африки, ищущих спасения для себя и своих многодетных семей от смертельных опасностей и страданий, вызванных многочисленными кровопролитными и разрушительными конфликтами, к разжиганию и сохранению которых оказались напрямую причастны страны Запада.

Наряду с экономическим бременем содержания и обустройства незванных гостей на европейские страны, как свидетельствует недавний печальный опыт многих из них, появилась грозная опасность активизации террористов, многие из которых под личиной беженцев «просачиваются» на континент.

Они наращивают уже накопленный взрывоопасный потенциал доморощенных молодых, слабо образованных натурализовавшихся в прошлом инородцев, которые уже «на месте» и готовы к бою, движимые обидой и социальным протестом. Для развертывания подрывной деятельности им не нужны паспорта и визы, а также транспортные расходы. Им нужно лишь, да и то не всегда, посоветовать, куда побольнее ударить этих «зажравшихся богачей». Именно такие «одинокое волки», получившие ускоренную террористическую подготовку и инструкции по Интернету, осуществили смертоносные удары в Мадриде (2004), Лондоне (2005) и Глазго (2007). Дальше еще опаснее: в середине октября 2009 г. спецслужбы засекли в Интернете сотрудника (алжирского происхождения) Европейского центра ядерных исследований в Швейцарии, который признался в связях с «Аль-Каидой», планировавшей диверсию на одном из ядерных объектов.

Опыт западноевропейских государств наглядно показывает как ряды экстремистов ежедневно и ежечасно пополняются за счет плохо устроившейся и потому недовольной иммигрантской молодежи. Она не находит себе желаемого и достойного места в благополучном и закрытом для «чужаков» западном обществе, заинтересованном в ней лишь как в рабочей силе и вынужденном (в силу низкой

рождаемости среди европейского населения) привлекать «пришлых» лишь на непрестижную, неквалифицированную, а следовательно, и малооплачиваемую работу. В последние годы страны ЕС пытались как-то ограничить и поставить под контроль захлестывавшую Запад иммигрантскую волну, однако потребности экономики оказывались сильнее.

По данным главы МВД Италии, к апрелю 2014 г. в Северной Африке скопилось от 300 до 600 тысяч нелегальных мигрантов, поджидавших удобного случая, чтобы перебраться через Средиземное море в Европу. Как рассказывал автору в Тунисе представитель ЕС по проблемам миграции, африканскому гастарбайтеру стоит лишь улизнуть от береговой охраны самого близкого (всего около 70 км) от Африки о. Лампедуза, как после полугода нелегальной работы в Италии он получает вид на жительство, а через год привозит всю семью.

Бедственное социально-экономическое положение во многих странах Африканского континента, а в последние годы, во многом в результате катаклизмов «арабской весны», и в Северной Африке, и на Ближнем Востоке преумножало число мигрантов и беженцев, готовых в поисках лучшей доли для себя и своих близких рисковать жизнью. По оценке, приведенной в докладе ООН, к концу 2014 г. рекордное число – 59,5 млн человек, или каждый 122 житель планеты был насильственно перемещен, оказался беженцем или мигрантом. Из-за неурегулированности внутренних и региональных конфликтов и возгорания новых за последние 4 года этот показатель беспрецедентно вырос – в 4 раза. В результате число беженцев из неспокойных зон ежедневно увеличивалось почти на 43 тыс. человек.

Такой наплыв людей, ищущих лучшей жизни, вызвал в Евросоюзе настоящий, хотя и запоздалый переполох. Однако согласовать экстренные коллективные меры по противодействию контрабанде людей для европейских руководителей было непросто, в том числе из-за нараставшей потребности стран ЕС в притоке рабочей силы, так как Западная Европа стремительно старела. Тратиться и возиться с приемом и обустройством «пришлых» также не хотелось, а ведь среди них было немало подозрительных лиц с криминальным прошлым. Так, в Дании уровень преступности среди беженцев-мужчин на 73 % превышал средний. В местах заключения для молодежи семеро из десяти были иммигрантами, из них примерно 40 % – беженцами. В Германии преступность среди мигрантов примерно в 5 раз превышала аналогичный

показатель среди местных жителей. В Швеции и Испании около трети преступлений совершали иммигранты.

Европу сотрясали массовые демонстрации и митинги с требованиями прекратить приток на континент «гостей» из неблагополучных регионов. Противники приема «чужаков» сталкивались со сторонниками их обустройства и обеспечения предметами первой необходимости. В результате руководители Великобритании и Франции, а затем и Испании отвергли задуманное руководством ЕС квотирование приема мигрантов.

Глава МВД Словакии Р. Калиняк сравнил «с черпанием воды из реки» то, как Европа пыталась решить проблему нелегальной миграции. Чешский премьер Б. Сobotка был еще более мрачен в своих оценках: «Европа просто не в силах справиться с растущим числом нелегальных беженцев из стран третьего мира. Если нынешняя волна мигрантов не спадет в последующие месяцы, социальные системы в европейских государствах могут потерпеть крах». А перспективы сокращения притока вынужденных переселенцев из охваченных конфликтами стран Ближнего Востока и Северной Африки выглядели весьма туманными. Сбывались угрозы покойного М. Каддафи, который грозил открыть «пограничные шлюзы», «затопить» Европу мигрантами и «сделать ее юг черным», если она не перестанет бездумно подыгрывать США в давлении на «ливийскую Джамагирию».

Так Европа, поддержав, с подачи США, антиправительственные выступления в Ливии, а затем и в Сирии, вызвав резкое увеличение потока беженцев, создала для себя самой, по оценке ООН, тяжелейшую со времен Второй мировой войны гуманитарную проблему и оказалась для ее решения совершенно не подготовленной.

«Посмотрите, – отметил Президент РФ В. В. Путин в интервью швейцарским СМИ в конце июля 2015 г., – сейчас Европа сталкивается с конкретной проблемой, с проблемой наплыва эмигрантов. А что, разве Европа принимала решения, которые в конечном итоге привели к этой ситуации? Надо быть откровенным и честным: эти решения принимались за океаном, а с проблемой сталкивается Европа»[1].

В итоге экстренных совещаний и саммитов страны ЕС договорились лишь о сотрудничестве (операции «Тритон» и «Посейдон», позднее – Frontex) в отлавливании судов контрабандистов человеческим товаром, оставив в стороне глубинную причину нарастания иммиграционной волны – бедственное социально-экономическое положение

в регионах Ближнего Востока и Африки, порождавшее всё новые и новые кровопролитные конфликты, с которыми они ничего поделать не могли, а многие и не стремились. Поверхностность подхода европейских руководителей к поискам решений животрепещущих проблем иммигрантов и беженцев вызвала резкое неприятие международных правозащитников. The Amnesty International, к примеру, назвала апрельский Саммит 2015 г. лидеров ЕС по проблеме мигрантов «пусканием пыли в глаза».

Узнав о волонтаристском решении ЕС хозяйничать близ берегов разрушенной теми же европейцами Ливии, международно признанное правительство этой страны заняло в отношении европейских замыслов резко отрицательную позицию. «Любые корабли, которые появятся в ливийских водах без предварительного разрешения, станут целями для наших военно-воздушных сил», – заявил агентству Рейтер командующий оперативным штабом ВВС Ливии С. аль-Джеруши. Такой вполне оправданный с точки зрения международного права подход серьезно осложнял реализацию европейских планов.

К лету 2015 г. ситуация с нелегальной миграцией через южные границы Европы всё более осложнялась. По сведениям Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ), только за первое полугодие 2015 г. в Европу прибыли 340 тыс. беженцев и «ловцов счастья» на чужбине – на 83 % больше, чем за тот же период 2014 г. К концу сентября минувшего года их число перевалило за 488 тысяч.

По данным того же источника, только в первом квартале 2015 г. около тысячи человек погибли или пропали без вести в Средиземном море при попытке добраться до Европы. В ночь на 19 апреля 2015 г., к примеру, у ливийских берегов затонуло судно с 800 нелегальными иммигрантами и беженцами, в том числе 200 женщинами и 50 детьми на борту. Спасти удалось лишь 28 человек. Они и рассказали спасателям, что во время дрейфа к их лодке приблизилось крупное торговое судно. Нелегалы испугались и ринулись на один борт, возник крен, и набитая людьми лодка длиной всего в 20 метров перевернулась. За этой трагедией через день последовала еще одна, близ о. Родос, где, наравшись на рифы, пошло на дно угловое суденышко с запертыми в трюме двумя сотнями беженцев.

К началу ноября 2015 г. число незваных «гостей», прибывших в Европу приблизилось к 800 тысячам. По прогнозам, в 2016 г. европейский континент ожидал наплыв трех млн человек.

Италия, ставшая одним из транзитных коридоров (500 мигрантов ежедневно), тщетно взывала о помощи, а Франция и Швейцария отошли от положений Шенгена и закрыли с ней свои границы. Венгрия стал отгораживаться от потока нелегалов из Сербии, а затем Хорватии и Словении пограничной стеной. Такие же преграды возводились в Болгарии и Греции на границах с Турцией.

Для снижения прессинга мигрантов, Россия оказала Сербии помощь в развертывании лагерей для временного пребывания до тысячи беженцев (палатки, цистерны для питьевой воды и одеяла, а также печи для отопления). Москва была готова к сотрудничеству с европейскими государствами в решении резко обострившейся проблемы нелегальных мигрантов в Совбезе ООН и за его пределами. При этом российское руководство исходило из того, что наряду с решением насущных гуманитарных задач по приему и обустройству вынужденных переселенцев было настоятельно необходимо искоренять причины, породившие это тяжелое явление в международной жизни – восстанавливать стабильность и государственное управление в регионах Ближнего Востока и Северной Африки, а также на африканском континенте, нарушенные волонтаристской политикой США и их западных партнеров.

Не легче было и свалившейся в глубокую долговую яму Греции: на о. Лесбос – основном перевалочном пункте для беженцев (25 тыс. на 80 тыс. местного населения) начались межэтнические и межконфессиональные столкновения среди выходцев из различных стран, мигранты пошли на протестные выступления, требуя от местных властей создания человеческих условий для своего пребывания. Такие же беспорядки в августе 2015 г. случились и на о. Кос (7 тыс. мигрантов на 30 тыс. населения). Стадиона, на котором разместили прибывших, не хватило, властям пришлось устраивать их на вместительном паромах, а те требовали их скорейшей отправки на материк.

В конце августа 2015 г. полиция Македонии была вынуждена применить слезоточивый газ и светошумовые гранаты против 5 тыс. нелегальных мигрантов, пытавшихся проникнуть на ее территорию из Греции. Правительство Македонии объявило о введении чрезвычайного положения на границе с Грецией и развертывании там дополнительных воинских подразделений. Но это не помогло: полторы тысячи мигрантов прорвали кордоны и стали искать пути для своего дальнейшего следования в «богатые европейские страны», в том числе штурмуя

поезда. На нейтральной территории между Македонией и Грецией были заблокированы еще несколько тысяч человек, которые не оставляли попыток прорыва на территорию Македонии, чтобы отправиться транзитом на север. В конце концов, Евросоюз «расщедрился» и выделил Македонии на гуманитарные нужды аж 90 тыс евро, которые, конечно же, не спасали положения.

В Германии к середине лета 2015 г. на рассмотрении властей находилось свыше четверти миллиона заявок на получение вида на жительство. Немцы подумывали даже о том, чтобы приплачивать мигрантам (полторы тысячи евро на семью из трех человек), чтобы те убрались восвояси. Как сообщил в конце августа 2015 г. министр внутренних дел ФРГ Т. де Мезьер, поток беженцев в Германию вырос в четыре раза. Министр иностранных дел ФРГ Ф.-В.Штайнмайер признал, что страна не справится с таким наплывом беженцев. В немецком руководстве заговорили об отказе от Шенгенских соглашений или их модификации в сторону ужесточения пограничного контроля. К сентябрю 2015 г. ФРГ фактически отошла от Шенгена, введя погранконтроль для ограничения вала переселенцев.

Миграционный наплыв еще в большей степени расколол общество Старого Света. Его захлестывали бурные демонстрации за и против приема чужеземцев. Он рассорил и страны Европы, в частности, Хорватию и Венгрию, обвинявших друг друга в несоблюдении правил миграции. Кроме того, страны «Балканского пути» были недовольны государствами Западной Европы, вызвавшими своими подрывными действиями в Ливии и других странах ближневосточного и североафриканского регионов наплыв беженцев, которых принимать в своих краях не торопились. Раскол наблюдался не только по линии Восток – Запад, но и Север–Юг. Южные члены ЕС выказывали недовольство медлительностью более состоятельных северян в приеме на свое обеспечение неспадавшей волны мигрантов.

Проведение летом 2015 г. ряда министерских совещаний ЕС по проблемам миграции не дало результатов: их участники договорились лишь о приеме свыше 40 тыс. человек, в основном с Ближнего Востока и из Северной Африки, однако о том, где, как и главное – на какие средства их размещать, окончательного согласия достигнуто не было. США, громко потребовав от ЕС помочь беженцам и обеспечить их безопасность, скромно обещали принять лишь 2 тыс. мигрантов. Позднее эта цифра под давлением европейцев была увеличена

до 10 тыс., однако 28 штатов принимать чужестранцев наотрез отказались. Во второй половине ноября 2015 г. палата представителей конгресса США проголосовала против приема беженцев и мигрантов.

На прошедшей в Женеве в середине июня 2015 г. сессии Совета ООН по правам человека российские представители выступили с критикой безответственного силового вмешательства Запада в дела суверенных государств, которое вызвало резкое увеличение потоков мигрантов и беженцев. По оценке российской стороны, ни одно государство было не в силах «самостоятельно дать ответ современным миграционным вызовам». По мнению РФ, задуманное уничтожение судов, перевозивших беженцев, или выведение их из строя было бы чрезмерным шагом, не способствовавшим решению проблемы и противоречившим Дублинской конвенции 1990 г., предполагавшей прием беженцев после пересечения ими границы того или иного государства. В связи с этим действия стран ЕС не должны были идти дальше ареста судов, осуществлявших перевозку нелегальных мигрантов. А усиление пограничного контроля привело бы лишь к локализации взрывоопасных по своему потенциалу проблем.

Тем временем потоки незваных «гостей» из разоренных войнами и междоусобными конфликтами регионов не ослабевали. В третьей декаде июля 2015 г., например, три итальянских корабля спасли в рамках операции «Тритон» в 56 км от побережья Ливии более 400 мигрантов, а в конце августа уже в десять раз больше – 4,4 тыс.

Тогда же в Сицилийском проливе корабли береговой охраны поставили своеобразный рекорд – спасли сразу 3000 незаконных мигрантов из Ливии. В трюме одной из переполненных посудин были обнаружены 50 тел, в основном женщин и детей, отравившихся угарным газом из-за неисправности мотора.

Человеческие трагедии и страдания продолжались и в дальнейшем. В конце ноября 2015 г., к примеру, в районе курортного турецкого г. Бодрум в Эгейском море перевернулись сразу две лодки с беженцами, погибли шестеро детей.

В конце июля 2015 г. более 2 тыс. мигрантов под покровом ночи в очередной раз предприняли массовую попытку силой прорваться в тоннель под Ла-Маншем со стороны французского порта Кале, надеясь нелегально пробраться на Британские острова. Эта атака вновь окончилась неудачей, в ходе ожесточенных столкновений с полицией были задержаны 200 человек, шестеро получили ранения.

На другой день попытка штурма повторилась с тем же результатом и 300 арестованными.

Несмотря на человеческие жертвы, искатели лучшей жизни ежедневно и еженощно продолжали высматривать лазейки для «просачивания» через границу. Пришельцы, в основном из Эфиопии и Судана, а также из Афганистана, не оставляли надежд на вольготную жизнь в туманном Альбионе и, ожидая удобного случая пробраться туда, еще в марте 2015 г. разбили близ Кале лагерь, который местные жители тут же окрестили «джунглями», где обитало около 10 тыс скитальцев и даже была открыта школа для обучения азам английского и французского языков. В местных СМИ с тревогой заговорили об опасности превращения Кале во вторую Лампедузу. Для предотвращения дальнейшего усугубления ситуации французские власти прибегли к старому «доброму» способу – стали возводить в беспокойном районе тоннеля 600-метровую заградительную стену, надеясь хоть как-то обуздать миграционный натиск. Однако этот шаг не облегчил положение, и попытки штурмовать тоннель продолжались. Тогда в феврале 2016 г. после долгих тяжб с правозащитниками было утверждено судебное решение снести постройки в «джунглях», а их обитателей (около 5 тыс. человек) переселить в переделанные под жилье грузовые контейнеры, расставленные подальше от туннеля. Осуществление этого решения на практике натолкнулось на ожесточенное сопротивление перемещаемых лиц.

В Великобритании наплыву незваных гостей, которых стали называть «оккупантами», также были не рады. Британский премьер Д. Кэмерон назвал их «роем надоедливых насекомых». К концу августа 2015 г. между МВД Францией и Великобританией было заключено специальное соглашение об усилении охраны силами британских полицейских доступа в евротоннель, на что Лондон обязался выделить 10 млн евро. Кроме того, в Лондоне собрались сажать в тюрьму на полгода нелегальных мигрантов, которые, прибыв в туманный Альбион, намеренно уничтожали свои документы.

Лишь к концу первой декады августа 2015 г. Брюссель принял программу по приему мигрантов, рассчитанную на 8 лет, и выделил на эти цели 2,4 млрд евро, 80 % из которых предназначалась Греции и Италии, а также Франции. Венгрия тут же высказала свое неудовлетворение доставшимися ей «мизерными» отчислениями.

А напряжение с мигрантами продолжало нарастать: в день проведения саммита западнобалканских стран по этой проблеме 27 августа

2015 г. на автобане из Венгрии в Австрию в грузовике было обнаружено более 70 тел задохнувшихся нелегалов. Тогда же у берегов Ливии европейские и ливийские моряки провели спасательную операцию: 200 мигрантов были выловлены, столько же утонуло.

В начале 2016 г. у турецкого побережья перевернулись сразу две лодки с переселенцами, державшими курс на всё тот же о. Лесбос. В итоге утонуло 27 человек, в том числе трое детей. Турецкие власти огульно обвинили в этой трагедии Россию, которая – де «своей поддержкой режима Б. Асада гонит граждан Сирии из своей страны». Официальный представитель МИД РФ М. В. Захарова решительно отмела такие измышления, резонно заметив, что «именно проводимая нынешним турецким руководством политика попустительства и пособничества различным радикальным и террористическим группировкам в Сирии в немалой степени способствовала и продолжает способствовать разгулу там насилия и экстремизма на грани пещерного варварства» [2].

Запустив во второй половине июня 2015 г. Европейскую военную миссию в Средиземном море, чтобы «разрушить бизнес-модель торговцев людьми», ее инициаторам приходилось думать скорее не об уничтожении судов контрабандистов, а о спасении и дальнейшем обустройстве их пассажиров. На другой день, к примеру, норвежское судно *Siem Pilot* взяло на борт 600 нелегальных мигрантов. С риском для жизни они пытались добраться до берегов Италии на двух утлых деревянных суденышках. Принять и разместить их желающих не нашлось.

К сентябрю 2015 г. всё более очевидной становилась безрезультатность усилий государств – членов ЕС по разрешению миграционного кризиса. Ситуация из-за отсутствия согласия внутри Евросоюза относительно практических мер по решению этой непростой и давно назревавшей проблемы была, по сути, пущена на самотек. «Мы как европейцы, – был вынужден признать во второй половине сентября 2015 г. председатель Евросовета Д. Туск, – в настоящее время не в состоянии управлять нашими общими внешними границами, в результате некоторые государства решили защитить себя закрытием своих национальных границ. Тогда как защита Европейского сообщества – это наш первый долг и обязанность, мы не справились на этом фронте».

На внеочередном заседании Совета ЕС 22 сентября 2015 г. было принято решение о создании временного механизма перераспределения в течение 2-х лет 120 тыс. просителей убежища с территории

Греции и Италии, а на внеочередном саммите Евросоюза 23 сентября были достигнуты договоренности о мерах по укреплению контроля на внешних границах ЕС, созданию до конца ноября в Италии и Греции центров приема и регистрации беженцев («hot spots»), оказанию содействия в решении миграционных проблем соседним с Сирией государствам и дополнительном выделении на нужды беженцев через УВКБ ООН и Всемирной продовольственной программы не менее 1 млрд евро.

Перераспределение в течение 2-х лет 120 тыс. искателей убежища (т. е. 5 тыс. человек в месяц) на фоне нараставшего миграционного потока в ЕС, когда ежедневно около 5-ти тыс. человек прибывали на территорию Евросоюза, не могло быть окончательным решением этой острой проблемы, порожденной непродуманными действиями в районе Ближнего Востока и Северной Африки европейских партнеров США. Если в октябре 2014 г. в Европу нелегально через Средиземное море перебрались 23 тыс. человек, то в том же месяце 2015 г. их число возросло в 10 раз до 220 тыс. К тому времени ЕС так и не смог выработать единую позицию по этой проблеме, у него не было ни соответствовавшего ее масштабам общего иммиграционного законодательства, ни учреждений для его применения. На горизонте маячила угроза возможной дестабилизации обстановки на Балканах, где скапливалось всё больше горючего материала для социально-политического взрыва.

Во второй половине октября 2015 г. стало известно, что ЕС смог распределить в рамках разработанной в сентябре квотной системы только одну тысячу мигрантов из прибывших 710 тыс.

Тупиковую ситуацию с беженцами, сложившуюся ко второй половине октября 2015 г., реально оценил премьер-министр Болгарии Б. Борисов: «За десять дней мы собираемся в третий раз и по-прежнему не получаем ответа на основной вопрос: сколько беженцев Европа может принять и кто их хочет у себя видеть? Сегодня царит полный хаос, и страны начинают спасаться самостоятельно и перекидывать беженцев на других. Мы, те, кто находится на границе, подвержены огромному риску, если все начнут возвращать их обратно». Он напомнил, что у Болгарии и Турции не было соглашения о реадмиссии, и подтвердил готовность его страны закрыть границу, если аналогичные действия предпримут Германия, Австрия и Венгрия.

Финляндия к концу 2015 г. полностью перекрыла въезд на свою территорию из РФ на велосипедах, которыми активно пользовались

путешественники поневоле, обходя установленный ранее запрет на пеший переход границы. Несколько десятков переселенцев в 30-градусный мороз были оставлены в лесу у пограничного поста.

Очередная попытка развязать «гордиев узел» миграции была принята в первой половине ноября 2015 г. на саммите ЕС-Африка, проведенном на Мальте. Его участники решили выделить африканским руководителям до 2 млрд евро на возвращение из Европы и обустройство беженцев и мигрантов. Однако собрать такие деньги оказалось непросто: Италия категорически отказалась вносить свою лепту, а Болгария заявила о готовности выделить всего 50 тыс евро. Шенгенский режим под напором миграционного вала трещал по швам, каждая из его стран – участниц всё больше ужесточала пограничные и транзитные ограничения.

В самом конце ноября в Брюсселе прошел саммит ЕС-Турция, на котором Анкаре было обещано выделить (по частям, по мере выполнения обязательств) 3 млрд евро на содержание более 2 млн беженцев, скопившихся на ее территории, и усиление пограничного контроля в обмен на облегчение визового режима для турецких граждан и возобновление переговоров о вступлении Турции в ЕС. Анкара потребовала почти вдвое больше 5 млрд евро и всю сумму сразу, деньги собраны не были, и людской поток мигрантов через Турцию не спадал.

Кровавые теракты 13 ноября 2015 г. в Париже еще больше осложнили проблемы мигрантов и вынужденных переселенцев: многие европейские страны в панике закрыли границы. Ведь у некоторых ликвидированных во Франции боевиков были найдены документы сирийских беженцев, у других – французские и бельгийские паспорта. Позднее стало известно, что подозревавшийся и скрывшийся от преследования организатор бойни в Париже А. Абауд собирался провести новые нападения, а также нарушить работу транспорта и школ. В своем окружении он хвастался, насколько легко ему было вернуться во Францию после пребывания у экстремистов в Сирии: сначала он примкнул к беженцам, направлявшимся из Сирии в Грецию, затем, формально являясь бельгийским подданным, воспользовался свободой передвижения внутри шенгенской зоны.

Новый всплеск террористической активности имел место в марте 2016 г. в столице ЕС – Брюсселе. При этом экстремисты, как выяснилось, замыслили нападения и на атомные объекты Бельгии, что привело бы к ядерной катастрофе в самом сердце Европы. Эти трагические события наглядно высветили изъяны европейской интеграции:

у стран – членов ЕС не было последовательной линии во внешней и оборонной политике, отсутствовало эффективное сотрудничество в сфере разведки и защиты внешних границ. Страны – члены Союза лишь одна за другой закрывали перед мигрантами и беженцами свои двери, Шенген «умирал».

Миграционная проблема Европы вызывала серьезную озабоченность и в Москве. Выступая в феврале 2016 г. на Мюнхенской конференции по безопасности, Председатель правительства РФ Д. А. Медведев отметил: «Появилась реальная угроза разрушения единого экономического пространства. А вслед за ним и культурного пространства, и даже самой европейской идентичности. Мы с сожалением видим подрыв нужных для России механизмов, имею в виду угрозу развала шенгенской зоны» [3]. Объясняя причины такого беспрецедентного по масштабам явления, как вал мигрантов российский Премьер указал на «безуспешные попытки пересадить модельные, «западные» образцы демократии в совершенно не подготовленную для нее социальную среду, которые привели к разрушению целых государств, превратили огромные территории в зоны военных действий». Он также отметил, что в странах, откуда уезжают люди, деградирует человеческий капитал, а вместе с ним тают перспективы развития.

К концу 2015 г., по подсчетам европейских спецслужб и экспертов, в Старый Свет перебрались, преимущественно с Ближнего Востока и из Северной Африки, более 1,5 млн мигрантов, около 4 тыс. погибли в пути или пропали без вести. По данным ООН, только с сентября 2015 г. по февраль 2016 г. в Средиземном море утонули более 340 детей беженцев, направлявшихся в Европу. В 2016 г., по прогнозам экспертов, число мигрантов могло возрасти вдвое, а четкого ответа на всё обострявшуюся проблему наплыва чужестранцев найдено так и не было.

Накануне 2016 г. массовые беспорядки, спровоцированные миграционным кризисом, вспыхнули сразу в нескольких европейских странах. В испанском городке Рокетас де Мар беженцы жгли мусорные баки и били витрины. Поводом для волнений стало убийство одного из приезжих. А на французской Корсике демонстрация в поддержку полицейского и двоих пожарных, на которых накануне напали и ранили переселенцы, переросла в погром. Несколько сотен местных жителей разгромили мечеть, выкрикивая антиисламские лозунги. А тем временем в Кале беженцы предприняли очередную попытку штурма

«Евротоннеля», чтобы попасть в Британию. Полиции удалось сдерживать толпу и не допустить сбоя в движении поездов.

Напряженная ситуация в сфере безопасности побудила руководство Бельгии, Франции, ФРГ и ряда других европейских стран существенно сократить, а в ряде случаев и вовсе отменить, праздничные мероприятия по случаю Рождества и Нового 2016 года. В Мюнхене в новогоднюю ночь из-за угроз терактов пришлось эвакуировать вокзалы. Такие меры помогали мало: в Кёльне и других немецких городах, а также в Австрии и Швейцарии, несмотря на усиленный полицейский режим, приезжие молодые люди в новогодние праздники испражнялись прямо на улицах, активно участвовали в грабежах и сексуальных домогательствах в отношении местных жительниц, некоторые из которых подверглись насилию. К тому времени спецслужбы ФРГ предупредили, что более 400 исламистов, прибывших в Германию с Ближнего Востока в качестве беженцев, были готовы нанести удары в любой момент.

По опубликованным в Швеции под напором массовых протестов и явно заниженным данным, только за последние три месяца 2015 г. беженцами из стран Африки и Ближнего Востока было совершено свыше 5 тыс. преступлений.

В наступившем 2016 г. бесчинства молодчиков из числа мигрантов, прибывавших с Ближнего Востока, продолжались: в середине января в лагере для беженцев в Венгрии они устроили бунт после предоставления к женщинам-полицейским.

В конце февраля глава полицейской службы ЕС с тревогой сообщил, что Европа столкнулась с самой высокой террористической угрозой за последние 10 лет. По его данным, на территории Евросоюза к тому времени скопилось около 5000 боевиков, прошедших подготовку в тренировочных лагерях ДАИШ. Нападений с большим числом жертв среди мирного населения можно было ожидать как от отрядов экстремистов, так и одиночек-смертников.

На волне правонарушений со стороны приезжих Австрия в середине января на время вышла из Шенгена и полностью закрыла свои границы, а Дания потребовала от эмигрантов оплаты пребывания на своей территории. Месяц спустя Вена ввела лимит на прием беженцев: в сутки в страну разрешалось въехать не более 3 тыс. человек, при этом убежище в ней могли получить лишь 80 из них. Для остальных республика, вторая по привлекательности для мигрантов после

ФРГ, принявшая в минувшем году более 90 тыс. человек, могла стать лишь транзитным государством.

Во многих городах и всях европейских государств в социальных сетях раздались призывы сформировать «отряды гражданской самообороны» – народные дружины для защиты от преступных выходов чужаков. Власти эту идею не одобрили, опасаясь самосудов. Однако они шли своим ходом: только в 2015 г. в ФРГ произошло около тысячи нападений на лагеря беженцев. В начале 2016 г. там участились поджоги приютов для мигрантов.

Рост насилия в результате наплыва беженцев и мигрантов вызвал дальнейшее обострение внутривполитической ситуации в Европе. Многие руководители стран ЕС, и А. Меркель, в частности подверглись нападкам со стороны правых националистов из-за неспособности обуздать пришельцев. Выяснилось, что правоохранители получали от властей «рекомендации» не раздувать факты преступных деяний иностранцев, дабы не обострять и так не простую внутреннюю межэтническую ситуацию. По данным проведенного во Франции в марте 2016 г. соцопроса, почти 60 % жителей страны высказались против приема мигрантов, а более 70 % – за отмену Шенгенского соглашения.

Отбиваясь от нападков правых националистов, западноевропейские руководители всё чаще прибегали к излюбленному методу перекалывания вины «с больной головы на здоровую», безосновательно возлагая ответственность за миграционный бум на Россию. Отводя такие недобросовестные попытки, Д. А. Медведев призвал искать причины наплыва мигрантов не в политике России, а в событиях, «которые привели к детонации общей ситуации в целом ряде стран, и в Сирии, и в Ливии, и в некоторых других государствах» [4].

Во второй половине марта 2016 г. между ЕС и Турцией было достигнуто соглашение о равновеликом обмене прибывших в Европу мигрантов на сирийских беженцев. Анкара, согласившаяся принять выдворяемых из Европы нелегалов, хотя и не сразу, должна была получить дополнительно 2 млрд евро. Вскоре западная пресса запестрела сообщениями правозащитных организаций о жестоком обращении турецких властей с сирийцами, спасавшимися от войны, об их насильственной депортации на родину и даже о расстреле некоторых из них [5]. Да и сами депортируемые не горели желанием отправиться назад – из благополучной Европы в беспокойную Турцию, а затем, возможно, и в Сирию и всячески сопротивлялись выполнению

заклученного без их ведома соглашения [6]. Таким образом, острота проблемы снята не была.

Всё углублявшаяся поляризация европейского общества, нарастание исламофобии были на руку исламистским идеологам, позиционировавшим «халифат» как единственно надежную опору мусульман, живших во враждебном окружении неверных и «новых крестоносцев» [7]. Их всё большее отчуждение в европейских странах проживания, нарастание в политической и повседневной жизни на континенте правонационалистических тенденций также подпитывали потоки «туристов джигида», направлявшихся на Ближний Восток повоевать за веру.

Миграционный кризис стал серьезным испытанием на прочность для всего Евросоюза, не сумевшего мобилизовать свои ресурсы для его решения. Без «подпитки» гастарбайтерами западноевропейской экономике не обойтись, поэтому можно ожидать, что в обозримом будущем приток иностранной рабочей силы на континент будет продолжаться. Руководителями ЕС предстоит немало поработать, чтобы поставить его под надежный, прежде всего антитеррористический контроль, наладить в этих целях эффективное повседневное и разностороннее сотрудничество соответствующих спецслужб.

В этой связи не обойтись и без создания международной антитеррористической коалиции, к чему постоянно призывала и призывает Россия. Западным странам стоило бы прекратить занятия «социально-политической инженерией» и отказаться от попыток навязать народам суверенных государств свои рецепты дальнейшего развития. Вся недавняя история свидетельствует об их полной контрпродуктивности, приводящей лишь к страданиям и лишениям миллионов людей, вынужденных искать приют и хлеб насущный вдали от разрушенных родных очагов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Официальный сайт Президента РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru> 27.07.15/
2. Интерфакс. 09.01.16
3. Интерфакс. 13.02.16
4. Телеканал ТВЦ. 30.01.16
5. The International Herald Tribune. 29.03.16
6. Al-Hayat (Beirut). 03.04.16
7. Asharq Alawsat (London). 05.02.16

УДК 327.35

И. В. Манохин, А. И. Емельянов

Манохин И. В., кандидат исторических наук, и.о. ректора МГЛУ;
e-mail: manokhin@linguanet.ru

Емельянов А. И., доцент кафедры политологии ИМО и СПН;
e-mail: novogot@ya.ru

РОЛЬ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ФОРМИРОВАНИИ СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

В статье рассматривается роль латиноамериканской цивилизационной идентичности, влияние, которое она оказывает на современную мировую политику. Авторами дается оценка действий государств региона по отстаиванию своих интересов на международной арене. Делается вывод о том, что схожая цивилизационная идентичность государств региона позволяет странам Латинской Америки выступать в качестве единого актора в мировом политическом процессе.

Ключевые слова: цивилизационная идентичность; региональная интеграция; Латинская Америка; мировая политика.

Manokhin I. V.

PhD (History), Acting President, MSLU; e-mail: manokhin@linguanet.ru

Emelianov A. I.

Associate Professor of the Political Science Department, MSLU;
e-mail: novogot@ya.ru

LATIN-AMERICAN CIVILIZATION IDENTITY ROLE IN THE MODERN WORLD POLITICS PROCESS

This article is dedicated to the issue of Latin-American civilization identity role in the modern world politics. This article investigates the impact that it has on the international relations. Author evaluates the Latin-American states policy of protection their interest on the international arena. The author concludes that the similar civilization identity of the Latino-American states allows them to act as a unified actor in world political process.

Key words: civilization identity; regional integration; Latin America; world politics.

В настоящее время внимание многих политиков и политологов привлекает именно латиноамериканский регион. Латинская Америка

перестает считаться исключительно поставщиком фруктов и невозобновляемых природных ресурсов, а становится всё более заметным актором на международной арене. Это обусловлено, в том числе, и тем, что здесь набирают обороты процессы цивилизационной идентификации среди народов Латинской Америки. В отличие от других, уже сложившихся цивилизаций, мы можем воочию наблюдать процессы формирования единой латиноамериканской цивилизационной сущности, из которой, вполне вероятно, в дальнейшем образуется латиноамериканская цивилизация.

В настоящее время во многих странах региона активизируются процессы осознания народами своего места в политической картине страны, желания того, чтобы их страны обладали суверенитетом, как во внутренней, так и во внешней политике, а народ жил в достатке. В результате к власти во многих странах региона приходят политические силы «левого» толка, которые выражают вышеуказанные желания простых людей и, придя ко власти, проводят всё более независимую политику, вызывая ответную реакцию стран Западного мира, которые издавна привыкли считать этот регион своей колонией, т. е. регионом, экономически зависимым от инвестиций стран так называемого золотого миллиарда.

Можно утверждать, что Латинская Америка представляет собой важный объект мировой политики, так как свои устремления в данный регион направляют основные субъекты мировой политики. Мнение отечественного эксперта В. М. Давыдова: «Латинская Америка в течение долгого времени будет оставаться объектом мировой политики ввиду обильных запасов природных ресурсов, включая углеводороды» [8, с. 37]. Следует учитывать, что Латинская Америка по-прежнему занимает довольно высокие строчки в мировом геополитическом рейтинге в силу обладания крупными запасами природных стратегических ресурсов. В 2012 г. на Латинскую Америку пришлось 51 % мирового производства серебра, 50 % лития, 45 % меди, 27 % молибдена, 25 % олова, 23% цинка и бокситов, 19 % золота и 18 % железа [27, с. 19]. Как правомерно утверждает бразильский политолог М. Бандейра: «В совокупности с наличием в Латинской Америке огромных природных богатств, биологических, минеральных, водных и земельных ресурсов, становится очевидным существование всё еще открытых возможностей для будущего роста и развития латиноамериканских народов» [22, с. 59].

Учитывая высокую привлекательность региона для ключевых акторов мировой политики, подобная объектность в международных отношениях в XXI в. может привести к десуверенизации государств региона, потере идентичности и установлению «диктатуры» новых негосударственных акторов. Об этой опасности, в частности, неоднократно заявлял лидер Венесуэлы, У. Чавес, в своих публичных выступлениях [3, с. 7]. Кроме того, по словам лидера Кубы Рауля Кастро, «независимая внешняя политика правительства, желающего благополучия своей стране, ставит под вопрос само существование такого правительства» [23]. Руководители этих государств признают опасность установления подобного мирового порядка, служащего интересам стран западной цивилизации, что ведет их к созданию и участию в различных международных организациях.

Вышеизложенное приводит страны латиноамериканского региона к тому, что у них начинают формироваться *общие интересы во внешней политике*. Выходом из данной ситуации является использование одного из компонентов цивилизационно-идентичностного фактора, а именно – интенсификации совместных действий посредством надгосударственных организаций. Кроме того, многие западные исследователи считают, что канализирование внешней политики в рамках региональных организаций служит еще одним императивом к конвергенции государств, идентифицирующих себя с определенной культурой и традициями [24, с. 78]. В данном случае речь идет о латиноамериканской цивилизационной идентичности.

По мнению ряда исследователей, в настоящее время латиноамериканская цивилизация уже обладают признаками субъекта, так как государства региона оказывают влияние на политические отношения и политическую культуру различных стран мира [14, с. 128]. Таким образом, можно говорить, что латиноамериканская цивилизация приобретает качества «актора» мирового политического процесса. Под *актором* принято понимать субъект политического процесса, который способен изменить окружающую среду [20, с. 30].

Важно отметить замечание отечественного философа Г. М. Елфинова о том, что развитие может происходить с изменением существующей системы, которое выражается в исчезновении ряда форм, ранее присущих объекту [9, с. 79]. Следовательно, можно утверждать, что относительно мировой политики формирование цивилизационной идентичности является сложным феноменом, процессом,

при котором эволюция системы осуществляется без потери системой взаимодействия государств на международной арене старых свойств и приобретением новых, затрагивающих появление цивилизационного фактора.

Появление новых геополитических акторов на основе интеграции в рамках цивилизационной близости приобретает значение в условиях необходимости решения насущных проблем Латинской Америки и защиты своих *национальных и цивилизационных интересов*. Американские исследователи выделили целый ряд интересов государств региона на фоне современных трансформаций в мировой политике. К ним следует отнести:

- обеспечение всех государств региона гарантиями против внешней агрессии со стороны других стран;
- кодификация и выработка средств защиты прав национальных меньшинств и этнических групп, наследников культуры автохтонных цивилизаций в отдельных государствах;
- формирование механизма решения региональных конфликтов без вмешательства извне;
- невмешательство государств во внутривнутриполитическую борьбу в государствах региона;
- помощь нуждающимся государствам региона с целью повышения условий для жизни населений этих стран;
- борьба с растущей криминализацией региона, наркотрафиком и терроризмом;
- сохранение окружающей среды и разумное использование природных ресурсов, являющихся достоянием латиноамериканских народов [28, с. 115–116].

Помимо действий отдельных государств, отстаивание интересов также происходит в рамках региональных наднациональных организаций, которые коллективными мерами стремятся принять участие в строительстве нового миропорядка [2; 13]. В основном это интеграционные объединения, которые проводят различные форумы и международные конференции на постоянной основе. Активными участниками этой группы являются УНАСУР и АЛБА. При этом до недавнего времени ведущей организацией в регионе считалась ОАГ, так как ее деятельность проходит под четким контролем США и служит продвижению идей «панамериканизма», «континентальной солидарности» и «общности судеб» [19]. Высокая активность именно

УНАСУР и АЛБА связана с тем, что в составе этих организаций состоит большое число государств, где у власти находятся правительства «левого» толка, а их политика направлена на суверенизацию региона от прочих стран. Отечественный исследователь В. П. Сударев выделяет четыре причины, которые формируют в обществе желания движения государства по «левому» пути развития. Те же причины привели к активизации региональных и интеграционных процессов в Латинской Америке, в результате которых к власти пришли представители «левых» сил:

1. Гегемония США в латиноамериканском регионе.
2. Негативное восприятие кубино-американского конфликта.
3. Рост национально-освободительного и антиколониального движения в различных регионах мира.
4. Политика США, направленная на необходимость сохранения экономической и политической зависимости Латинской Америки от США [17, с. 26].

В настоящее время выделяются 12 латиноамериканских стран, которые можно причислить к «левому» блоку, большинство из которых участвуют в региональных интеграционных организациях (см. табл. 1).

Таблица 1

Политическая позиция латиноамериканских стран «левого» блока

Политическая ориентация	Крайние «левые»	«Левые»	Умеренные «левые»
Характерные черты	Открытая критика и оппозиция США	Умеренная оппозиция США	Отсутствие официального антиамериканизма
Страны Латинской Америки и нынешние лидеры этих стран	Боливия (Эво Моралес)	Коста-Рика (Луис Гильермо Солис)	Бразилия (Дилма Русеф)
	Венесуэла (Николас Мадуро)	Никарагуа (Даниэль Ортега)	Уругвай (Табаре Васкес)
	Куба (Рауль Кастро)	Парагвай (Орасио Картес)	Чили (Мишель Бачелет)
	Эквадор (Рафаэль Корреа)	Перу (Ольянта Умала)	Сальвадор (Сальвадор Санчес Серен)

Помимо подобных инициатив региональных объединений, направленных на реализацию идеи о всё возрастающем влиянии Латинской Америки на мировую политику, нельзя обойти вниманием коллективную роль стран Латинской Америки в международных отношениях. Это могут быть как региональные форумы, так и деятельность стран в ООН. В основном целью государств в ходе подобных мероприятий встают вопросы, касающиеся защиты экологии, борьбы с преступностью и терроризмом, реформированием международной экономической системы и др.

В последнее время всё больше внимания уделяется ежегодным латиноамериканским саммитам, в ходе которых слышны всё более громкие заявления стран региона о повышении роли региона как в мировой политике. Например, в 2014 г. страны Латинской Америки выступили категорически против введения эмбарго на поставку определенных групп товаров, в основном продовольственных, на территорию России [15]. Несмотря на продолжающиеся уговоры стран Европейского Союза во время саммита ЕС со странами Латинской Америки, государства латино-карибского региона выступили против [10]. Подобные действия государств латиноамериканского региона нарушили планы США и их союзников по дестабилизации России.

Действия государств Латинской Америки на политической арене, а именно – дистанционирование от США и ЕС, сближение с Китаем и Россией, несут не только политические и экономические выгоды, но и отражают суть всего психоэмоционального состояния латиноамериканского общества на этапе его экзистенциального кризиса, когда осуществляется выбор пути развития, как политического, так и экономического. Сам по себе подобный кризис – это «форма перехода от одной стадии эволюции общества к другой» [1, с. 7].

Относительно государств, образующих сегодня Латинскую Америку, представляется интересным отметить и следующий факт. Учитывая, что в мире существует 193 официально признанных государства – члена Генеральной Ассамблеи ООН, 33 независимых государства – члена ООН находятся в Латинской Америке, что составляет 17 % общего числа членов этой Международной организации. При таком процентном соотношении представляется несправедливым отсутствие в Совете Безопасности ООН постоянного представителя от этого региона.

Одним из проявлений большого влияния на мировую политику стала ситуация с политикой США в Европе и их попытка

дестабилизировать ситуацию в Восточной Европе. Американские посольства в Латинской Америке развернули беспрецедентную по активности кампанию, пытаясь заставить латиноамериканские и карибские правительства «единодушно осудить» действия России в Крыму и на юго-востоке Украины [21]. Однако этот замысел не удалось реализовать. Результаты голосования на Генеральной Ассамблее ООН 27 марта 2014 г. по проекту Резолюции «Территориальная целостность Украины» дали такой расклад: Резолюцию поддержали 13 стран (среди них Мексика, Панама, Коста-Рика, Колумбия, Чили); проголосовали против 4: Венесуэла, Куба, Никарагуа, Боливия. Воздержались 14 стран: Бразилия, Аргентина, Уругвай, Эквадор, Ямайка, Парагвай, Антигуа и Барбуда, Гайана, Суринам, Доминика, Сальвадор, Сент-Китс и Невис, Сен-Винсент и Гренадины. Не голосовали Гренада и Белиз. Стоит выделить сдержанную позицию Бразилии, общепризнанного лидера Латинской Америки, члена БРИКС, страны, активно взаимодействующей с Россией на двусторонней основе. Бразилия воздержалась, несмотря на попытки представителей западных держав надавить на нее перед голосованием. Этой линии поведения Бразилия продолжает придерживаться, понимая, что во многом от нее зависит позиция остальных государств региона, поэтому отвергает любые формы инспирированной Западом антироссийской кампании.

Еще одним примером нарастающего влияния стран Латинской Америки на мировую политику является ситуация вокруг политико-правового статуса Палестинской автономии. На протяжении многих лет страны Латинской Америки поддерживали позицию США в этом вопросе и настаивали на том, что Палестина является израильской территорией. Начиная с 2009 г., государства Латинской Америки одно за другим начали признавать политическую независимость палестинского государства [26]. Это стало одним из первых проявлений совместной латиноамериканской позиции, противоположной позиции США, касательно арабо-израильского конфликта. Некоторые эксперты приходят к мнению, что подобный шаг мог быть сделан с целью обострить ситуацию на Ближнем Востоке и тем самым отвлечь США от латиноамериканских процессов [12, с. 487].

В результате это вылилось в то, что все государства Латинской Америки единым фронтом поддержали инициативу того, чтобы Палестинская автономия была признана государством-наблюдателем при ООН. Все 33 государства высказались «за», в то время как США

и некоторые их союзники были против. Это вызвало негодование в Израиле и США, так как ранее считалось, что латиноамериканские государства держат нейтралитет по данному вопросу [7].

Речь идет о разрушении привычных экономических связей в регионе и переориентация рынка, который начинал развиваться по самостоятельному пути. Уже тогда остро ощущалась угроза латиноамериканской идентичности, которая отражается в творчестве испанских исследователей М. Унамуно, М. Угарте Х. Васконселоса [1, с. 24]. Речь идет о формировании предпосылок для интеграции региона в систему, которая может обслуживать интересы населения региона и четко реагировать на все вызовы и угрозы.

Ограниченные возможности отдельных латиноамериканских стран в мировой политике создали предпосылки для консолидации внутренних региональных сил для создания надгосударственных организаций и реформирования уже существующих наднациональных политических и экономических структур, способных оказывать влияние на мировые процессы. Происходит формирование новой системы глобального управления, которая несет в себе принципы цивилизационного представительства на основе общей идентичности стран-членов таких региональных структур. В Латинской Америке это ведет к абсорбированию стран, причисляющих себя, например, к латиноамериканской цивилизации. С точки зрения международных отношений результатом становится появление нового геополитического и международного актора в лице сообщества латиноамериканских стран. В подобных группах имеются свои лидеры и свои цели, но они формируются из учета интересов всех стран латиноамериканского мира.

Формирование цивилизационной идентичности в Латинской Америке имеет своим результатом не только формирование интеграционных образований на различных уровнях, но и создает предпосылки выработке единого курса стран определенного региона. Формирование многополярного мира, подкрепленное желанием народов Латинской Америки проводить самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику, стимулировали процессы активного надгосударственного строительства для координации внутренней политической и экономической деятельности региона и способствовали координации внешнеполитического курса. Таким образом, XXI в. может ознаменовать собой время становления многополярного мира и появления международных акторов нового типа, объединенных общей идентичностью и принадлежащих к одной цивилизационной парадигме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аналитические тетради ИЛА РАН: Цивилизационная идентификация России и ибероамериканские параллели / под ред. В. М. Давыдова. – Вып. 4. – М. : ИЛА РАН, 1998. – 70 с.
2. Белозеров В. К. Особенности геополитической картины современного мира // Россия и мусульманский мир. – 2013. – № 1. – С. 11–16.
3. Боливарианский проект и перспективы российско-венесуэльского партнерства / под ред. В. Н. Давыдова. – М. : ИЛА РАН, 2005. – С. 7.
4. Букова И. А. Тенденция регионализации и «левый поворот» в странах Латинской Америки: дис. ... канд. полит. наук. – М., 2011. – 156 с.
5. Булавин В. И., Дабагян Э. С., Семенов В. Л. Венесуэла в поисках альтернативы. – М.: ИЛА РАН, 2002.
6. Виноградова Е. А. Роль стратегической коммуникации во внешней политике АЛБА (на примере отношений со странами ЕС): автореф. ... канд. полит. наук. – М., 2015. – 29 с.
7. Генеральная Ассамблея ООН 138 голосами «за» предоставила Палестине статус государства-наблюдателя при ООН, не являющегося ее членом. // Официальный сайт ООН. – URL: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?newsID=18697#.ULf2q-RWYSo>
8. Давыдов В. М. Вопросы национальной безопасности в Латинской Америке // 2013 год. Научно-методические вопросы международной безопасности / под. ред. Н. Н. Успенского. – М. : Известия, 2014. – С. 37.
9. Елфимов Г. М. Возникновение нового: филос. очерк. – М. : Мысль, 1983. 79 с.
10. ЕС и Латинская Америка сближаются и расходятся // Euronews. – 2015. 11 июня.
11. Иberoамерика в глобализирующемся мире: проблемы и перспективы / под ред. В. П. Сударева. – М. : ИЛА РАН, 2013. – 9 с.
12. Карякин В. В. Цивилизационная антропология американского экспансионизма: от доктрины Монро к глобальному лидерству // Международные отношения, 2013. – № 4. – С. 487–495.
13. Касюк А. Я., Харичкин И. К. Внешние угрозы национальной безопасности Российской Федерации и перспективы их нейтрализации // Вестник МГУ. Серия 12: Политические науки. – 2015. – № 1. – С. 25–34.
14. Кузык Б. Н., Яковец Ю. В. Цивилизации: теория, диалог, будущее. – Т. 1: Теория и история цивилизаций. – М. : Институт экономических стратегий, 2008. – 768 с.
15. Миронов В. ЕС хочет отговорить Латинскую Америку от экспорта продуктов в РФ // Российская газета. – 2014, 12 августа.

16. Пятаков А. Н. Латиноамериканский альтерглобализм – новый фактор региональной политики: автореф. ... канд. полит. наук. – М., 2007. – 28 с.
17. Сударев В. П. «Левый поворот» в Латинской Америке: причины, содержание, последствия. – М. : ИЛА РАН, 2007. – С. 26.
18. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций – М. : АСТ, 2003. – 214 с.
19. Хартия Организации американских государств от 30 апреля 1948 г. – URL: http://www.oas.org/dil/treaties_A-41_Charter_of_the_Organization_of_American_States.html
20. Цыганков П. А. О содержании термина «международный актор»: вклад социологии // Пространство и время в мировой политике и международных отношениях: материалы 4 конвента РАМИ: в 10 т. / под ред. А. Ю. Мельвиля. – Т. 1: Акторы в пространстве и времени мировой политики / под ред. М. М. Лебедевой. – М. : МГИМО(У), 2007. – 709 с.
21. Черняк И. Сергей Лавров завершил визит в страны Латинской Америки // Российская газета. – 2014. 2 мая.
22. *Bandeira M.* Formação do Império Americano (Da guerra contra a Espanha à guerra no Iraque). – Brasil, Rio de Janiero: Civilização Brasileira, 2006. – P. 59.
23. *Castro R.* El discurso de Evo // *Diario Granma*. – 2010. 24 de noviembre.
24. Civilization identity: the production and reproduction of “civilizations” in international relations / ed. by M. Hall and P. Thaddeus Jackson. – N. Y., US : Palgrave Macmillan, 2007. – 242 p.
25. The Politics of Global Governance. International Organizations in an Independent World / ed. by P. F. Diel. – GB, London : Lynne Rienher, 2010.
26. Latinoamérica reclama un nuevo reparto de poder // *El País*. – 2011. 21 de septiembre.
27. *Manuelito S., Jiménez L.* Rasgos estilizados de la relación entre inversión y crecimiento en América Latina 1980–2012 // *Revista de la CEPAL*. – Santiago de Chile. – 2015. – № 115. – P. 19.
28. The Politics of Global Governance. International Organizations in an Independent World / Ed. by P. F. Diel. – GB, London : Lynne Rienher, 2010. – P. 115–116.

УДК 31.019.57

И. В. Манохин, Ю. А. Михалёв

Манохин И. В., кандидат исторических наук, и.о. ректора МГЛУ;
e-mail: manokhin@linguanet.ru

Михалёв Ю. А., доцент, кандидат политических наук, доцент кафедры
политологии МГЛУ; e-mail: mihalevyri@yandex.ru

ТЕРРОРИЗМ КАК ГЛОБАЛЬНАЯ УГРОЗА ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ

В статье рассматриваются угрозы терроризма для государств, общества, личности в современном мире. Авторы раскрывают основные факторы, определяющие нарастание опасности терроризма, анализирует социально-экономическую и общественно-политическую обстановку в России и мире, выделяя предпосылки, способствующие развитию терроризма, и делают вывод о том, что терроризм превратился в высокой степени опасный и долгосрочный фактор развития современного общества, оказывающий на его развитие серьезное дестабилизирующее воздействие.

Ключевые слова: терроризм; международный терроризм; национальная безопасность; глобализация.

Manokhin I. V.

PhD (History), Acting President, MSLU; e-mail: manokhin@linguanet.ru

Mikhalev Y. A.

Associate Professor of Political Science Department, Doctor of Political Science, Docent; e-mail: mihalevyri@yandex.ru

TERRORISM AS A GLOBAL THREAT TO HUMANITY

The article discusses the threat of terrorism for States, society and the individual in the modern world. The author reveals the main factors determining the growing danger of terrorism, analyzes the socio-economic and socio-political situation in Russia and the world, highlighting the preconditions conducive to the development of terrorism and concludes that terrorism has become highly dangerous and long-term factor in the development of modern society, which renders its development a serious destabilizing effect.

Key words: Terrorism; International terrorism; National security; globalization.

Проблемы безопасности во всех странах являются предметом самого пристального внимания со стороны руководителей, политиков, силовиков, а также научных кругов. Подобный интерес к данным проблемам вполне понятен, так как они затрагивают наиболее важные

стороны жизнедеятельности человека, общества и государства. Всего за три последних десятилетия террористическая угроза приобрела качественно новое содержание, которое позволило многим аналитикам и исследователям проблемы заявить о появлении «терроризма новой волны» [8, с. 27.]. Основной чертой современного терроризма, являющегося «продуктом» глобализации и социально-экономического расслоения общества в современном мире, стало то, что он не останавливается в рамках одного региона. Террористические организации сегодня могут быть в состоянии завладеть и применить оружие массового уничтожения, что может привести к катастрофическим последствиям не только для отдельного региона, но и для всего мирового сообщества. Таким образом, отличием современного терроризма от терроризма прошлых веков является и то, что ранее терроризм не угрожал в целом обществу как таковому, он не затрагивал самих основ жизнедеятельности общества. Его вертикальная и горизонтальная эскалация, смена мотиваций, расширение диапазона методов, приемов и применяемых средств позволяют прийти к печальному выводу. Терроризм, выведя уникальную восходящую траекторию, за ничтожный по продолжительности исторический период времени из маргинальной практики превратился в политическую стратегию, став глобальной транснациональной угрозой [6].

Сегодня терроризм является фактором глобального значения, с которым приходится считаться любому правительству как в своей внутренней, так и во внешней политике [1].

Основные факторы, определяющие нарастание опасности терроризма, следующие:

- во-первых, в общем росте политического экстремизма в большинстве регионов мира, распространении в мировой политике и внутриполитическом противоборстве практики применения насилия – вне форм вооруженной борьбы или наряду с ними – для достижения отдельными политическими движениями, партиями и организациями политических целей;
- во-вторых, в вовлечении все более значительных слоев и групп населения (прежде всего на националистической основе) в различные течения политического экстремизма. И это наблюдается на всех континентах мира, особенно в таких регионах, как Ближний и Средний Восток, Латинская Америка, Северная Африка, Юго-Восточная Азия, Европа и др.;

– в-третьих, во все более широком применении как международным, так и внутренним терроризмом особо опасных форм и методов политически мотивированного насилия (например, так называемого массового терроризма) и увеличения потенциала наиболее разрушительных средств осуществления террористических акций, к которым при определенных условиях могут обратиться экстремисты (например, различные средства массового поражения людей, в том числе химически и биологические средства, ядерные устройства и т. п.);

– в-четвертых, в изменении тактики террористических организаций различной идейно-политической направленности в сторону выбора в качестве объектов применения силы или угрозы ее применения граждан, не относящихся к политическим противникам террористов (персонал различных учреждений, места скопления людей: вокзалы, рынки, зрелищные заведения и т. п.), а также объектов, представляющих повышенную опасность для окружающих (АЭС, воздушные суда и т. п.). Более 300 детей и взрослых погибших в сентябре 2004 г. в школе Беслана, теракты в Париже, Брюсселе и т. д. показали, что едва ли не любой человек может оказаться жертвой терроризма.

Повышение общественной опасности терроризма для внешней и внутренней безопасности многих государств Европы, в том числе и для Российской Федерации, как и для многих стран мира, вполне очевидно. Ибо террор – оружие универсальное, берется на вооружение любыми радикалами [7, с. 101]. Это находит подтверждение в нарастании количества политически мотивированных преступлений в последние годы, в увеличении числа жертв терроризма, в распространении пропаганды насилия как якобы допустимого способа ведения политической борьбы. Согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г., одним из «основных источников угрозы является деятельность террористических организаций, наличие вооруженных конфликтов вблизи государственной границы, дезорганизация нормального функционирования органов государственной власти, уничтожение военных и промышленных объектов, предприятий и учреждений, обеспечивающих жизнедеятельность общества и население страны» [4, с. 61].

Имея достаточно глубокие социальные корни, формируясь на основе противоречий и столкновений интересов различных общественных слоев и групп, в атмосфере напряженности и нестабильности, в условиях углубления политической конфронтации, кризиса

правопорядка и законности в России подобные террористические проявления могут иметь весьма широкий масштаб.

Таким образом, терроризм как вызов безопасности, характеризуется неуклонным ростом его общественной опасности как на международной арене, так и внутри современного государства [3].

Терроризм за последние несколько десятилетий превратился не только в широко распространенный феномен социально-политических отношений в основных регионах мира, но и приобрел социальную устойчивость.

В странах, относящихся к западной модели общественного устройства, существуют противоречия, которые долгое время являются источником «правого» и «левого» экстремизма и, как следствие, международного терроризма. В современных условиях появились и приобретают все более опасный и длительный характер новые противоречия. Часть из них имеет социально-экономическую и политическую основу, в значительной мере затрагивает многие страны, относящиеся к прежним противостоящим общественным системам, и связана с мощными миграционными процессами, чреватými острыми межнациональными конфликтами [2].

Другая часть новых противоречий стала опасно проявлять себя как источник противоправного политического насилия вследствие качественного изменения геополитической обстановки в отдельных регионах мира, в первую очередь, в Африке, на Балканах, в Закавказье, на Ближнем Востоке и в Средней Азии.

Одним из явно прослеживаемых вызовов безопасности со стороны современного терроризма является усложнение его содержания и форм, которое касается буквально всех элементов, составляющих данное социально-политическое явление.

Научно-техническая и информационная революции оставили свой след (причем в самом отрицательном смысле) на развитии терроризма. Формирование основных элементов содержания терроризма в направлении его усложнения, расширения возможностей для достижения политических целей, увеличения его потенциала насилия и устрашения находит закономерное выражение в системе форм террористической деятельности. Наряду с изначальной формой – физическим устранением политического противника (террористический акт) – в рассматриваемой системе важнейшее место заняли захват

заложников, взрывы и использование огнестрельного оружия в общественных местах (терроризирование населения), общественно опасные разрушения отдельных видов предприятий, захват и угон транспортных средств, посылка по почте мин-ловушек, спор смертоносных болезней и т. п.

Таким образом, возможность использования последних достижений научно-технического прогресса в террористических целях (телефонного терроризма, информационного терроризма и т. п.) следует рассматривать как вызов национальной безопасности Российской Федерации [5].

Изучение современного терроризма как вызова безопасности показывает, что он превратился в высокой степени опасный и долговременный фактор развития современного общества, оказывающий на его развитие серьезное дестабилизирующее воздействие. Эволюция целей, средств и методов терроризма превратила его в серьезную угрозу для жизненно важных интересов общества, государства и личности в большинстве стран мира. Иными словами, усложнение содержания форм и методов, усиления его информационно-технологической составляющей, характеризует его в целом, как новый вызов национальной и международной безопасности.

Эффективность борьбы с терроризмом, очевидно, будет зависеть от адекватности той системы мер, которую создает мировое сообщество, каждое конкретное государство. Действенность такой системы мер в решающей степени зависит от объективности и своевременности выявления изменений, которые происходят в содержании, организации и тактике терроризма, от глубины анализа этих изменений, которые происходят в содержании, организации и тактике терроризма, от глубины анализа этих изменений и прогнозирования их дальнейшего развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации // Российская газета. 20 октября 2009 г.
2. Приоритетные направления стратегии национальной безопасности Российской Федерации: коллективная монография. – Ростов н/Д. : СКАГС, 2011. – 676 с.
3. *Рукавицын П. М.* Сохранение национальной идентичности странами запада в условиях этнодемографического вызова // Геополитика.

- Международные отношения. Социология. – М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2012. – С. 224–232. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 25 (658). Сер. Исторические и политические науки).
4. Синчук Ю. В. Россия и основные геополитические силы в современном мире // Геополитика и безопасность. – 2012. – № 3 (19). – С. 60–65.
 5. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации на период до 2020 г. // Российская газета. 13 мая 2009 г.
 6. ФСБ России. Правовое регулирование деятельности федеральной службы безопасности по обеспечению национальной безопасности РФ: Научно-практический комментарий / под ред. В. Н. Ушакова, И. Л. Трунова. – М.: Эксмо, 2006. – 380 с.
 7. Харичкин И. К. О понятии «политическое управление» // Вестник университета (Государственный университет управления). – 2012. – № 4. – С. 99–103.
 8. Щекочихина Т. Н. Терроризм как угроза национальной безопасности России // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. – 2008. – № 4. – С. 27–34.

УДК 31.019.57

И. Ю. Никодимов

доктор юридических наук, профессор кафедры правоведения МИРЭА;
e-mail: inikodimov@rambler.ru

ФОРМИРОВАНИЕ АНТИКОРРУПЦИОННОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ У МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЙ АСПЕКТ КОМПЛЕКСНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

В современных условиях формирования мировоззрения молодежи основное место занимают гуманитарные дисциплины, такие как русский язык, литература, история в средних школах, а также философия, правоведение, история и другие предметы в вузах. Однако при внедрении дополнительных курсов лекций «Общие аспекты противодействия коррупции» было выявлено некоторое отставание большинства студентов в вышеназванных гуманитарных дисциплинах. Поэтому следует обратить внимание на преподавание гуманитарных дисциплин в современной средней и высшей школе. Кроме того, необходимо внедрение современных методов автоматизации процесса обучения. На примере МИРЭА дается положительный пример внедрения программно-аппаратных средств автоматизации процесса обучения. Использование методов дистанционного и аудиторного обучения одновременно создает уникальный прецедент «гибридного» обучения, который наиболее полно отвечает требованиям современной высшей школы.

Ключевые слова: антикоррупционное мировоззрение; программно-аппаратные средства автоматизации процесса обучения; электронные курсы Moodle.

Nikodimov I. U.

PhD (Doctor of Law), Professor, Law Department, Moscow Technological University (MIREA); e-mail: inikodimov@rambler.ru

YOUNG GENERATION ANTI-CORRUPTION MINDSET FORMATION AS KEY ASPECT OF COMPREHENSIVE STATE SECURITY

In modern conditions the formation of world youth basic stance is humanitarian disciplines, such as Russian language, literature, history in secondary schools and in philosophy, law, history, etc. in the system of higher education. However, the introduction of additional courses of lectures on «General aspects of fighting corruption» was found to slightly lag the majority of the aforementioned students in the Humanities. Therefore, you should pay attention to the teaching of the Humanities in the modern system of secondary and higher education. In addition it is necessary to introduce modern methods of automation of the educational process. On the example of MIREA given a positive example of the implementation of hardware-

software means of automation of the learning process. The use of methods of remote and classroom training, at the same time creates a unique precedent hybrid training that best suits the requirements of modern higher school.

Key words: the anti-corruption world view; software and hardware automation of the learning process; Moodle electronic courses.

Формирование патриотического мировоззрения у молодого поколения является одной из актуальнейших проблем современного государства. Если 30 лет назад, когда господствовала теория технократного общества, когда наиболее востребованной была теория идеологизации, когда было полное ощущение, что современное общество построено, и антагонистические противоречия прекращаются. Граница между капитализмом и социализмом стирается, капитализм становится народным, а в социализм привносятся элементы социалистической конкуренции. Именно это ощущение прекращения геополитической конкуренции руководством СССР, а затем и независимой новой России привело к цепочке катастрофических геополитических последствий и распаду государства. Поэтому недооценка формирования правильного мировоззрения, особенно среди руководства государства, имеет первостепенное значение для безопасности страны¹.

Формирование антикоррупционного мировоззрения является одной из составляющих социально-мировоззренческой компетенции. Именно этому направлению МИРЭА (Московский государственный университет информационных технологий, радиотехники и электроники) уделяет особое внимание. Это связано с рядом указов (Федеральный закон от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», Указ Президента РФ от 19 мая 2008 г. № 815 «О мерах по противодействию коррупции», Федеральный закон от 6 декабря 2011 г. № 395-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением ротации на государственной гражданской службе», Указ Президента РФ от 8 июля 2013 г. № 613 «Вопросы противодействия коррупции», Указ Президента РФ от 11 апреля 2014 г. № 226 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2014–2015 гг.», Указ Президента Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 120 «О некоторых вопросах противодействия коррупции» и т. д.) Президента РФ и Премьер-министра РФ, а также общим осознанием того, что неучитывание данной тематики может при-

¹ Выступление В. Ю. Голубовского на Первом всероссийском совещании по вопросам обеспечения комплексной безопасности вузов.

вести к дополнительным проблемам государственного управления и государственного устройства. Тем более, что недавний опыт прошлого и современный опыт нашего соседа – Украины показывает, к чему может привести в плане государственного устройства неучитывание актуальности такой работы, как противодействие коррупции [2].

В первую очередь в МИРЭА был разработан курс лекций по противодействию коррупции на 16 часов для студентов; «Общие вопросы противодействия коррупции». Кроме того, по заданию Министерства был разработан и внедрен курс «Актуальные вопросы противодействия коррупции» для преподавателей, который составил 36 часов, т. е. одну зачетную единицу по терминологии ФГОС-3.

Вместе с тем, для более полного и глубокого освоения данных дисциплин, был разработан курс «Современные системы обучения», где предлагается использовать современные системы программирования для интенсификации и углубления учебного процесса.

Созданный дистанционный курс не только дает возможность ученику, не посетившему занятие, получить доступ к пропущенному материалу и проверить его знания автоматизированно. Формируется информационная среда, к которой ученик может получить доступ в любое время при наличии у него компьютера или мобильного устройства, подключенного к Интернету.

Многие вузы при внедрении информационных технологий в управление учебным процессом сталкиваются с отсутствием подходящего открытого программного обеспечения, а также высокой стоимостью имеющихся на рынке решений.

Основными требованиями к инструментам для дистанционного обучения являются: а) доступность; б) надежность; в) функциональность; г) техническая поддержка.

Задачи: организация дистанционного обучения; дистанционная поддержка очного обучения.

Электронные курсы, с которыми будем работать в Moodle, представляют собой интерактивное online-дополнение к учебным аудиторным курсам и позволяют изучать новые материалы, выполнять задания, участвовать в форумах-обсуждениях и семинарах, взаимодействовать с преподавателем и другими студентами, вести свой блог, просматривать свои оценки и многое другое. Учебные материалы электронных курсов постоянно обновляются, пополняются

и доступны в любое время и в любом месте, что позволяет сделать обучение более удобным и эффективным.

Координацию проекта осуществляет Австралийская компания Moodle PTY Ltd., основателем которой является лидер проекта Martin Dougiamas. СДО Moodle является одной из самых популярных сред дистанционного обучения в мире. Количество зарегистрированных инсталляций приближается к 50 тыс. Система используется в десятках тысяч учебных заведений в более чем 200 странах мира и переведена на 75 языков, в том числе на русский. Moodle давно и успешно используется в России и странах СНГ. По своим возможностям Moodle выдерживает сравнение с известными коммерческими системами управления учебным процессом и в то же время выгодно отличается от них тем, что распространяется в открытых исходных кодах, – это дает возможность настроить ее под особенности каждого образовательного проекта, дополнить новыми сервисами.

В процессе обучения Общего курса противодействия коррупции было обнаружено, что основная масса выпускников средних школ не обладают необходимыми социально-мировоззренческими компетенциями, которые необходимы для освоения данной программы.

Для более широкого и скорейшего внедрения данных установок был внедрен также курс «Актуальные проблемы противодействия коррупции». Данный курс предполагается подготовить для преподавателей и руководителей вуза. Во время внедрения данной программы выяснилось, что основная масса преподавателей ссылается на статистику и аналитические материалы некоммерческой организации «Транспаренси интернешнл». В своей предыдущей статье автор уже останавливался на том, что апеллировать к оценкам данной организации при попытке оценить реальный уровень коррупции в государстве не совсем корректно. Однако сделать вывод относительно подготовленности профессорско-преподавательского состава можно однозначно. ППС не готов к обсуждению данной проблемы. Поэтому был сделан вывод, что на уровне технических вузов, как минимум, необходимо увеличить подготовку профессорско-преподавательского состава в плане увеличения количества часов гуманитарной направленности.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что на опыте внедрения курсов противодействия коррупции в МИРЭА технические характеристики программ находятся на высоком уровне. Поэтому их

можно рекомендовать к использованию в других вузах, а количества часов гуманитарной направленности, формирующих мировоззрение будущего поколения (философия, история, противодействие коррупции и т. д.), явно недостаточно, что требует особого внимания для рассмотрения в соответствующих инстанциях или усиления подвижного движения преподавателей [3]. В противном случае безопасность нашего государства находится под угрозой, что показывают события в Украине.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Голубовский В. Ю.* Противодействие терроризму. Проблемы XXI века. – COUNTER-TERRORISM. – 2011. – № 2. – С. 34–36.
2. *Никодимова К. И., Никодимов И. Ю., Новикова Н. Г.* Оценка коррупционных рисков. Бизнес в законе // Экономико-юридический журнал. – 2015. – № 3. – С. 243–246.
3. *Никодимова К. И., Никодимов И. Ю., Новикова Н. Г.* // Инновации и инвестиции. – 2015. – № 6. – С. 245.

УДК 008(4)

А. В. Саблуков, И. В. Манохин

Саблуков А. В., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии ИМО и СПН МГЛУ; e-mail: asablukov@mail.ru

Манохин И. В., кандидат исторических наук, и.о. ректора МГЛУ; e-mail: manokhin@linguanet.ru

МЕСТО И РОЛЬ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ МОЛОДЕЖИ В ВОСПИТАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ И ЕГО ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

В современном глобализирующемся мире проблема межэтнических и межконфессиональных отношений выходит на первый план. Для России как многонациональной и поликонфессиональной страны вопрос формирования культуры отношений, взаимной толерантности между представителями различных национальностей и вероисповеданий приобретает особую значимость. В данной статье на основе материалов проведенного исследования предпринята попытка не только определить сущность и содержание понятия «этнокультурное развитие», но и предложены цели этнокультурного развития молодежи.

Ключевые слова: этнокультурное развитие; этнокультурное образование; этнокультурное воспитание; этнокультурная компетентность; этнокультурная толерантность; воспитательный процесс; этничность; культура.

Sablukov A. V.

PhD (2nd degree), Professor, Institute of International Relations and Social and Political Sciences in MSLU; e-mail: asablukov@mail.ru

Manokhin I. V.

PhD (History), Acting president, MSLU; e-mail: manokhin@linguanet.ru

PLACE, ROLE AND MAIN DIRECTIONS OF ETHNO-CULTURAL DEVELOPMENT OF YOUTH IN EDUCATIONAL PROCESS

In the modern globalized world the problem of interethnic and interfaith relations comes to the fore. For Russia as a multinational and poly-confessional country, the question of cultural relations and mutual tolerance between representatives of different nationalities and religions acquires special importance. This article attempts not only to define the nature and content of the notion «ethno-cultural development», but also but to suggest objectives of ethno-cultural youth development.

Key words: ethno-cultural development; ethno-cultural education; ethno-cultural fosterage; ethno-cultural competence; ethno-cultural tolerance; educational process; ethnicity; culture.

Этнокультурное развитие молодежи в условиях унифицирующего влияния глобализации является важной задачей социальной политики государства, особенно в таких многонациональных и поликонфессиональных странах, как Россия. Особую актуальность этой проблеме в нашей стране придает тот факт, что, как свидетельствуют результаты ряда исследований, проведенных в последние годы, в обществе происходит нарастание интолерантных настроений, ведущих к обострению напряженности в межнациональных и межконфессиональных отношениях [1; 6]. Этнокультурное развитие позволяет сформировать в молодежной среде толерантное отношение к представителям различных этноконфессиональных общностей и навыки межкультурного общения, способствует профилактике межнациональных конфликтов.

В данном контексте представляется весьма актуальным проведенное группой ученых Московского государственного лингвистического университета исследование по анализу этнокультурного развития и профилактики экстремизма в молодежной среде.

Следует отметить, что, как показало исследование, несмотря на актуальность проблемы, теоретические и методологические аспекты непосредственно самого понятия «этнокультурное развитие» не получили должной научной разработки. Как правило, в научной литературе доминирует педагогический подход, в рамках которого, прежде всего, рассматривается образовательный аспект этнокультурного развития. Исследователи преимущественно проводят анализ смежных процессов, таких как этнокультурное образование, этнокультурное воспитание, которые являются только составляющими общего процесса этнокультурного развития (А. Б. Афанасьева, Е. С. Бабунова, М. И. Григорьева, Н. Н. Журавлева и другие). В работах ученых, посвященных этнокультурному образованию, нередко речь идет о более узких направлениях педагогики, а именно – о народной педагогике (К. Д. Ушинский), этнопедагогике (Г. Н. Волков), направленных, скорее, на обучение в соответствии со знаниями и опытом, артефактами народных масс, конкретного этноса.

Безусловно, этнокультурное образование имеет высокую значимость в развитии личности, и его роль раскрыта в «Национальной доктрине образования в Российской Федерации», которая определяет цели воспитания и обучения, пути их достижения посредством государственной политики в области образования, ожидаемые результаты

развития системы образования на период до 2025 г. В доктрине одной из первостепенных целей ставится обеспечение исторической преемственности поколений; сохранение, распространение и развитие национальной культуры, воспитание бережного отношения к историческому и культурному наследию народов России, а также развитие культуры межэтнических отношений и гармонизацию национальных и этнокультурных отношений [7, с. 3].

В рамках педагогического подхода некоторые исследователи определяют этнокультурное образование как «целенаправленный педагогический процесс приобщения учащихся к этнической культуре (или культурам) в учреждениях дошкольного, общего, дополнительного и профессионального образования, на основе взаимодействия с семьей, учреждениями культуры и средствами массовой информации» [5, с. 28]. В данном определении делается акцент на субъектов, реализующих данный процесс, но цели и специфика этнокультурного образования остаются нераскрытыми. Неправоммерно было бы предполагать, что в условиях глобализации, развития мультикультурного мира, этнокультурное развитие означает приобщение только к одной этнической культуре, и только посредством педагогического процесса.

Этнокультурное развитие как общий сложный и многогранный процесс формирования этнокультурной компетентности молодежи предполагает более широкое понимание данного процесса. Само понятие «этнокультура» может быть проинтерпретировано в рамках различных трактовок. Часто понятие «этнокультура» ставят в один синонимичный ряд с такими понятиями, как «народная культура», «этническая культура», тем не менее, существуют определенные различия между ними. Так, понятие «народная культура» делает акцент на социальном аспекте народа (культура социальных слоев, социальная структура: В. Е. Гусев, М. С. Каган, А. Ф. Камаев и другие). Понятия «этническая культура» и «культура этноса» ряд исследователей отождествляют, другие разграничивают (Т. Г. Грушевицкая, В. И. Козлов, А. П. Садохин). В целом же, этнокультуру можно определить как «совокупность традиционных ценностей, отношений и поведенческих особенностей, воплощенных в материальной, духовной, социальной жизнедеятельности этноса, сложившихся в прошлом, развивающихся в исторической социодинамике и постоянно обогащающих этнической спецификой культуру в различных формах самореализации людей» [2, с. 190]. Также важным теоретико-методологическим

аспектом анализа этнокультурного развития является выявление роли этнической составляющей в понятии «этнокультурное». Понятие «этничность» (ethnicity) относительно новое понятие, которое начало употребляться только после Второй мировой войны в дискуссиях американских ученых. Тогда как понятие «этническое», напротив, уже несколько веков употребляется с неизменной отсылкой к экзотичным, чуждым, языческим культурам и религиям. В XIX в. в нашем современном понимании понятие «этнический» связывали с отношением к той или иной этнической группе (этносу). Другими словами, понятие «этническое» было предназначено для дифференциации «других», «аут-групп». Таким образом, «этническое» в понятии «этнокультурное» указывает на разнообразие этнических общностей, их социокультурных особенностей. Тогда как «культурное» характеризует общепринятую систему ценностей и норм доминирующего этноса. Следовательно, под этнокультурным развитием следует понимать процесс приобщения к ценностно-нормативной системе доминирующего в конкретном обществе этноса (нации), а также формирование условий, обеспечивающих преемственность этнических культур. Так, в проекте концепции Федеральной целевой программы «Этнокультурное развитие регионов России (2006–2008)» аналогичным образом под этнокультурным развитием понимается «социально-экономическое, культурное и духовное развитие этнокультурных сообществ России, учитывающее как этническое и религиозное многообразие страны, так и стратегический приоритет по формированию общероссийской идентичности у всех граждан России вне зависимости от их национальной и конфессиональной принадлежности» [10, с. 3]. Анализ результатов экспертного интервью также показал широкий спектр подходов к пониманию этнокультурного развития молодежи, тем не менее, можно выделить и общие доминанты в мнениях экспертов.

Во-первых, этнокультурное развитие предполагает не только знание своей этнической культуры, но и ознакомление с разными культурами: «Только благодаря узнаванию у человека формируется культура, когда он знает традиции разных народов, обычаи, только тогда он может уважать различные национальности, культуры этносов и соответственно может считать себя “этнокультурно-развитым человеком”».

Во-вторых, эксперты особым образом выделяют основы этнокультурного развития молодежи, которые одновременно являются

и ожидаемыми результатами данного процесса – знание, уважение, толерантное отношение к представителям различных культур:

- «Это развитие молодежи, основанное на знании и уважении культуры разных народов».

- «Это совокупность уважения, знания, осведомленности об истории народов, традициях, а также об антропологических, религиозных и этнических особенностях».

- «Этнокультурное развитие молодежи для меня – культивация в молодежи толерантности, уважения, интереса к другим культурам».

- «Повышение информированности о других этносах, конфессиях и культурах, развитие навыков межэтнического и межкультурного взаимодействия» и др.

Вместе с тем, некоторые эксперты подчеркивают необходимость сохранения, прежде всего, собственной этнической культуры, но только при условии ее не противоречия общепринятым ценностям и нормам социума:

- «Этнокультурное развитие заключается в сохранении собственных традиций при одновременной адаптации молодежи к общим ценностям данного социума (образовательным, политическим, спортивным и др.)».

- Этнокультурное развитие молодежи – то развитие, при котором сохраняется этническая культура. Сохранение собственной культуры при условии отсутствия конфликтных ситуаций с теми культурами, среди которых человек живет, т. е. если узбек приехал в Москву, ему важно сохранить свою культуру, но при этом есть уточнение, что эта культура не должна вызывать резко негативное отношение окружающих».

Подобный подход к пониманию сущности этнокультурного развития во многом совпадает с государственной трактовкой, обозначенной в вышеупомянутой Федеральной целевой программе, согласно которой этнокультурное развитие предполагает общее культурное развитие и формирование общероссийской идентичности у всех граждан России, а также развитие и поддержание этнорелигиозной преемственности каждой этноконфессиональной общности. Таким образом, целью этнокультурного развития представляется формирование межкультурной толерантности посредством повышения осведомленности как о своей этнической культуре, так и культурах других

этноконфессиональных общностей. Под межкультурной толерантностью следует понимать терпимое отношение представителей одних этноконфессиональных общностей к другим, основанное на консенсусе и способствующее достижению без насилия взаимного понимания и согласованию отличных ценностей, норм, а также мотивов, установок, ориентаций. Формирование межкультурной толерантности реализуется в рамках двух основных процессов – этнокультурное образование и воспитание, которые имеют взаимодополняющий характер. В ходе образовательного процесса обучающиеся обеспечиваются знаниями о социокультурных особенностях различных этноконфессиональных общностей, социальных последствиях этноконфессиональных конфликтов и т. п., тогда как в рамках воспитательного процесса формируется понимание данных отличий, процессов, с релятивистских позиций (не этноцентристских).

Этнокультурное развитие играет первостепенную роль в воспитательном процессе молодежи, поскольку позволяет сформировать разносторонне развитую, этнокультурно компетентную личность. С одной стороны, культивируется патриотизм, любовь к Родине, чувство принадлежности к единой нации; с другой – вырабатывается, лишенная этноцентризма, этническая и конфессиональная идентичность. Даже в самом понятии воспитательного процесса заложены основы этнокультурного развития. Так, согласно Федеральному закону от 29 декабря 2012 г. № 273, «Об образовании в Российской Федерации» под воспитанием понимается «деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающегося на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства» [12, с. 4].

Причем, если говорить о воспитании в рамках образовательных учреждений, этнокультурное развитие должно быть интегрировано на всех стадиях воспитательного процесса. Этнокультурное развитие необходимо начинать в дошкольных образовательных учреждениях, поскольку дошкольное образование играет ключевую роль в первичной социализации детей, в ходе которой формируется «костяк» личности. Агрессивное поведение с чертами этнической и религиозной неприязни возникает на ранних стадиях индивидуального развития, и если оно остается без должного внимания, то может закрепиться или обостриться по мере взросления индивида. Следовательно, чем

скорее начнется работа с моделями агрессивного поведения, тем больше шансов избежать агрессивного поведения во взрослой жизни [3, с. 100].

Дошкольное образование позволяет с ранних лет с помощью образовательных средств развить межкультурную толерантность, и в том числе сформировать гражданскую и этническую идентичность, а также культурную идентичность жителя того или иного конкретного региона. Причем на уровне дошкольного образования особое внимание должно быть сосредоточено именно на воспитательном процессе, нежели на учебно-образовательном. При этнокультурном развитии на стадии воспитания в дошкольных образовательных учреждениях необходимо помимо организации мероприятий, нацеленных на повышение уровня знаний о других культурах, развитие взаимоуважения вне зависимости от национальных, религиозных и других признаков для всех детей, важно активно проводить мероприятия, направленные на интеграцию детей мигрантов. Формирование базовой ценностно-нормативной системы социума в раннем возрасте позволит избежать в будущем, в частности в подростковом возрасте, проблем этнокультурного развития.

Этнокультурное развитие играет особую роль в воспитательном процессе в рамках школьного образования, поскольку большая доля актов насилия и нетерпимости происходит в стенах общеобразовательных учреждений и непосредственно за ее пределами, там, где дети и подростки проводят значительную часть времени и устанавливают социальные отношения [3, с. 101].

На уровне школьного образования необходимо в большей степени повышать уровень осведомленности о других культурах в рамках образовательно-воспитательного процесса, нежели в дошкольных учреждениях. В школах (основное общее и среднее образование) обучающиеся способны воспринимать большее количество информации, более серьезного характера и могут обсуждать те или иные вопросы, касающиеся толерантности, межнациональных и межрелигиозных отношений и т. п. Кроме того, помимо преподавания дисциплины в соответствии с государственным образовательным стандартом, возможно и расширение программы курса посредством мероприятий, подразумевающих непосредственное общение с представителями различных конфессий и соприкосновение с их религиозной культурой. Теоретические знания могут быть дополнены практикой изучения различных

культур. Речь может идти об организации посещения обучающимися религиозных экскурсий. В ходе религиозных экскурсий школьники посещают храмы разных вероисповеданий, воплощающих собой как символическую составляющую религии, так и институциональную. Также предоставляется возможность общения как со специалистами, организующими экскурсию, так и с духовными лицами, которые могут ответить на профессиональном уровне на вопросы, интересующие обучающихся.

Преподавание подобных дисциплин и организация таких мероприятий актуальны и для обучающихся высших и средних образовательных учреждений. На уровне высшего образования подобную роль может играть ряд социально-гуманитарных учебных дисциплин, связанных в той или иной степени с культурой (религиоведение, социология религии, этническая социология и др.).

Немаловажное место в воспитательном процессе занимает проведение дискуссий, направленных на формирование критического мышления молодежи. Навыки критического мышления, как и другие навыки, образуются и закрепляются только в ходе практической деятельности. Одной из наиболее эффективных форм подобной практики являются дискуссии. Дискуссии позволяют в группе открыто обсудить актуальные вопросы и дают возможность высказать свое мнение, причем с применением аргументации и, тем самым, выявить различные аспекты поднимаемой проблемы. Другими словами, дискуссии – это активность, стимулирующая интерес к той или иной теме и, в конечном итоге, навыки критического мышления. Дискуссии должны вестись на такие актуальные и деликатные темы, как нетерпимость, экстремизм, мигрантофобия и т. п. под руководством специалистов, в рамках школьных дисциплин (ОРКСЭ, граждановедение и др.) и / либо возможно проведение подобных дискуссий в специально организованных дискуссионных клубах.

И, наконец, определенные мероприятия с целью этнокультурного развития должны проводиться и при повышении квалификации определенных категорий специалистов (сотрудники полиции, сотрудники ФМС, преподаватели всех уровней образования, журналисты и т. д.) с целью изменения сложившихся стереотипных представлений о других культурах, и, в целом, для повышения уровня этноконфессиональной толерантности [11]. Поскольку эффективность этнокультурного воспитания во многом зависит от уровня общей культуры тех

или иных специалистов. В рамках повышения квалификации должны изучаться и обсуждаться такие темы, как дискриминация, толерантность, отечественный и зарубежный опыт профилактики экстремизма в различных областях и т. п.; должны проводиться психологические тренинги по данным тематикам с проведением тестирования на уровень толерантности в начале и конце курса (в том числе могут быть применены социально-психологические тесты измерения толерантности Т. С. Барановой и др.) [4, с. 121–135].

Итак, можно сделать вывод, что этнокультурное развитие молодежи занимает важное место в воспитательном процессе в рамках образовательных учреждений. Однако воспитательный процесс реализуется не только в специализированных учреждениях. Большую роль в воспитании этнокультурной развитой молодежи, безусловно, играет личный пример семьи, родителей. Уровень культуры родителей значительно обуславливают эффективность воспитания, поэтому определенное воспитание требуется и для родителей.

Роль этнокультурного развития раскрывается и в Федеральной программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 гг.)» [7], анализ которой позволяет сформулировать две основные цели этнокультурного развития молодежи:

- укрепление общегражданской российской идентичности гражданского единства;
- содействие развитию и сохранению этнической и религиозной идентичности.

С точки зрения воспитательного процесса эти положения содержательно раскрываются в рамках следующих направлений:

- а) в информационной сфере:
 - распространение духовных ценностей русской культуры, лежащих в основе российского государства;
 - распространение информации об истории и культуре различных этноконфессиональных общностей, проживающих в России;
 - разработка и распространение идей толерантности, дружбы народов, а также идеи, что «в нашем многообразии всегда была и есть наша красота и наша сила» [8, с. 7].
- обеспечение достоверной и своевременной информацией о состоянии этноконфессиональных отношений и государственной политике в данной сфере;

- борьба с дезинформацией и распространением информации, способствующей пропаганде экстремистских взглядов, разжиганию неприязни между представителями различных этноконфессиональных общностей;

- формирование в обществе атмосферы уважения к историческому наследию и культурным ценностям народов России и пр.;

б) в сфере образования:

- формирование толерантной личности, начиная с дошкольного образования, включая все дальнейшие уровни образования;

- повышение уровня знаний о других культурах и воспитание уважения к культуре, языку и истории всех народов России;

- укрепление позиций русского языка и его развитие как языка межкультурной коммуникации;

- сохранение и развитие языкового многообразия и защита языков национальных меньшинств;

- культивирование и усиление гражданского патриотизма;

- обеспечение преемственности исторических традиций солидарности и взаимопомощи народов России;

- развитие культуры межнационального общения, основанной на толерантности, уважении чести и национального достоинства граждан, духовных и нравственных ценностей народов России;

- повышение культуры и уровня толерантности сотрудников в сфере образования, СМИ, а также других областей деятельности, связанных с работой с людьми, в рамках программ повышения квалификации и пр.;

в) в административно-управленческой сфере:

- обеспечение условий, способствующих свободной межкультурной коммуникации, а также сохранению и развитию культур этноконфессиональных общностей, проживающих в стране;

- профилактика ксенофобии, нетерпимости и дискриминации по признаку расовой, этнической или религиозной принадлежности;

- преодоление этнического изоляционизма и экстремизма;

- развитие межнациональных (межэтнических) и межрегиональных культурных связей;

- интеграция, адаптация, социализация и натурализация мигрантов и их детей различной этнической и религиозной принадлежности и пр.

Таким образом, роль этнокультурного развития в воспитательном процессе молодежи заключается прежде всего в формировании этнокультурной компетентной личности. Развитие этнокультурной личности обеспечивается совместным участием в этом процессе различных институтов, и, прежде всего семьи и всей системы образования и воспитания на всех ее уровнях. В центре данного процесса должна быть нацеленность на культивирование общенациональной и этнорелигиозной идентичностей на основе гражданского патриотизма, толерантности и уважения к культурным различиям. Достижение поставленных целей позволит решить существующие в российском обществе проблемы в этнокультурном развитии современной молодежи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Андержанова Г. В.* Этноконфессиональная напряженность в столичном мегаполисе // Актуальные проблемы внешней и внутренней политики Государств. – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2013. – С. 9–18. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 24 (684). Сер. Исторические и политические науки).
2. *Афанасьева А. Б.* Этнокультурное образование: сущность, структура содержания, проблемы совершенствования // Проблемы педагогики и психологии [Электронный ресурс]. – Электрон. журн. – 2009. – № 3. – С. 190. – Режим доступа: http://www.zpujournal.ru/zpu/contents/2009/3/Afanasyeva/29_2009_3.pdf
3. *Афанасьева Н. В.* Профилактика ксенофобии и экстремизма: психологический аспект // Этнокультурные технологии профилактики экстремизма и ксенофобии: сб. материалов межрегион. семинара. – Вологда – В. Устюг, 2009. – С. 100.
4. *Баранова Т. С.* Опыт применения социально-психологических тестов при измерении толерантности: материалы к курсу «Социология межнациональной толерантности» / отв. ред. Л. М. Дробижева. – М. : Изд-во Института социологии РАН, 2005. – С. 121–135.
5. *Григорьева М. И., Журавлева Н. Н.* Этнокультурное образование: сущность, подходы, опыт реализации // Вестник ВНГПУ [Электронный ресурс]. – Электрон. журн. – 2012. – 2(6). – С. 28. – Режим доступа: <http://vestnik.nspu.ru/>.
6. *Касюк А. Я.* Социокультурные изменения и реалии российского общества // Геополитика. Международные отношения. Социология. – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2012. – С. 62–70. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. № 25 (658). Сер. Исторические и политические науки).

7. Национальная доктрина образования в Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 04.10.2000 г. №751.
8. Послание Президента Федеральному Собранию, 12 декабря 2012 г., Москва, Кремль [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.kremlin.ru/news>
9. Постановление Правительства РФ от 20 августа 2013 г. № 718 «О федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 гг.)» [Электронный ресурс].– Режим доступа: <http://government.ru/media/files/41d4862001ad2a4e5359.pdf>
10. Проект Концепции Федеральной целевой программы «Этнокультурное развитие регионов России (2006–2008 гг.)» / Министерство регионального развития Российской Федерации, 2005 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://stolica.narod.ru/vra/zhur/001.htm>
11. *Саблуков А. В.* Этноконфессиональная толерантность как фактор единства российского социума // Фактуальные проблемы Международных отношений. – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2013. – – С. 192–200. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 2 (662). Сер. Исторические и политические науки).
12. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://xn--80abucjiibhv9a.xn--plai>

УДК 32.019.5

Ю. В. Синчук, А. А. Родионов

Синчук Ю. В., профессор, доктор политических наук, профессор кафедры политологии МГЛУ; e-mail: sinchukjv@mail.ru

Родионов А. А., магистр политологии МГЛУ; e-mail: crcaarod@gmail.com

ПРИСОЕДИНЕНИЕ КРЫМА – А КАКОВА ЦЕНА?

В статье приводится анализ событий марта 2014 года, когда в ходе все-народного референдума в Крыму было принято решение о присоединении Автономной Республики Крым и города Севастополь к России. Авторы дают сравнительную характеристику как негативных, так и положительных факторов от действий российского руководства, присоединивших полуостров к России.

Ключевые слова: Россия; Крым; Украинский кризис; присоединение Крыма; перспективы; санкции ЕС; политические интересы; национальные интересы России.

Sinchuk Y. V.

Doctor of Political Science, Professor, Professor of Political Sciences MSLU;
e-mail: sinchukjv@mail.ru

Rodionov A. A.

Master of Political Sciences, MSLU; e-mail: crcaarod@gmail.com

JOINING CRIMEA – IS IT WORTH DOING THAT?

The article contains analysis of the consequences that were provoked by the rejoining Crimea to Russia in March 2014, when after the referendum in Autonomous Republic of Crimea and Sevastopol the decision to enter the Russian Federation was taken.

Key words: Russia, Crimea, political crisis in Ukraine, rejoining of Crimea, perspectives, the EU sanctions, political interests, Russian national interests.

В последнее время в политических кругах, да и в целом в обществе, часто обсуждается вопрос целесообразности присоединения Крыма к России. Эту тему обсуждают как российские граждане и чиновники, так и мировая общественность. Каждый дает свою оценку событиям марта 2014 г., которые происходили на Крымском полуострове, а также приводит аргументы за и против того решения, которое было принято Президентом России Владимиром Путиным, 18 марта 2014 г., когда он подписал Указ о присоединении Республики

Крым, провозгласившей свою независимость от Украины двумя днями ранее по итогам референдума, в состав Российской Федерации. Существует несколько причин, почему вопрос Крыма (встречаются и другие названия, характеризующие события весны 2014 года в Крыму среди которых чаще всего встречаются следующие: Крымский кризис, присоединение Крыма к России, воссоединение Крыма и России, аннексия Крыма, оккупация Крыма) остается одним из наиболее обсуждаемых в мировой политике.

Во-первых, присоединение Крымского полуострова вызвало широкий политический резонанс во всем мировом сообществе. Не каждый день в мире происходят переходы таких внушительных по размерам территорий от одного государства к другому. Особенно в наши дни, когда государства чаще делятся на более мелкие, нежели объединяются или присоединяют территории.

Во-вторых, Крым имеет огромное значение и в экономической сфере, если не в глобальных масштабах, то, как минимум, в масштабе региона.

В-третьих, у каждого крупного политического субъекта есть свои интересы и подобные события не могут не повлиять на расклад сил, а также в целом на отношения различных стран.

Основной целью этой статьи является анализ последствий присоединения Крыма и, как следствие, решение вопроса о том, насколько целесообразно было решение о вхождении Крыма в РФ. Несмотря на некоторые очевидные преимущества такого шага со стороны российского правительства, стоит глубже взглянуть на проблему интеграции, развития данного региона, самой России и также данного региона в новых реалиях. К тому же нельзя не оставить в стороне точки зрения других заинтересованных в данном вопросе политических субъектов и дать им оценку. Необходимо дать комплексную оценку действиям российского руководства и проанализировать перспективы России как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе.

Актуальность данной проблемы заключается в том, что в нынешней напряженной политической ситуации перед многими государствами стоит дилемма – жестко отстаивать свои национальные интересы, не боясь конфронтации с более влиятельными и серьезными странами на мировой политической арене, или же действовать в фарватере внешнеполитического курса какой-либо из стран. Есть, однако, и третий путь – политика невмешательства в международные

дела и конфликты, при которой государство старается выстраивать приемлемые отношения со всеми странами. Стоит признать, что этот вариант носит временный характер и не может рассматриваться как долгосрочный и перспективный, так как в истории каждого государства наступает момент, когда приходится выбирать между двумя вышеупомянутыми путями. Россия всё чаще и настойчивее отстаивает свои интересы, и это не может не вызывать возмущение у стран Западной Европы и США. Не стоит забывать, что в условиях глобализации любое решение правительства подобного уровня неизбежно приведет к макроэкономическим и геополитическим изменениям, которые необходимо учитывать при принятии этого решения, а также необходимо быть готовым отвечать на встречные вызовы и угрозы безопасности государства [6, с. 141–147] со стороны других стран, экономических и политических союзов, блоков и альянсов, а также ТНК.

До того как территория Крымского полуострова вошла в состав Российской Империи, она долгое время принадлежала Османской Империи, и населяли Крым татары (причем крымскими их стали называть намного позднее). С конца XV в. они стали совершать регулярные набеги на Российскую Империю и Польшу с целью захвата рабов и грабежа. Русско-турецкая война 1768–1774 гг., положила конец османскому господству и по Кючук-Кайнарджийскому мирному договору 1774 г. османы отказались от претензий на Крым. С тех пор территория Крыма стала активно заселяться русскими. Активному развитию региона дал старт указ императрицы Екатерины II. В начале XIX в. в Крыму развивается виноградарство (Магарач) и судостроение (Севастополь), прокладываются дороги. При князе Воронцове начинает обустраиваться Ялта, закладывается Воронцовский дворец, а южный берег Крыма превращается в курорт. По итогам Крымской войны 1853–1856 годов, войны между Российской империей, с одной стороны, и коалицией в составе Британской, Французской, Османской империй и Сардинского королевства – с другой, Российская Империя сохранила за собой Крымский полуостров, хотя и проиграла. Основной целью коалиции в этой войне являлось стратегическое сдерживание влияния Российской Империи и, как следствие, поддержка влияния Османской Империи, которая переживала упадок. После прихода большевиков к власти была образована Крымская Автономная Советская Социалистическая Республика (КрАССР). В 1920-е гг. национальный состав населения Крыма существенно изменился во

многим из-за последствий голода, который унес жизни примерно 100 тыс. жителей, в том числе около 75 тыс. татар. В годы Великой Отечественной войны в Крыму обострился национальный вопрос, в связи с чем были замечены множественные случаи сотрудничества крымских татар с немецкой армией. Впоследствии крымские татары были по этой причине депортированы в другие области СССР. Вопрос правомерности переселения крымских татар с их территорий до сих пор остается одним из наиболее острых в регионе. 19 февраля 1954 г. Президиум Верховного совета СССР издал Указ «О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР». Этот момент в политической истории Крыма и сейчас вызывает множество дискуссий и разговоров. В частности, ставится под сомнение легитимность принятия такого решения, а также о том, что в Указе речь идет только лишь о Крымской области, в которую не входил город Севастополь, что юридически говорит лишь о том, что Севастополь находился в составе УССР, а впоследствии, в составе Украины с 1991 г. по 2014 год, незаконно и формально всегда принадлежал РСФСР, а затем Российской Федерации. Тем не менее в ходе Украинского кризиса, начавшегося в ноябре 2013 г. движением «Евромайдан» и продолжающегося до сих пор, в марте 2014 г. был проведен референдум о статусе Автономной Республики Крым. Референдум был проведен по причине беспокойства подавляющего числа русского населения полуострова тем, что гражданская война и революция могут дойти и до Крыма. 16 марта 2014 г. в Крыму состоялся референдум, в котором, по официальным данным, приняли участие около 82 % избирателей, из них 96 % проголосовали за вступление в Российскую Федерацию. 17 марта 2014 года, согласно результатам референдума, Республика Крым, в которой город Севастополь имеет особый статус, обратилась с просьбой о присоединении к России.

Присоединение Крымского полуострова к Российской Федерации и образование на его территории двух субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя вызвало широкий общественный и политический резонанс. И речь идет даже не столько о том, как к этому отнеслись простые люди разных стран, поскольку не стоит считать, что во многих странах государственную политику определяет население конкретной страны. Подобные действия со стороны населения Крыма, взявшего ситуацию под свой контроль, а также со стороны руководства России мало кто предполагал. Страны

Западной Европы и США не ожидали такого расклада событий, но отнеслись к этому, безусловно, отрицательно, поскольку любые шаги, укрепляющие роль и влияние России в мировом сообществе не могут приветствоваться априори [1, с. 11–16]. В данном случае для западных политиков было абсолютно неважно, каким именно образом Крымский полуостров вошел в состав нашей страны – с соблюдением всех норм международного законодательства или нет, такой шаг был обречен на осуждение в самой жесткой форме. В данном случае Россия решила ситуацию с позиции силы и стремительно, что до недавнего времени было под силу (или, по крайней мере, так многие считали) только США [4]. Стоит все-таки разобраться, какие политические последствия имел такой шаг и какова ситуация на текущий момент. Итак, в результате присоединения Россия попала под жесткое санкционное давление со стороны стран Евросоюза, США, а также стран, в целом поддерживающих политику ЕС [2, с. 48]. Эти секторальные санкции, а также персональные санкции в отношении российских чиновников и бизнесменов, безусловно, пошатнули положение нашей экономики, но не выполнили своей задачи – «обвалить» российскую экономику до такой степени, чтобы вынудить руководство нашей страны изменить внешнеполитическую позицию по ряду вопросов, особенно в Украинском кризисе. Еще одним инструментом негативного влияния на экономику нашей страны стало снижение кредитных рейтингов России ведущими аналитическими агентствами Moody's и Standard & Poors. Снижение этих рейтингов ухудшило инвестиционный климат нашей страны. Третьим инструментом влияния на нашу экономику стал «обвал» цен на нефть [5, с. 141–147], что не могло не сказаться на котировках российского рубля. За период с 1 сентября 2014 г. по 1 февраля 2015 г., рубль подешевел к доллару США более чем на 32 рубля (обесценился на 86 %), а к евро – более чем на 27 рублей (обесценился на 57 %). Однако, необходимо отметить, что несмотря на все усилия в попытках дестабилизировать ситуацию как экономическую, так и политическую в нашей стране, сделать это вряд ли удастся. Хотя бы потому, что опыт выживания у граждан нашей страны в условиях краха экономики и отсутствия сильного правительства есть, и этот опыт еще свеж в умах многих из нас. В нынешних же условиях, когда экономика России вышла на качественно новый уровень и тесно интегрировалась с другими участниками международного рынка, санкции группы стран, какими бы

они не были серьезными и довлеющими, вряд ли смогут «прогнать» российскую экономику до уровня середины 1990-х гг. Правительство США не раз выступало с заявлениями о необходимости изолировать Россию в глобальном масштабе. Однако на практике едва ли кто-то еще, кроме стран Западной Европы и Японии последует совету США – Россия является крупным игроком на рынке природных ресурсов (это как минимум) и отказываться от сотрудничества с ней, значит, ставить сомнительные политические перспективы выше реальной экономической выгоды, на что Китай, страны Латинской Америки, страны Юго-Восточной Азии пойти не могут. Нельзя забывать и о том, что сами страны Западной Европы достаточно сильно связаны с Россией поставками газа, и эти связи разорвать даже в среднесрочной перспективе будет крайне тяжело. А ответные санкции России, так называемое продуктовое эмбарго, ударили по экономике Евросоюза ничуть не меньше. Европейским сельскохозяйственным производителям, основным потребителем которых был российский рынок, пришлось существенно сократить производственные мощности, не говоря уже о существенных непокрытых издержках, которые им никто не возместил. В этой связи стоит заметить, что такого рода контрсанкции стали толчком к развитию отечественного сельского хозяйства. Освободившиеся от европейских импортеров рынки нуждались в новых поставщиках. На данный момент рынки сельскохозяйственной продукции делят примерно пополам отечественные производители и импортеры из стран, не поддерживающих санкции. Более того, в то время как санкции против России были введены в надежде ослабить нашу экономику, они ее только укрепляют. Об этом свидетельствуют слова как самого Президента России, который в эфире прямой линии с гражданами 16 апреля 2015 года заявил, что санкции нужно не перетерпеть, а использовать как возможность реализовать то, что не удавалось раньше, так и просьбы предпринимателей аграрного сектора не отменять санкции в течение последующих нескольких лет, чтобы иметь возможность наладить производство и выйти на достойный уровень конкурентоспособности.

Все эти экономические последствия говорят о том, что действия нашего правительства пошли скорее на пользу, чем во вред нашей экономике. Но перспектива такой пользы долгосрочна, поэтому не стоит ждать немедленных положительных результатов.

Нельзя не отметить и важность самого факта присоединения Крыма. Крымский полуостров занимает очень выгодное географическое положение, благодаря чему Россия получила не просто территорию, но еще и значительные территориальные воды в Черном море. Существенно выросла роль российского флота в регионе Черного моря. Помимо вышеупомянутой геополитической выгоды, есть еще один существенный аргумент в пользу присоединения полуострова – благоприятный климат и возможность использовать территорию для развития туризма. Аналогичную по климату территорию Россия до этого имела только в районе Сочи. Крымский полуостров с его широкой береговой линией и пляжами, уникальным ландшафтом, включающим в себя как горную, так и равнинную местность, а также богатым культурным и историческим наследием в ближайшей перспективе может стать одним из наиболее доходных субъектов нашей страны. Конечно, все это требует существенных капиталовложений и усилий организационного характера. Присоединение Крыма стало уникальным проектом для нашей страны, аналогов которому нет: адаптация региона в российские условия жизни – сложный процесс, который требует принятия грамотных юридических, экономических и иных решений. Такие решения должны носить системный характер, а также служить реализации вполне конкретной и ясной цели правительства – превратить два новых субъекта России, Республику Крым и город Севастополь в динамично развивающиеся, доходные и процветающие регионы нашей страны.

Необходимо отметить, что в результате присоединения Крымского полуострова, стало очевидно, что привычная ранее модель мирового устройства окончательно устарела и не может более существовать. После распада СССР сложилась однополярная система мироустройства, в которой доминирующее положение занимали США. Однако на протяжении последних 7 лет (с началом мирового финансового кризиса) расклад сил в политике и экономике существенно поменялся. На ведущие роли выходят страны БРИКС, а также страны АТР. Растущие экономики Китая, Индии, России, Бразилии и других стран нельзя не брать в расчет [3]. То же самое касается и их политических интересов.

Еще одним фактором, который также нельзя не отметить при оценке факта присоединения Крыма, – это факт, что такое событие вызвало сильнейший всплеск патриотических настроений и гордости за свою страну у миллионов наших граждан. Колоссальный подъем

морального духа и веры в свою Родину, свое Отечество, как у всех жителей России, так и у новоиспеченных граждан нашей страны, у крымчан, является лучшим показателем того, как народ относится к проводимой политике государства. Такие события единят граждан, все народы, проживающие на территории нашей страны.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что присоединение Крымского полуострова имеет намного больше положительных последствий. А те моменты, которые негативно влияют на нашу экономику сейчас, при более детальном рассмотрении, оказываются таковыми лишь в краткосрочном периоде.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Белозёров В. К.* Особенности геополитической картины современного мира // Россия и мусульманский мир. – 2013. – № 1 (247). – С. 11–16.
2. *Гладков И. С.* Внешнеторговые связи России в условиях санкционного давления (2014) // Власть. – 2015. – № 4. – С. 48.
3. *Касюк А. Я.* Направления глобализации в мире и в России // Актуальные проблемы внешней и внутренней политики Российской Федерации. – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2015. – 61 с. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 2 (713). Сер. Общественные науки).
4. *Максимова Е. А.* «Мягкая сила» России как способ расширения ее политического влияния // Актуальные проблемы внешней и внутренней политики государства. – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2013. – С. 155–159. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 24 (684). Сер. Исторические и политические науки).
5. *Хлопов О. А.* Причины и последствия снижения цены на нефть: интересы США и Саудовской Аравии // Власть. – 2015. – № 3. – С. 156.
6. *Синчук Ю. В., Синчук И. Ю.* К вопросу безопасности Российского государства // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». – 2012. – № 5. – С. 141–147.

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Выпуск 17 (756)

Редактор Е. М. Евдокимова
Компьютерная верстка: Г. П. Лопатина
Дизайн обложки: А. Г. Проскуряков

ФГБОУ ВО МГЛУ

Подписано в печать 27.05.2016
Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 11,0
Заказ № 1443

Адрес редакции:
119034, Москва, ул. Остоженка, 38
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru